

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

И. Л. Вершок

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОНЯТИЯ ПРАВОВОГО
СОЗНАНИЯ**

МИНСК
БГУ
2024

УДК 340.114.5
ББК 67.05
В37

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:
кандидат юридических наук, доцент *Е. В. Семашко*;
доктор юридических наук, профессор *В. Н. Бибило*

Вершок, И. Л.

В37 Актуальные проблемы понятия правового сознания /
И. Л. Вершок. – Минск : БГУ, 2024. – 183 с.
ISBN 978-985-881-616-2.

В монографии впервые комплексно исследуются проблемы правового сознания как процесса восприятия, отражения, осмысления и интерпретации информации юридического и (или) социально-правового содержания, протекающего в условиях правового взаимодействия при адаптации субъектов к изменениям окружающей среды. Обосновывается концептуально новый подход, позволяющий различать правосознание как категорию философии и как понятие науки. Рассматриваются теоретико-прикладные вопросы совершенствования правового регулирования и правового воздействия, а также предмет и методы правового регулирования.

УДК 340.114.5
ББК 67.05

ISBN 978-985-881-616-2

© Вершок И. Л., 2024
© БГУ, 2024

ВВЕДЕНИЕ

Основным направлением современных исследований в юридической доктрине является совершенствование правовой системы в целом либо ее отдельных элементов и компонентов, изучаемых на фундаментальном и прикладном уровнях. Большое внимание юристы уделяют различным аспектам повышения эффективности правовых норм и совершенствованию деятельности государственного аппарата. В работах по осмыслению процессов трансформации государственной и правовой действительности прямо или опосредованно рассматриваются вопросы правового сознания. Одни посвящены правосознанию как основному предмету исследования, другие используют правосознание в качестве вспомогательной конструкции при формировании собственной концепции совершенствования государственно-правовой действительности.

Основной тенденцией, прослеживающейся в отношении работ первого рода, является ставшее традиционным изучение правосознания как формы отражения правовой действительности, результаты которого переносятся из одной концепции в другую без пересмотра и существенных изменений. В итоге доктрина правосознания развивается гораздо медленнее. Она не учитывает современные научные достижения в области феноменологии сознания, когнитивной нейробиологии, нейрофизиологии, психологии и социологии, а также находится в стороне от многих глобальных юридических проблем современности, решение которых до сих пор напрямую не связывается с признанием ключевой роли правового сознания человека в трансформации правовой реальности.

Исследования второго рода, стремящиеся включить правосознание в стройную авторскую концепцию об эффективности норм права, о правовом регулировании и правовой культуре общества, ряде других юридических феноменов, к сожалению, интерпретируют

правосознание слишком широко, философско-мировоззренчески. Семантические границы термина «правосознание» в них чаще всего заранее не заданы рамками правопонимания или конкретными физическими параметрами, в то время как пространственно-временные показатели признаны «стилеобразующими элементами» знания в отношении не только реальных объектов материального мира, но и идеальных [127, с. 27]. В результате термин «правосознание» вынужденно перемещается из области универсальной научной терминологии, способствующей точному определению предмета, в абстрактную категориальную сферу собственного мировоззрения автора соответствующей концепции.

Интроспективно наблюдаемое каждым из нас правовое сознание представляется общеизвестным феноменом, но при этом наиболее точное его определение, стремящееся к объективности и научности, предметному анализу, до сих пор не дано. В результате формируется характеристика правосознания лишь через перечисление отдельных его проявлений, которые были доступны исследователю. Определение правосознания перемещается из научного уровня разностороннего объяснения в описательную плоскость или, что еще хуже, ограничивается обывательскими суждениями о том, что думал и чувствовал исследователь, выступающий одновременно и в качестве носителя правосознания.

В данной работе правовое сознание научно объясняется как феномен, трансформирующийся на фоне постоянной динамики правовой реальности и юридической действительности; определяются границы научного термина «правовое сознание» в качестве категории и понятия, отделяя его от иного феномена, именуемого правовым знанием; формулируются основные признаки правового сознания в качестве сложнейшего био- и социально-психического феномена.

Правовое сознание изучается через призму более глобального вопроса, имеющего концептуальное значение для современного общества: в чем заключается причина все большего расхождения официального права с неофициальным. С одной стороны, происходит юридизация сознания и правовой доктрины, расширяются пределы юридического регулирования и ориентации на «возвеличенный» закон; с другой – этот же закон все чаще становится «отстраненным от народного духа» [78, с. 17]. Юристы повышают интенсивность правового регулирования, пишут новые законы и применяют их, стремясь таким образом упорядочить жизнь человека в усложняющихся социальных взаимосвязях на фоне стремительной динамики социальных, природных и техногенных систем. Однако при этом все чаще

эффект становится непредсказуемым. На доктринальном уровне он диагностируется в качестве правового нигилизма, неэффективности или дефектов права, а также других болезненных состояний в правовой системе.

Реальная эффективность права обусловлена не только юридическими, но и социально-психическими факторами, правовым сознанием конкретных социальных групп и коллективов. При этом, несмотря на огромное количество работ по теме правосознания, наблюдается «неполнота научной конструкции правосознания» [78, с. 25], что существенно затрудняет выявление и изучение тенденций и закономерностей трансформации данного феномена.

Обоснованная в монографии характеристика правового сознания берется за основу построения важнейших категорий, понятий и теоретических конструкций из области правотворчества и реализации права. Выдвинута концептуальная идея о том, что в механизме правового регулирования часто первичную роль выполняет не правовая норма, а правоотношение, источником которого является правовое сознание участников. Обоснованы новые критерии классификации права на частное и публичное. Разработан механизм количественной и качественной оценки границ правового регулирования – пределов вмешательства государства в общественное взаимодействие. Пересмотрены методы правового регулирования через призму их влияния на правовое сознание субъекта. В авторской концепции по выявлению и обоснованию различий между нормативностью правовой реальности и юридической действительностью прослеживаются специфические тенденции трансформации правового сознания в обыденной жизни человека и в юридической практике субъекта права.

Критический взгляд и замечания к данной монографии были подготовлены кандидатом юридических наук, доцентом В. Н. Матарсом, которому автор выражает особую признательность и благодарность за его научную позицию.

Значительный вклад в построение концепции правового сознания, учитывающей лучшие традиции национальной юридической доктрины, принадлежит доктору юридических наук, профессору Н. В. Сильченко.

Монография посвящается памяти отца, Леонида Николаевича Мороза, доктора юридических наук, профессора, связавшего свою жизнь с белорусской юридической наукой.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

1.1. Правовое сознание как категория философии и юридической науки

В настоящее время понятие «правосознание» чрезвычайно широко используется в различных источниках, включая научные труды и учебную литературу, особенно юридического профиля. В сложившейся ситуации появляется объективная потребность в доктринальном выявлении причин и последствий повсеместного распространения термина «правосознание», первоначально относящегося к сфере философских категорий, но постепенно перешедшего в словарь общей теории права, формирующей в рамках своего предмета универсальный категориальный аппарат и методологическую базу для всей юриспруденции.

Термин используется на высоком официальном уровне при обсуждении глобальных вопросов политико-правового и конституционного значения, в сфере государственного строительства. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко поднимал проблему формирования правосознания государственных служащих и проводил разграничение правосознания и правового знания, при этом правосознанию было дано приоритетное значение [51]. Актуализировалась проблема конституционной ориентированности правосознания, основанного на глубоком осмыслении и восприятии ценностей и принципов Конституции Республики Беларусь [51] на уровне Конституционного суда Республики Беларусь. Данный термин неоднократно упоминается в выступлениях должностных лиц, особенно в контексте мероприятий по борьбе с преступностью.

Понятие «правосознание» встречается в отраслевых юридических науках, а также в социологии права [246, с. 216], юридической психологии [11, с. 34–49; 41, с. 84–90] и юридической конфликтологии [68, с. 37].

Слово «правосознание» постепенно стало использоваться и в повседневной жизни. Научно-терминологическая и общеупотребительная лексика диалектически взаимосвязаны: термин формируется в рамках существующего лексического фонда. Закрепившись в статусе научной языковой единицы, он возвращается в сферу бытовой лексики, неся в себе множество семантических значений и безграничность содержания [45, с. 6], что и происходит в настоящее время со словом «правосознание».

Фактически имеет место перенос философски сконструированной категории «правосознание» во многие сферы общественной жизни, в том числе и в юридическую теорию. В науке наблюдается искусственное наполнение философского термина юридическим содержанием без каких-либо оговорок о контекстуальных особенностях правосознания конкретного вида, проблемах его вычленения из среды иных реальных явлений и процессов, анализа его динамики в определенных пространственно-временных рамках и дальнейшего специального предметного изучения. В результате слово «правосознание» получает либо гипертрофированное значение в качестве универсальной причины несовершенства результатов правотворческой и правореализующей практики, либо, наоборот, подвергается семантической девальвации из-за частого употребления. Последнее обусловлено тем, что «полнозначное слово, которое длительно находится в обращении и не варьируется», фиксируется в постоянно повторяющемся шаблонном контексте [121, с. 109].

Указанные коннотации приводят к образованию стереотипов о низком уровне правосознания населения, общества или масс либо отдельной группы людей, после чего следует подготовка рекомендаций по его повышению путем «формирования» либо «воспитания» правосознания, осуществляемого в форме «совершенствования правовых знаний, изучения законов и обучения по их использованию» [98, с. 12]. Таким образом, наиболее распространенный способ интерпретации термина «правосознание» редуцируется к полученным сведениям из области положительного права и умению пользоваться ими.

Однако еще Л. И. Петражицкий отмечал, что современное ему правоведение ошибается относительно того, в какой сфере находятся и какую природу имеют те реальные феномены, которые соот-

ветствуют его теоретическим построениям, и с помощью каких научных методов можно достичь их фактического (наблюдательного, опытного) познания. Таким образом, вместо изучения фактов, подлежащих сфере духовной, эмоционально-интеллектуальной жизни человечества, получается конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего [193, с. 180]. В результате современная «теория (= идеология и мифология) правосознания и правового нигилизма» уже не справляется со своими научными задачами: за основными дискуссиями отечественной правовой теории, касающимися правильности, достоверности того, что именно видится, зачастую отсутствует вопрошание и проблематизация того, как такое видение возможно и возможно ли вообще [108, с. 44].

Одна из причин выявленной проблемы кроется в том, что семантическое значение слова «правосознание» ни в фундаментальной, ни в прикладной сфере юридической науки до сих пор не подвергалось детальному уяснению и уточнению того, какой именно компонент правовой действительности оно обозначает. Правосознание комплексно не рассматривалось в качестве реального феномена, имеющего собственную сложную антропологическую, социально-психологическую, правовую и юридическую природу, а также постоянно трансформирующегося в пространстве и времени.

В результате, когда осуществляются фундаментальные исследования проблем правосознания, наука «перестает видеть фактическое» и «начинает измышлять реальность как продолжение своих представлений». Так рождаются понятия, предназначенные «защищать» состоявшиеся теории от труднообъяснимых фактов. Эти понятия – обычно отрицательные (деформация правового сознания, правовой нигилизм, низкий уровень правосознания) – «защищают теорию от неловких ситуаций» [191, с. 18]. При этом остаются открытыми вопросы о реальных процессах и результатах выражения правового сознания, проявляющегося в качестве феномена, и об объективных причинах несовершенства так называемого формирования или повышения уровня правосознания.

При характеристике правового сознания представляется важным и методологически обоснованным не только сформировать понятие, но и выдерживать постоянство его значений в разных коммуникативных ситуациях и безусловное единство на протяжении одного текста [109, с. 108], что вплоть до настоящего времени является трудновыполнимым. Ошибки в словоупотреблении грозят размыть полезные различия [277, с. 22]. Например в работе И. А. Ильина

«О сущности правосознания», посвященной глубокому философско-правовому анализу феномена правосознания, можно обнаружить разные семантические смыслы, которые без дополнительных оговорок и пояснений сигнифицируются одним и тем же термином «правосознание». Это может вызывать в дальнейшем интерперсональную неточность при интерпретации рассматриваемого слова. Так, в одной части своей работы философ рассмотрел «народное правосознание» наравне с правосознанием правоприменяющего субъекта [98, с. 27]. В другом разделе той же работы правосознание признается в качестве неотъемлемого условия вменяемости субъекта права, а сознание трактуется как признак субъектности в праве, так как «право говорит на языке сознания и обращается к сознательным существам» [98, с. 24–25]. Далее правосознание без дополнительной уточняющей интерпретации определяется как необходимая форма человеческой жизни, без которой невозможно существование человека, осознающего, что, кроме него, на свете есть другие люди, – естественное правосознание [98, с. 19–21]. Указанные расхождения смыслов одного и того же термина обнаруживаются на фоне отсутствия в литературе соответствующего периода общепризнанной дефиниции правосознания, несмотря на то, что этот термин использовался в работах Б. А. Кистяковского, Н. М. Коркунова, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, В. С. Соловьева, Б. Н. Чичерина, Г. Ф. Шершеневича [197, с. 14–15]. Однако у Л. И. Петражицкого наблюдается косвенное признание синонимичности терминов «правовое сознание» и «правосознание» [193, с. 129–131].

Более того, приведенные выше смысловые различия при характеристике одного и того же термина предполагают преимущественно частно-правовое содержание, но в работе И. А. Ильина «О сущности правосознания» они дополняются еще и иными определениями, дающими дефиницию правосознания в публично-правовой сфере. Например, рассматривается «русское правосознание» [98, с. 34]; «народное правосознание» как автономное правосознание и способность к самоуправлению [98, с. 61]. Наряду с перечисленными значениями правосознание рассматривается И. А. Ильиным на макроуровне еще и как фактор благополучного существования национальной государственности – государственное правосознание [98, с. 29, 106].

Выявленное семантическое непостоянство терминологии, приведенное в качестве примера из фундаментального труда И. А. Ильина «О сущности правосознания», объясняется сложностью феномена, обозначаемого термином «правосознание», а также отсутствием

в то время предшествующих доктринальных разработок, специально посвященных соответствующей теме. Следует признать, что и в современных исследованиях, предметно направленных на проблемы правосознания, до сих пор не поддерживается единство терминологии, что приводит к семантической девальвации термина. В связи с этим многие неудачи в сфере правотворчества и правореализации огульно объясняются одной причиной: так называемым «низким уровнем правосознания» либо «правовым нигилизмом» как формой деформации правосознания или даже «противоречивостью правового самосознания» [198, с. 27], тем самым маскируя или нивелируя конкретные недостатки выполнения правил юридической техники, сбои в работе механизма государства и (или) в правовой коммуникации. Получается, что юристы знают о существовании правового сознания, но не в полной мере понимают его сущность, подобно тому, как человек может точно знать свой маршрут в знакомом городе, будучи неспособным нарисовать его карту или объяснить другим, как он в этом городе его находит [282, с. 152].

Примечательно, что С. Г. Дробязко подчеркивал исключительную важность точности юридической терминологии, недопущения подмены понятий и терминов и сущностно-ориентационную, а также конкретно-функциональную значимость категорий и понятий юриспруденции [81, с. 44]. Уяснение пределов понятия правового сознания способствует достижению более точного смысла, соблюдению определенного минимума интерперсональной точности и терминологической очерченности в употреблении [121, с. 115]. Для установления границ термина «правосознание» необходимо признать факт семантической девальвации данного слова и определить пути по ее преодолению: отделить философское обоснование категории «правосознание» от ее научного объяснения; сравнить этимологию слов «правосознание» и «правовое сознание», выявить их смысловые отличия.

В большинстве специальных исследований правосознания их дифференциация на философско-концептуальный и предметно-научный уровень до сих пор не осуществлялась. Будучи сформулированной в определенном мировоззренческом контексте, категория «правосознание» часто интерпретируется в рамках конкретной философской концепции или программы. Выявленная тенденция наблюдается во многих современных русскоязычных работах, посвященных проблеме правосознания [9, с. 201–209; 15, с. 12–23; 87, с. 18–32; 109, с. 32–36]. Необходимо учитывать, что философская характеристи-

ка правосознания связана с его обоснованием в качестве категории из области метафизических суждений.

Термин «правосознание», сформированный на метанаучном, мировоззренческом уровне, был постепенно перенесен в понятийно-категориальный аппарат юриспруденции. Правосознание характеризовалось преимущественно с позиций материализма. Его изучали в качестве результата отражения общественного бытия [185, с. 328], что получило имплементацию во многих научных работах теоретико-правового статуса. Отметим, что марксистская философия политическое сознание рассматривала в тесной связи с правовым сознанием [185, с. 329] определенного класса.

На юридическом доктринальном уровне имела место трактовка правосознания как формы общественного сознания, о чем до сих пор говорится в литературе [197, с. 6]. Для характеристики сознания в целом происходило абстрагирование от всего индивидуального и личного [185, с. 321]. Предполагая родо-видовую связь общественного сознания с правовым, правосознанию давалась философская интерпретация в качестве формы отражения общественного бытия, являющейся совокупностью коллективных представлений [180, с. 183–190; 213, с. 36; 295, с. 9–10]. Однако И. Л. Честновым по поводу общественных параметров правосознания справедливо был поставлен следующий концептуальный вопрос: почему речь идет именно об общественном, а не групповом сознании [293, с. 26]? В. П. Малахов иначе высказался по данной проблеме, признав искусственным дистанцирование правосознания от общественного сознания, что также важно для предметно-научного подхода в дальнейшей исследовательской деятельности феномена правосознания [144, с. 170].

Философско-правовое определение правосознания в качестве одной из форм общественного сознания сводилось к характеристике таких его признаков, как психическое отражение правовой действительности [65, с. 7–9]; наличие совокупности идей, взглядов, суждений, представлений, требований, убеждений, мнений, оценок, эмоций, настроений, чувств относительно субъективных прав и обязанностей, объективного права, а также опосредующих их социальных институтов (государства, правопорядка, юридически значимого поведения и т. п.) [123, с. 65; 136, с. 17; 273, с. 204–205; 307, с. 819]. Однако в научных работах психологического профиля отражательный принцип если и рассматривается, то в отношении не сознания, а мышления как «высшей формы отражения» деятельности или процесса [42, с. 35, 36–37].

Философское определение правосознания также умозрительно отделяло его от иных «форм общественного сознания» (моральных воззрений, политических взглядов, философских концепций, идеологических теорий [197, с. 7]), однако на предметно-научном уровне исследований представляется достаточно проблематичным эмпирически выявить и изучить сам процесс перехода от одной формы сознания к другой, признать дискретность каждой из них при условии того, что носитель правосознания жив, физически и психически здоров и бодрствует.

Кроме указанных признаков, правосознанию придавалось регулятивное значение [219, с. 51]. В работах постсоветского периода и в современных публикациях говорится либо о регулятивной функции правосознания [1, с. 28], либо о «регулятивной энергии, выраженной в активных формах господствующего правосознания», которая обнаруживается в исторических ситуациях, когда правосознание выступает обособленно, само по себе, становится основой всего механизма правового регулирования еще до создания правовой системы и «исполняет обязанности» собственно права [9, с. 205–206].

Осуществляемое вслед за философией выделение регулятивной функции правосознания в юридической доктрине имеет достаточно спорный характер. В случае теоретического обоснования и последующей реализации идеи о регулятивной функции правосознания может произойти абсолютное отождествление формы позитивного права с актами выражения правосознания одного или нескольких субъектов, произвольно принимающих правовые решения на основе собственного усмотрения, в то время как правосознание имманентно нуждается в позитивном праве, чтобы «приобрести предметную основу и объективную верность» [98, с. 40]. Правосознание не должно непосредственно выполнять функцию регулирования общественных отношений, оно обладает лишь параметрами индивидуальной мотивации, а его регулятивная сила направлена на внутренний мир человека [213, с. 36].

Примечательно, что Н. В. Сильченко обоснованно дал новую интерпретацию соотношения категории правосознания с философской категорией формы. В частности, он указал на то, что правовому сознанию наряду с формализованным правом и фактическими общественными отношениями принадлежит особое место среди внутренних форм права. Последние интегрируют содержание права и внешние способы его выражения и закрепления [231, с. 24]. Соглашаясь с идеей Н. В. Сильченко о назревшей потребности пере-

смотра соотношения категорий правосознания и формы, отметим необходимость решения этого вопроса, но уже на уровне предметно-научного анализа.

Таким образом, при изучении правового сознания следует признать методологическую необоснованность отождествления мировоззренческих представлений о нем с научными знаниями. Если за основу источника методологии брать философские постулаты [158, с. 119–122], то, будучи предопределенными спецификой объекта, они не попадают в систему методологии юридической науки и сводятся к инструментам формулировки ответов на вечные вопросы поиска смысла жизни, правды и справедливости, но не к объекту юриспруденции. Например, термин «правосознание» в значении так называемого юридического мировоззрения, системы взглядов, которая построена на безусловном признании высокой значимости правовых ценностей и идеалов [9, с. 206], предполагающий философски-абстрактную, статичную характеристику, методологически непродуктивно включать в понятийно-категориальный аппарат юридической науки в целом и общей теории права в частности.

В литературе справедливо констатируется недостаточная эффективность при изучении правосознания, проявляющаяся как в избыточной философской составляющей правовых исследований, так и в некритическом применении теоретико-правового аппарата в работах философского характера [241, с. 3]. Более того, несмотря на то что концепция правового сознания кажется достаточно разработанной в теории и философии права, при перенесении ее на конкретный исторический материал многие ее выводы оказываются бессмысленными [54, с. 3].

В ином случае, когда в основание исследования будет заложено эмпирическое обобщение фактов, а философские постулаты станут лишь продуктом осмысления [158, с. 119–122], сведения, прямо или косвенно относящиеся к феномену правового сознания, помогут объяснить его реальную трансформацию в определенном пространственно-временном измерении. Причем в общей теории права данный феномен целесообразно рассматривать на категориальном уровне – как предельно общее понятие, охватывающее важнейшие характеристики, свойственные всем его типологическим проявлениям. В иных случаях достаточно анализа правового сознания на уровне простого понятия и соответствующего выявления его отличительных признаков и классификации. Таким образом, методологически обосновано разграничение философского (мировоззренческого) представления

о правосознании и научного (эмпирически подтверждаемого) знания о соответствующем феномене правового сознания, изучаемом на категориальном и понятийном уровнях обобщения.

Важно, что идеи Л. И. Петражицкого об «императивно-атрибутивном сознании», «правовой психике» [193, с. 109] и правосознании [193, с. 103] заложили основу для дальнейших научных исследований и понятийной характеристики именно правового сознания как феномена, а не соответствующей философской категории. Если утверждение о ценностных критериях правосознания не относится ни к правовой, ни к психологической науке, поскольку вопрос о ценностях составляет содержание философского дискурса [191, с. 51], то выводы, построенные на методологической основе теории Л. И. Петражицкого, допускали вместо философского абстрагирования широкое использование интроспекции, эксперимента и наблюдения [193, с. 107, 129].

Необходимо отметить, что англоязычные работы, имеющие схожий предмет изучения, часто направлены на анализ правового чувства, арбитражного решения, ощущения закона и порядка, смысла справедливости и т. п. [254, с. 5]. Их можно отнести к предметно-научному уровню познания, отметив при этом узкоприкладной характер многих таких исследований. Более того, попытки поиска аналога сложного слова «правосознание» в иностранном языке, например в английском, вообще не приводят к успеху. В европейских языках существуют описательные конструкции, обозначающие отдельные внешние проявления правового сознания.

Дальнейший сравнительный анализ, предполагающий научную дифференциацию категории «правосознание» и понятия «правовое сознание», даст возможность, не снижая определенную методологическую ценность и эвристический потенциал философских работ, перейти на иной, *перспективный*, уровень изучения правового сознания как реального процесса восприятия, отражения, осмысления и интерпретации социально-правовой и юридической информации, существенно предопределяющего динамику и качество правового регулирования.

При научном анализе правосознания как категории нужно устанавливать то, что можно называть конкретной парадигмой (концептуальным фоном). В свою очередь, понятие правового сознания предопределено стандартным случаем употребления выражения и в большей степени нацелено на описание реальных процессов его протекания. *Категориальный* уровень научной интерпретации правосознания предполагает выделение единого, сущностного его пара-

метра, в то время как на понятийном уровне характеристика правового сознания должна осуществляться путем анализа максимального количества его признаков.

Охарактеризуем категориальный уровень определения правосознания. Заложенная аристотелевской философией традиция эссенциалистской интерпретации – чтения определения понятий слева направо [206, с. 213–214] – широко использовалась в классической юридической науке, при этом дефиниция создавала «комфортную иллюзию завершенности, конечности» [236, с. 75]. Вызовы современной теории и практики обуславливают использование противоположной, номиналистской интерпретации (справа налево), при которой вводятся сокращенные обозначения для максимально большего исключения из текста абстрактных формулировок.

Если в соответствии с эссенциалистским определением в отношении категории правового сознания происходит поиск ответа на вопрос «Что это?» с использованием формулировок «форма отражения» или «совокупность идей, эмоций и чувств», «отношение к праву», то в данной работе осуществляется попытка характеристики правового сознания при помощи номиналистского определения, связанного с иной постановкой вопроса: какую роль в правовой реальности выполняет правовое сознание?

Применительно к юриспруденции указанный методологический концепт был введен Г. Л. А. Хартом, по мнению которого прогресс в науке задерживается не из-за ошибочных ответов, а потому что неправильного рода вопросы. Форма вопроса «Что есть X?» относится к одному слову и спрашивает, что же оно подразумевает (или что обозначает). В отличие от философских, юридические понятия совершенно иные – их отношение к фактам намного сложнее, опосредовано и нуждается в прояснении. Вместо бесперспективного выяснения того, что означают или подразумевают слова, взятые изолированно, предлагается заменить их «характеристикой функции, которую осуществляют эти слова, когда они используются в правовой системе» [282, с. 146–148].

Социально-психологическая адаптация человека к меняющимся условиям правовой реальности путем реализации им собственных правовых притязаний в условиях социального взаимодействия в рамках определенной социальной группы или коллектива составляет основную функциональную характеристику категории правосознания.

В отличие от категории «правосознание», понятие «правовое сознание» обозначает сложный юридический, психический и социаль-

ный феномен правовой реальности, типичные признаки проявления которого будут подробно описаны далее.

В целях наиболее глубокого обоснования необходимости научного разграничения терминов «правосознание» и «правовое сознание» определим их смысл путем семантического и морфологического анализа, закладывающего методологические особенности дальнейших исследований.

Слово «правосознание» является сложным и состоит из двух корней: «-прав-» и «-созна-» [263, с. 538; 264, с. 140; 299, с. 340]. В нем ударение делается на вторую часть, образованную корнем «-созна-». Первая часть слова (корень «-прав-») может трактоваться по-разному в зависимости от конкретной философской парадигмы, доминирующего типа правопонимания и предметной области исследований, в которой решаются проблемы правосознания. Первый корень может подразумевать смысл старославянского «правь», а также быть сокращенным вариантом: существительных «право», «правило», «правота»; прилагательных «бесправный», «правильный», «правовой»; глаголов «править», «управлять», «направлять», «управомочивать», «исправлять»; предикатива «вправе» и ряда других слов. Среди парных категорий или, по терминологии К. Леви-Стросса, «бинарных позиций», характеризующих понятийный строй религиозного мышления индоевропейского типа, у славян исторически обнаруживается довольно много схожих понятий, имеющих фундаментальное этико-правовое значение. Наряду с бинарными позициями «правый – левый», «счастье (доля) – несчастье (недоля)» правда противопоставляется кривде. «Когда мы логически связываем право с правым, справедливым, прямым, правильным, в отличие от всего неправильного, изломанного, искаженного, перекошенного и т. п., то редко отдаем себе отчет в глубоко древнем происхождении и изначальной сакральности данной связи» [152, с. 180–181]. «Многозначный, кумулятивный характер термина “правда”, который со времен митрополита Иллариона и по сегодняшний день многими учеными трактуется как сочетающий в себе и истину, и нравственность, и общественную справедливость» [125, с. 25], обозначает особое внутреннее, психическое состояние человека, существенно детерминирующее содержание его правового сознания.

Примечательно, что у жителей древней Беларуси при противопоставлении правде кривда рассматривалась как способность использовать божественные законы на благо человека. В литературе выделяют особый период постепенного перехода мировоззрения населения

от изначального закона-правды, лежащего в основе обычаев, к государственному праву, которое все еще ссылалось на традиции, но уже изменялось и отдалялось от простых людей, становясь для них чужим [302, с. 134–135]. Этот эмпирический факт признаем существенным для дальнейших теоретических исследований современных проблем неполноты соотношения правовой реальности с юридической действительностью.

Следует признать безгранично широкую вариативность значений термина «правосознание», отсутствие четкости, ясности конкретных сфер, отраслей, методов его предметного научного осмысления и определения. Смысл и содержание термина зависят от словосочетания, являющегося для него основой: правовое сознание, осознание прав или осознание права. В связи с этим примечательно появляющееся в литературе лексическое разграничение правового сознания от сознания права [145, с. 11–16].

Правосознание в значении осознания права – прерогатива инстанции в значении «чистой способности к окончательному и авторитетному решению» [192, с. 81], действующей публично в правотворческом и (или) правоприменительном процессе в рамках своей юрисдикции. Правосознание как осознание прав характерно для частной сферы, субъектов права, по-разному (прямо или опосредованно) сталкивающихся в своей жизнедеятельности с практической реализацией конкретных правовых норм.

Смысл и содержание всех юридических терминов, созданных с использованием сложных слов, характеризуются неоднозначностью и в существенной мере определяются тем, из каких словосочетаний и каким способом они были сформированы. Указанная методологическая проблема касается интерпретации таких сложных слов, как «правоотношение», «правопонимание», «правообразование», «правонарушение», также имеющих первый корень («-прав-») и предполагающих неограниченно широкое смысловое толкование, неопределенность в интерпретации, бесчисленное количество трансформаций словообразовательных структур, которые лишь приблизительно передают содержание сложных наименований [93, с. 1266].

С одной стороны, использование термина «правосознание» оправдано в философском категориальном аппарате, характеризующем феномены на метанаучном предельно абстрактном уровне, который связан с поиском идеальных форм государства и права в контексте конкретной философской парадигмы, программы или теории. При этом происходит абстрагирование от признаков динамичности

и индивидуальности, присущих правовому сознанию как феномену. Обязательный учет контекстуальности данной категории будет обеспечивать границы ее интерпретации рамками заранее определенной философской концепции или парадигмы.

С другой стороны, термин «правосознание» эвристически оправдано включать и в предметную отрасль фундаментальной юридической науки. В таком случае соответствующий ему феномен будет изучаться и характеризоваться очень обобщенно. При это предметность исследований правосознания должна определяться характеристиками конкретной правовой системы, количеством и (или) спецификой статуса носителей правосознания (работников органов внутренних дел, судей), национальной идентичностью (национальное правосознание, «правосознание новых европейских народов» [193, с. 128]), трансформацией на конкретном историческом этапе и т. д. Контекстуальность данного термина предопределяется содержанием правопонимания и типологическими особенностями элементов конкретной правовой системы, в которой проявляется данный феномен и обеспечивается его динамика.

В свою очередь, словосочетание «правовое сознание», характеризующее соответствующий феномен на понятийном уровне, должно предполагать ряд существенных признаков, свойственных сознанию человека, но с особенностями, детерминированными объектом, находящимся в центре его внимания (интенциональности). Такое изучение предполагает средний уровень обобщения, ограничиваясь конкретными процессами восприятия, отражения, осмысления и интерпретации правовой информации типичных субъектов права. Семантически в данном словосочетании смысло-ударение делается на слово «правовое», подчеркивая тем самым специфичность сознательной деятельности именно в юридической сфере, благодаря чему четко прослеживаются главный и зависимый компоненты. Данное словосочетание допускает возможность поменять местами слова, смещая смысловые акценты, например, с «правового сознания» на «сознание права» или «сознание прав».

Таким образом, сопоставление элементов сложного слова (каждая его часть не может быть самостоятельно использована) и компонентов практически аналогичного по форме (не по содержанию) словосочетания (каждая его часть может быть самостоятельно использована) приводит к выводу, что лингвистически отождествлять правосознание и правовое сознание методологически неверно. Свер-

тывание словосочетания в одно слово (универбализация термина) не привело к их полному смысловому совпадению и семантической однородности. Такое словосложение повлекло еще более высокую степень абстрактности и безграничности содержания созданного философияй слова «правосознание», механический перенос которого в понятийную часть юридической науки вызывает семантическую девальвацию термина.

Если обратить внимание на лексические различия между терминами в русском и белорусском языках, можно обнаружить интересный факт: «сознание» в переводе на белорусский язык означает «прытомнасць» и «свядомасць». «Прытомнасць» предполагает обусловленные физиологическими параметрами организма возможности восприятия и отражения поступающей из окружающего мира информации; «свядомасць» обозначает не столько предпосылки восприятия и отражения, сколько осмысление происходящего, а также психическую, когнитивную способность и социальную возможность формировать собственное отношение к реальности. Белорусскоязычные термины и их семантический анализ отражают сложную социальную, психическую и физиологическую природу феномена сознания, особенно правового сознания. Во-первых, правовое сознание может означать состояние субъектности в праве, которое обусловлено не только юридическими параметрами правосубъектности, но и психо-физиологическими, а также социальными и техническими предпосылками восприятия и отражения явлений правовой реальности. Во-вторых, правовое сознание обозначает сложные процессы, направленные на осмысление человеком происходящего, интерпретацию полученных данных и формирование собственного отношения к правовой реальности.

Обратим внимание на то, что раскрытие содержания англоязычных терминов, обозначающих сознательные и когнитивные процессы в правовой реальности, также иногда демонстрирует интересные и не всегда прямо выявляемые в русском языке смысловые особенности понятия правового сознания.

В США и ряде европейских государств концепция правового сознания имеет практическое применение для интерпретации данных полевых исследований, которые проводятся в целях выяснения «правового чувства» населения и того, как оно реально воспринимает официальное законодательство [54, с. 14–15]. Отечественное правоведение, наоборот, делает исследовательский акцент преимущественно на фундаментальные вопросы правосознания.

Наиболее семантически близкий к слову «правосознание» английский термин *legal consciousness* [310; 316] не получил свою сокращенную интерпретацию, аналогичную русскоязычному сложному слову «правосознание». Это еще раз подчеркивает определенную самобытность такого универбализированного термина, как «правосознание», и специфичность работ (чаще – философско-правового содержания) по изучению соответствующей категории.

Термин *consciousness* подразумевает сознание, сознательность, самосознание, разум, умственные способности, память. Он изучается в качестве «the state of being able to use your senses and mental powers to understand what is happening» [176], т. е. состояния возможности использовать свои чувства и умственные способности, чтобы понять происходящее. Данное определение содержит в себе важные постулаты о признаке континуальности феномена, называемого сознанием. Кроме процессов бодрствования и способностей думать и замечать вещи [112], сознание рассматривается как активное когнитивное состояние, в котором человек осознает себя [242]. В указанном значении наблюдается некоторая синонимичность англоязычного термина, обозначающего сознание, с самосознанием.

Слово *perception* подразумевает не только процесс простого восприятия, но и идею, убеждение или образ, который возникает в результате вашего видения или понимания [176; 112], т. е. определенный способ понимания чего-то или размышления о чем-то [242]. Перцепция анализируется как процесс, посредством которого сенсорная стимуляция преобразуется в организованный опыт, а поскольку процесс восприятия сам по себе не является публичным или непосредственно внешне наблюдаемым (за исключением самого воспринимающего), достоверность восприятия может быть проверена только косвенно.

Данный постулат, будучи рапространенным не только на акт восприятия, но и последующие процессы сознания, еще раз демонстрирует спорный характер оценок высокого или низкого уровня правового сознания (иногда встречаются характеристики даже «низшей ступени развития правосознания», при которой правовые сроки исполняются из чувства страха перед наказанием) [255, с. 200] из-за отсутствия объективных критериев для сравнения, а также подтверждает наличие свойства индивидуальности правового сознания. Дело в том, что в реальности правовое сознание каждого человека, учитывая уникальность происходящих у него перцептивных процессов, представляет собой индивидуальную деятельность, типично проявляющуюся в правовом поведении в рамках отдельных социальных

групп или коллективов. Характеристика правового сознания в качестве развитого или неразвитого, высокого или низкого существенно усложняется из-за отсутствия всеобщих, объективных и универсальных критериев оценки.

Слово *mind* (разум, мышление) обозначает часть личности, которая позволяет ей осознавать вещи, думать и чувствовать [176; 242] либо как чью-то память или способность думать, чувствовать эмоции и осознавать происходящее [112]. Кроме того, термин определяется как универсальное свойство материи, предлагается его рассматривать отдельно в философском и научном значении [305], что будет методологически оправдано. В этих определениях подчеркивается эмоциональная и рациональная составляющая когнитивной деятельности, определяется грань между мышлением и сознанием, признается наличие субъектности, детерминированной процессами сознания.

В отличие от других живых организмов, имеющих свойства психического отражения, человек обладает субъектностью и способен сформировать свою Я-концепцию. Она заключается в совокупности представлений субъекта о самом себе, окружающей среде и своей роли в ней. На основании этого человек способен самостоятельно, без воздействия внешних раздражителей, регулировать свое поведение [139, с. 73] при адаптации в окружающей среде.

Указанная способность человека к саморегуляции специфически проявляется в правовой реальности. Если наличие сознания в целом предполагает саморегулирование (самоорганизацию), то феномен правового сознания – это результат сложного сочетания внешних, гетерономных (в том числе юридических), и внутренних, автономных (саморегулирование), императивов при интериоризации правовых норм. Такое сочетание, с одной стороны, строго индивидуально из-за особенностей физиологии, психики и социализации каждого человека. С другой стороны, динамика правового сознания обладает закономерностями, предопределяемыми границами и методами правового регулирования, и типично проявляется в правовом поведении коллективов или групп. Например, в брачно-семейных отношениях для многих субъектов выполнение родительских функций осознается как право, содержание которого усвоено из индивидуального опыта предшествующих поколений в собственной семье. Другие субъекты родительские функции будут воспринимать как юридическую обязанность, которую налагают на них имеющие признак общеобязательности нормы семейного законодательства. Однако в результате все они будут в своем правовом поведении по отношению

к своим детям выполнять относительно схожие, типичные родительские функции. В приведенном примере индивидуальные семейные традиции и общеобязательные нормы права обладают разными механизмами воздействия, но в конечном счете они формируют устойчивые мотивационные доминанты конкретного человека.

По мнению Л. И. Петражицкого, способность правовой, императивно-атрибутивной психики вызывать относительную общность и неуклонность соблюдения соответствующих правил социального поведения следует признать великим достоинством и преимуществом перед нравственной психикой [193, с. 128]. Выражая сомнение относительно «великого преимущества» правовых эмоций перед нравственными, согласимся с тем, что правовое сознание действительно обеспечивает так называемую «относительную общность», получая выражение в более или менее массовом, типичном, правовом поведении, когда больший интерес для исследователя правового сознания представляет исключительное, нетипичное, поведение субъекта правового сознания. Иными словами, правовое сознание характеризуется индивидуальностью при интериоризации и типичностью для отдельных групп (коллективов), схожестью в экстериоризации информации.

Таким образом, категория «правосознание», допускающая высокий уровень обобщения при анализе соответствующего феномена правовой реальности, может быть включена в научный аппарат отрасли фундаментального статуса при условии обязательного указания на взятый за основу тип правопонимания и соответствующее семантическое значение составных частей термина, влияющее на интерпретацию данного сложного слова с учетом конкретной предметной области исследований. В качестве примера можно привести рассмотрение правосознания в значении законосознания (нормативизм); правосознание как чувство справедливости (юснатурализм), легитимирующее правовые новации; государственное правосознание как фактор суверенитета; экологическое правосознание как предпосылку реализации права на благоприятную окружающую среду и пр. При таком исследовании является явно недостаточным сбор эмпирических данных – необходим анализ материала, сведенного в систему и демонстрирующего пространственно-временные характеристики трансформации правосознания. Здесь динамичность правосознания обусловлена типичными проявлениями, свидетельствующими об изменениях, происходящих с теми природными и социальными институтами, на которые оно направлено интенционально. Без изучения контекста трансформации правосознания не-

возможна его научно-содержательная характеристика. В частности, с изменением закона имеет место динамика законосознания; с пересмотром этических норм и принципов меняется оценка справедливости правовых новаций; изменение состояния окружающей среды влечет трансформацию в осознании ценности экологических прав.

Понятие «правовое сознание», в отличие от предыдущего термина, характеризуется более низкой степенью обобщения и подразумевает индивидуальный (физиологический и психоэмоциональный) процесс восприятия, осмысления, выражения и интерпретации социально-правовой и юридической информации, типично проявляющийся у субъектов, включенных в определенную социальную группу или коллектив. Это процесс внутренней регуляции поведения человека, действующий наряду с внешними механизмами правового регулирования его социального взаимодействия. Понятие правового сознания должно формироваться при помощи теоретико-прикладных исследований, проводимых на междисциплинарном уровне, адаптируя методы психологии и социологии под специфику предмета общей теории права и учитывая современные данные из отраслевых юридических наук, а также конфликтологии, антропологии, психиатрии. Например, на данном уровне обобщения методологически продуктивно изучать правовое сознание преступников, совершающих повторное правонарушение; правовое сознание субъектов, участвующих в общественном обсуждении определенного проекта нормативного правового акта; правовое сознание некоторой профессиональной группы и пр.

Имеющиеся коллизии в доктринальном определении правового сознания в значительной степени связаны с семантической многозначностью этого термина. Неточность интерпретации и последующая смысловая девальвация слова «правосознание» при массовом его использовании повлекла отсутствие четкого разграничения правосознания как объекта философско-мировоззренческого значения и правового сознания, выступающего в качестве предмета научного анализа.

Сопоставление элементов сложного слова «правосознание» и компонентов аналогичного по форме, но не по содержанию, словосочетания «правовое сознание» приводит к выводу, что отождествление указанных терминов лингвистически и методологически неоправдано.

Произошедшее свертывание словосочетания в одно слово – универбализация термина – не привело к полному смысловому совпадению и синонимичности терминов «правовое сознание» и «правосознание». Такое словосложение предопределило еще более высокую

степень абстрактности и безграничности созданного русской философией права конструкта «правосознание», механический, внеконтекстный перенос которого в понятийную часть современной юридической науки вызывает еще большую коллизионность при интерпретации. Философский концепт правосознания искусственно наполняется различным юридическим содержанием, что делает невозможным обеспечение единства терминологии и семантической точности в научных дискуссиях о феномене правового сознания. Нарушается объективность при изучении параметров трансформации и оценки правового сознания в определенных пространственно-временных границах.

Доктринальные разработки по проблемам правового сознания целесообразно осуществлять на двух уровнях: категориальном и понятийном.

На категориальном уровне научного обобщения теория права должна сформировать предельно общее понятие, охватывающее сущностный признак, свойственный всем типологическим проявлениям правового сознания. Социально-психологическая адаптация человека к меняющимся условиям правовой реальности путем реализации им собственных правовых притязаний в условиях социального взаимодействия в рамках определенной социальной группы или коллектива составляет основную функциональную характеристику категории правосознания. Научная категория правосознания должна заключаться в рамки определенного контекста: конкретного типа правопонимания, фактов исторической трансформации форм государства или элементов правовой системы.

В иных случаях обоснованы научный анализ правового сознания на уровне формирования понятия и выявление важнейших отличительных признаков его феномена в пределах определенного физического пространства и времени. Этим вопросам будут рассмотрены далее.

1.2. Сущностные признаки феномена правового сознания

Отсутствие четкой дифференциации предметных областей философии и юриспруденции, повлекшее неточность и размытость границ их понятийно-категориального аппарата, а также несовершенство собственной методологической базы теоретико-правовой науки, стало одной из причин недостаточного понимания основ-

ных проявлений и свойств правового сознания как феномена правовой реальности.

Раскрытие в юридической доктрине признаков правового сознания сводится лишь к описанию отдельных форм его проявления, отрывочных фрагментов или не связанных между собой компонентов. Исследователи, пользуясь методом интроспекции или наблюдения, склонны к констатации отдельных психических или социальных фактов, фрагментарно выявленных в правовой реальности и конвенционально принимаемых в качестве признаков правового сознания. Примером могут служить попытки определения правового сознания как субъективного отношения людей к праву, юридической практике, правомерному и противоправному поведению, ценности и признание права обществом. Правовое сознание отождествляется со знаниями о праве, оценками действующего права, мыслями, идеями о желаемых изменениях в праве [17, с. 10], а также с системой чувств, привычек, представлений, оценок, взглядов, теорий, идей субъектов права (носителей правосознания) [306, с. 181]. При внешне различных филологических интерпретациях в основном поддерживался концепт правового сознания как совокупности идей, мыслей, переживаний о праве, представляющих собой отражение окружающей государственно-правовой действительности [210, с. 384].

Правовое сознание идентифицировалось с такими проявлениями социальных фактов, как одобрение определенного нормативного правового акта, доверие к правосудию или органам охраны правопорядка по конкретному вопросу, готовность оперативно и неукоснительно выполнять нормативное предписание. Его часто отождествляли с выражением каких-либо взглядов, эмоций, чувств или переживаний о праве, что демонстрирует ошибочное стремление либо указать исчерпывающий перечень всех форм объективизации правового сознания, либо объединить несколько качественно разнородных явлений, искусственно включаемых в единое понятие правосознания.

Доктрина преимущественно описывала внешние формы выражения или внутреннего состояния правового сознания, но не объясняла закономерности его функционирования и трансформации. Имели место умозрительные и абстрактные рассуждения по поводу сущности и признаков так называемого правосознания, без конкретизации пространственно-временных границ или социально-правовых параметров его проявления. В результате сопоставление полученных доктринальных выводов о правовом сознании с эмпирическими данными о его проявлении в правовой реальности становилось прак-

тически невозможным. Применительно к историческому материалу такие изыскания вообще оказывались бессмысленными [54, с. 3].

Полученных традиционными методами классической науки сведений о правовом сознании в настоящее время явно недостаточно. Остаются нерешенными вопросы о том, что на самом деле подлежит восприятию в процессе правового сознания: объективная реальность или отдельные ее компоненты; в чем состоит содержательная особенность правового сознания по сравнению с общим, и есть ли необходимость в видовой дифференциации правового сознания; почему правовое сознание интерпретирует внешние данные не так, как они были изначально представлены в источнике; как функционирует правовое сознание в процессе принятия и реализации правовотворческого и правоприменительного решения.

Поставленные вопросы могут быть решены посредством научного анализа правового сознания на уровне формирования его понятия с соответствующим выявлением важнейших отличительных признаков правового сознания как сложного юридического и социально-правового феномена. Комплексность при формировании понятия как предмета изучения юридической науки возможна в рамках междисциплинарных исследований с использованием достижений не только юриспруденции, но и психологии, антропологии, социологии, нейробиологии, психофизиологии, нейрокибернетики, тесно связанных с познанием сложных человекообразных систем, при этом «ориентируясь на отход от упрощенных схем в сторону моделирования уникально-конкретного», а также коннекционизма [23, с. 62], связанного с конструированием модели процесса правового сознания.

В данном разделе осуществлено предметно-научное исследование правового сознания как феномена правовой реальности, терминологическая характеристика которого состоит не в качестве сложного слова «правосознание», а в сочетании слов «правовое сознание». Определение признаков правового сознания направлено на характеристику его в качестве «единого, целостного и нерасчлененного феномена психики» [65, с. 9], причем речь идет не о соотношении целого (сознание) и его части (правосознание) [89, с. 29] и не о наличии некоего субстратного начала, порождающего и некий особый вид сознания, а об интенциональной характеристике сознания, направленной на специфический предмет – право [65, с. 9].

Пересмотр важнейших признаков правового сознания возник в контексте критики абстрактной интерпретации правосознания как идеальной формы отражения окружающей объективной действи-

тельности, используемой прямо либо косвенно (при характеристике отражательной функции правосознания [180, с. 184–185]) вплоть до настоящего времени и не учитывающего всю сложность человеческого сознания как такового. Ряд обоснованных замечаний в отношении характеристики отражательной концепции правового сознания уже был высказан В. А. Рыбаковым, утверждающим, что правовое сознание – это не пассивное, зеркальное отражение правовой действительности [224, с. 23–25]. В свою очередь, авторы интегративных концепций правопонимания (А. В. Поляков, И. Л. Честнов) также рассматривают правовое сознание не как форму отражения, а в качестве процесса и одновременно результата «психосоциокультурной интерпретации» сознанием индивидов, социальных групп и социума в целом всего многообразия правовых явлений. Правовое сознание обоснованно анализируется в них в качестве процесса правовой идентичности, соединения индивидуального начала и безличного статуса, осознания сопричастности к правовой системе и уже сложившемуся в обществе правовому порядку [70, с. 29–30].

Приведем несколько иных критических замечаний в отношении классического определения признаков правового сознания как формы идеального (субъективного) отражения материальной (объективной) действительности [246, с. 78–81], а также совокупности идей, взглядов, оценок и чувств.

Во-первых, спорной представляется гипотеза об отражении правовым сознанием объективной действительности или объективной реальности в целом, либо той ее части, которая относится к праву. Определение правового сознания через признак отражения всей объективной действительности без конкретизации времени и пространства локализации фокуса внимания субъекта – носителя правового сознания представляется слишком абстагированным, особенно при отсутствии дополнительных уточнений о непосредственном объекте интенциональности правового сознания.

Отсутствие в работах по правосознанию уточнения конкретного объекта сознательного отражения значительно отдаляет теорию от прикладных проблем правотворчества и реализации права. Так, при определении правосознания без уяснения того, какие конкретно явления объективной действительности отражаются его носителем, сложно утверждать, идет ли речь об осмыслении им сущности права (правопонимании), о правильном сознании (чувстве справедливости), о правдивом сознании (объективной и адекватной оценке происходящего) или осознании им собственных прав. В связи с этим

закономерно появление исследований, обоснованно конкретизирующих предмет отражения правового сознания в виде государственно-правовой действительности или государственно-правовой реальности [119, с. 87], а также правовой действительности, правовой жизни или правовой реальности [119, с. 47–48].

Во-вторых, применительно к правовому сознанию особенно сложно точно определить, где заканчивается субъективное отражение и начинается объективная действительность. Например, достаточно проблематично однозначно ответить на вопрос о том, в какой именно момент в процессе выяснения и оценки обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, субъективное восприятие судьи должно приобретать свойства полного отражения объективной реальности. А ведь данное требование имеет формальное закрепление, например, в ст. 20 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [64] в качестве необходимости объективного выяснения всех обстоятельств, имеющих существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

Иными словами, применяя на практике теорию «правосознания как формы отражения объективной действительности», сложно понять пределы субъективности и усмотрения в правовом сознании правоприменителя – либо они определяются моментом принятия искового заявления к производству, либо процессом заслушивания сторон на предварительном заседании или иных стадиях, либо субъективное заканчивается при подготовке или вынесении судебного решения. В то же время постановка такого вопроса и правильность ответа на него в значительной степени детерминируют законность и обоснованность решения, вынесенного в правоприменительном процессе. Так, ч. 2 п. 15 Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 г. «Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности» гласит, что на судебном заседании судьям необходимо не только проявлять такт, сдержанность и эмоциональную уравновешенность, но и быть внимательными и объективными, причем в п. 22 говорится о повышении уровня общественного правосознания в целом, но об обеспечении объективности процессов отражения в правовом сознании субъектов речь не идет [171]. Отметим, что упоминаемые в постановлении внимательность и объективность являются характеристиками различных стадий процесса динамики правового сознания судей: внимательность касается восприятия (перцепции) социально-правовой

и юридической информации, в то время как объективность – это параметр ее отражения в правовом сознании.

В-третьих, при классическом определении правового сознания представляется спорным вывод о том, что ему присуще именно отражение как таковое, ведь для материального мира последнее сводится к взаимодействию волн или частиц с поверхностью. Если согласиться с идеей отражательной функции правового сознания, то встает закономерный вопрос: что подвергается отражению – сама действительность либо информация о ней, которая «считывается» органами чувств человека как активного, деятельностного индивида, субъекта.

Логическим продолжением возникающей на данной основе дискуссии является проблема субъектности в процессе отражения, а также определения того, кому на самом деле принадлежит активная роль в отражении: явлениям объективной действительности, опосредованно влияющим на осознающего субъекта, либо воспринимающему субъекту, активно направляющему свое внимание на определенный объект окружающего мира и считывающему информацию о нем при помощи органов чувств. Причем еще в 1970 г. У. Найссер доказал, что воспринимаемое поступает в мозг не в чистом, первоизданном виде, «как оно есть там снаружи», а ложится на предуготовленную схему, которую он назвал форматом. Сам существующий на данный момент формат задается всей суммой предыдущих актов восприятия субъекта, что свидетельствует о самоорганизации процесса сознания, его гибкой приспособляемости исходя из предшествующего опыта [113, с. 133–135, 144].

В настоящее время указанная концепция получает дальнейшее развитие в теории прайминга: «Идеи, на которые уже созданы установки, вызывают установки на другие идеи» [104, с. 73]. В соответствии с этими установками в герменевтической парадигме правовое сознание не рассматривается как механическое отражение внешней по отношению к человеку социально-правовой действительности, в которой субъект выполняет пассивную роль, а представляется как конструирующая эту действительность активная мыследеятельность (предпонимание) [175, с. 103].

В результате пересмотра признаков правового сознания, ранее сводящихся лишь к форме отражения объективной действительности в виде совокупности идей, взглядов, оценок и чувств, предлагаемые следующие его признаки.

Правовое сознание представляет собой сложный многоуровневый процесс, направленный на восприятие, отражение, осмысление

и дальнейшую интерпретацию информации юридического или социально-правового содержания, протекающий в условиях социального взаимодействия при адаптации субъекта к изменениям окружающей среды. Оно сконцентрировано на аккомодации и деятельности, его задача – «структурирование отношений между средой и организмом» [30, с. 204]. Причем большое количество информации, поступающей из внешней среды (воспринятой и отраженной), оказывается «безразличной к параметрам личности и внутреннего мира» субъекта, не подвергается глубокому осмыслению, а лишь поверхностно воспринимается, получая простую репрезентацию в нейронных сетях головного мозга [23, с. 268–269]. В контексте поведенческой экономики это называется мыслительной работой Системы 1, функционирующей «в комфортном режиме минимальных усилий» и генерирующей впечатления, предчувствия, намерения и чувства [104, с. 36]. В связи с этим примечательно, что Р. С. Байниязов, изучая проблемы психологии правового сознания, рассмотрел феномен так называемого правового инсайта. Под этим термином он подразумевает внезапное «схватывание» субъектом сущности вопроса в сфере юридического бытия; частично не осознаваемый субъектом права психологический механизм, который действует на несколько установках по сравнению с рациональным осмыслением правовой действительности [15, с. 19].

Далее в процессе правового сознания мозг может «отсекать» определенную информацию и в конце концов допускает в сознание тот объект, который выделяется на фоне остальных или связан с текущими целями субъекта. Затем этот стимул усиливается и начинает управлять поведением субъекта [73, с. 179], характеризующимся контролем со стороны его сознания (самоконтролем), который в терминологии сторонников поведенческой экономики именуется мыслительной Системой 2 [104, с. 37].

Отобранная информация подвергается осмыслению и интерпретации, глубоко затрагивая личностные качества человека, который осваивает ее не репрезентативно, а глубоко, осмысленно и интерпретативно. Процесс интерпретации направлен на придание смысла и основан на предыдущей познавательной деятельности [95, с. 172]. Он представляет собой нечто среднее между раскрытием смысла и конструированием реальности. Интерпретация в таком значении отводит субъекту более активную и решающую роль, состоящую не только в декодировании информации, но и в придании ей нового смысла и значения. Интерпретация – это активный процесс, итог целого ряда ког-

нитивных и мотивационных влияний [221, с. 46], который происходит в правовом сознании, впоследствии выражаясь в правовом поведении.

В качестве примера сравним быстрое и автоматическое (рефлекторное) восприятие и отражение информации со сложным (рефлексивным) процессом ее последующего осмысления, интерпретации и выражения в сфере правовой защиты персональных данных. Так, обывательское, общее и поверхностное отношение к ценности персональных данных в настоящее время демонстрирует высокие показатели. В частности, при проведении опроса Институтом социологии НАН Беларуси по инициативе Национального центра защиты персональных данных большинство респондентов (75,8 %) высоко оценили значимость личной информации [90]. Таким образом, большинство людей воспринимают свои личные данные как важный ресурс и соответствующим образом косвенно признают высокую социальную и индивидуальную значимость их охраны. В процессе правового сознания сгенерировано первое, поверхностное впечатление о персональных данных как о важном объекте, требующем соответствующей организационно-правовой защиты.

Около половины опрошенных (56,5 %) при использовании интернет-сервисов, требующих предоставления персональных данных, знакомятся с Политикой обработки персональных данных. Вообще не знакомятся с текстом Политики 26,6 % опрошенных [90], т. е. их правовое сознание вообще интенционально не направлено на осмысление и интерпретацию информации, связанной с условиями распространения и защитой их личной информации на определенном сайте или платформе. Получается, что важность персональных данных в целом автоматически признает большинство опрошенных, но в дальнейшем глубоко осмысливать и интерпретировать информацию по поводу обеспечения собственной информационной безопасности в цифровой среде готовы далеко не все. Для большинства респондентов реальное поведение по обеспечению безопасности персональных данных не находится в фокусе внимания их правового сознания, и содержание правовой защиты личной информации у них не подлежит осмыслению и интерпретации.

В связи с вышеизложенным необходимо повышать осведомленность населения о законодательстве о персональных данных, что должно привлечь внимание к вопросам защиты «личного пространства» каждого человека и формированию в обществе социальной ценности персональных данных [90]. Однако наличие такой осведомленности означает лишь восприятие и отражение информации

о защите персональных данных, но еще не обязательно обуславливает ее дальнейшее осмысление и интерпретацию, а тем более выражение в правовом поведении. Более того, наличие законодательства, т. е. правового регулирования общественных отношений по защите персональных данных, и даже знание (а тем более осведомленность) о нем не всегда совпадают с правовым воздействием на правовое сознание их субъектов, подталкивающим последних к глубокому освоению юридических инструментов по защите личной информации. Проблема соотношения правового регулирования общественных отношений и правового воздействия на правовое сознание человека будет подробно рассмотрена ниже.

Существенным признаком правового сознания необходимо признать его интенциональность [95, с. 172], причем если сознание интенционально направлено на любой предмет, то правовое сознание (прямо или косвенно) – еще и на опосредующую его норму права. Иными словами, правовое сознание интенционно направлено на предмет социального действия или правового взаимодействия. Субъекты «фактически приписывают себе или другим разные права и обязанности правового типа не потому, что так написано в законе, а потому, что так «подсказывает им их интуитивно-правовая совесть» [193, с. 87], они даже могут и не знать о существовании соответствующего закона. Субъекты права, фактически находясь в гражданско-правовых, брачно-семейных, конституционно-правовых, административно-правовых отношениях, могут не преследовать собственно юридические цели и последствия, нацеливаясь лишь на результат взаимодействия по поводу имущественных благ, семейного благополучия, совместного принятия политического решения и др. Однако в случаях когда баланс интересов нарушается, интенция правового сознания смещается на догматические юридические источники как конечную инстанцию при разрешении возникающего или возникшего юридического конфликта. В случае разногласий и споров, притом особенно серьезных и неподдающихся разрешению без обращения к законам и судам, субъекты «переходят с почвы интуитивного на почву позитивного права» [193, с. 87].

Примечательно, что признак интенциональности косвенно констатировался еще в юридической литературе классического периода. Его рассматривали как свойство социального отражения, при котором люди ставят перед собой определенные цели и стремятся к их достижению [197, с. 6]. И. Л. Честнов обоснованно обращает внимание на признак интенциональности правового сознания, но опреде-

ляет его максимально широко – как направленность на объект (правовую реальность) [293, с. 27].

Интенциональность правового сознания в дальнейшем обуславливает его изучение как феномена, не сводимого к анализу в самом себе. Сознание не может рассматриваться как замкнутое в самом себе: оно должно проявляться в деятельности (принцип размывания круга сознания) [30, с. 207], направленной на определенный объект. В связи с этим и правовое сознание нельзя рассматривать в отрыве от акта его выражения – правового поведения (принцип единства сознания и поведения [139, с. 127]).

Важным признаком правового сознания является наличие у его носителя собственной субъектности («самости»), что дает возможность индивидуальной адаптации к условиям правовой реальности и взаимодействия с другими субъектами права. Характеристика «сознания» связана с наличием индивидуальности его носителя [69, с. 407] и ощущением человеком своего существования, присутствия «здесь и сейчас» и идентификацией себя в мире (различения себя и мира) [275, с. 215].

Функциональное предназначение правового сознания заключается в том, что оно является «невидимой субстанцией», которая создает индивида в качестве субъекта права как в плане правовой идентификации, так и в плане социально-правовой самоидентификации, интегрируя его в социальное множество иных субъектов правового взаимодействия [187, с. 82], включения каждого в социальное целое [292, с. 243]. Согласимся, что при этом личностное начало у субъекта права играет важнейшую роль в формировании и воспроизводстве правовой реальности, которая, в свою очередь, социализирует (рекрутирует) новых субъектов права [289, с. 50]. Рассмотренная «самость», или субъектность, как признак правового сознания сводится к возможности человека утверждать, что информацию считают не его органы чувств, а он сам как субъект. Субъектность внешне проявляется тогда, когда индивид испытывает потребность в адаптационной деятельности, т. е. если происходит нарушение равновесия между средой и организмом. Его активность направлена на то, чтобы вновь установить это равновесие – «реадаптировать организм» [197, с. 62].

Самосознание, как результат динамики правового сознания, связано с процессами саморефлексии и саморегуляции, оно позволяет предвидеть результаты собственного правового поведения, оценивать свои и чужие поступки [79, с. 73]. Но полная реализация субъектности («самости») в правовой реальности возможна только

посредством Другого. По мнению Ю. Е. Пермякова, метафизически носитель правосубъектности подчинен своей свободе и смыслу собственного существования. Но юридически, как субъект права, он имеет официальный статус, подсуден внешней инстанции и формальным правилам [192, с. 109, 110, 113]. Субъектность в праве дает основания приписать деяния конкретному лицу посредством определенной юридической конструкции.

Способность субъекта направлять интенциональность своего правового сознания как на внешний объект окружающей правовой реальности, так и на самого себя предопределяет необходимость разграничения субъектности в праве правовой субъектности. Последняя определена формально-юридически, ее реальность существенно зависит от наличия признаков право- и дееспособности, а также от юридических актов выражения правового сознания представителей инстанции (участников правотворчества и правоприменения, встраивающих субъект в матрицу юридической действительности) и (или) контрагентов (участников правоотношения).

По вопросу субъектности в праве согласимся с тем, что понятие правового «Я» состоит из активного, действующего «Я» (субъекта) – регулятивного правового начала психики, а также из правового «Я» как объекта – правосамосознания и стоящих за ним психических процессов – содержания правового сознания [94, с. 198]. Субъектность в праве может существенно зависеть от когнитивных, эмоциональных, социально-психологических и иных параметров динамики правового сознания человека, наличием у него возможности, желания и способности направлять интенциональность правового сознания на конкретный объект правовой реальности. Субъектность в праве трансформируется и не является постоянной [195, с. 129]. Например, субъектность в цифровой сфере правовой реальности зависит не столько от условий правоспособности и дееспособности, сколько от технической оснащенности пользователя, наличия у него возможностей коммуникации с использованием технических средств, желания регистрироваться на определенной интернет-платформе, выражения согласия на предоставление персональных данных и др.

Важным признаком правового сознания, тесно связанным со свойством субъектности его носителя, следует признать напряженность правового сознания. Всякая сознательная деятельность в той мере, в какой она связана с волей, должна выводиться из ее свойств и степени ее возбужденности в каждый момент времени. В головном мозге скапливается нервное напряжение, которое передается

мышцам, поскольку не может разрядиться в самом мозге, но в этом оно обуславливается отчасти наличными внешними раздражителями, отчасти взаимосвязью всего организма (нервной системы), в рамках которой привычными путями являются те, которые требуют наименьшей затраты сил [259, с. 152–153].

Свойство напряженности в отношении правового сознания опосредованно констатировал также Л. И. Петражицкий, признавая, что всем эмоциям свойственна чувствительность или эластичность, способность в зависимости от обстоятельств подвергаться колебаниям силы, интенсивности. Применительно к напряженности правовых эмоций в его теории прослеживается классификация правосознания на активное и пассивное [193, с. 23, 130–131]. Напряженность правового сознания – это состояние объективной нуждаемости его носителя в чем-то, находящемся вне его. Кроме того, такая напряженность будет зависеть от каузальности или некаузальности правового сознания, т. е. его интенциональности на конкретный юридический случай либо на правовые нормы в целом.

Напряженность правового сознания обеспечивает его динамику: «Там, где возникает напряжение, там и идет движение» [156, с. 104–113]. Характерно, что проявление напряженности правового сознания можно идентифицировать через различные его внешние проявления – «скорость развития тех или иных теорий, настроений, чувств, правовых установок за единицу времени»; чем выше темп, тем сильнее напряженность правового сознания [256, с. 15]. Смещение напряженности правового сознания в определенную сферу (отрасль) правового регулирования может происходить в результате правового воздействия. Например, различные мероприятия правовой информатизации или процесс юридического образования в большей степени связан не с так называемым «формированием правосознания», а с увеличением напряженности сознания, интенционально направленного на восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию определенных правовых норм или конкретных юридических фактов, правовых отношений.

Динамичность правового сознания влечет необходимость дальнейшего анализа протекания его прошлого, настоящего и будущего. Каждый ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах организма, хотя и не тождественных ему [19, с. 49].

Правовое сознание, как и другие юридические феномены, обладает протяженностью, «располагается во времени» [22, с. 195],

темпоральность понимается как свойство, присущее процессу правового сознания. Для правового сознания, как и для сознания в целом, нет временных границ, и это является его главной особенностью [54, с. 4].

Когда определение правового сознания традиционно осуществлялось через характеристику его проявлений (экстериоризацию) и состояния чувств, мыслей, идей, оценок, то сам термин «со-стояние» предполагал описание признаков объекта в конкретный момент времени. Правовому сознанию фактически приписывалось свойство статичности или, по крайней мере, дискретности, например, когда при его определении указывалось, что правосознание – это отношение не только к действующему, но и к желаемому праву [89, с. 50]. В научных целях для данного определения все-таки требуется уточнить, какой именно предмет интенциональности правового сознания обозначается термином «желаемое право» и каковы его временные рамки: относится желаемое право к политическому идеалу, к уже спроектированному или еще планируемому акту правотворчества; речь идет о готовящемся правоприменительном решении либо говорится о вырабатываемом в практике социального общения обычае; приводятся мечты философа об идеальном праве или «юридические фантазии» [197, с. 118].

В зависимости от ответа на поставленные вопросы можно объективно определять не только напряженность и интенциональность правового сознания, нацеленного на образование, воспроизводство правовой нормы или ее оценку, но и вообще отделять правовое сознание от иных феноменов – философского мировосприятия, морально-деловых качеств человека, его политической позиции или должностных обязанностей. Тем более спорным выглядит гипотеза о так называемой «юридической фантазии» [197, с. 118], без уяснения, какими параметрами правового сознания она обладает.

Аналогично необходимо пересмотреть проблему определения правового сознания в качестве мыслей о праве прошлого [258, с. 323] и обязательно уточнить: идет речь о восприятии конкретного недействующего нормативного правового акта, либо уже вынесенного (исполненного) правоприменительного акта, либо сложившейся юридической практики в целом, политико-правовых идеалов прошлого или вообще о ностальгии по старому правопорядку.

Рассмотрение темпоральности в качестве сущностного признака правового сознания дает основания утверждать, что при устранении или дискретности одного из элементов правового сознания его процесс полностью прервется.

Необходимо отметить, что определение правового сознания в динамике, с учетом его темпоральности, нивелирует детерминистические представления о перспективах и эффективности мероприятий по так называемому «формированию правового сознания» [182, с. 12] либо «повышению уровня правового сознания», когда каждое последующее состояние правового сознания рассматривается как строгое следствие предыдущих факторов, воздействующих на него. Указанный детерминизм проявлялся в традиционно выявляемых многими авторами причинно-следственных связях между повышением уровня правового сознания с мерами правовой информатизации, правового воспитания, повышением уровня правовой грамотности населения [57, с. 47; 58, с. 265; 184, с. 36] и формирования правовой функциональной грамотности [55, с. 191; 61, с. 43–44]. Формально это значило, что набор параметров (качеств) системы в один момент времени позволит рассчитать таковые и для всех последующих ее параметров. Например, повышение интенсивности распространения юридической информации или увеличение источников ее трансляции имманентно привязывалось к росту правового сознания у ее получателей.

Указанный методологический подход был фундирован на идеях философского позитивизма, заменившего понятие казуальности категорией «функциональная зависимость», а понятие причины – термином «совокупность условий» [102, с. 12]. Однако существенным недостатком данного метода является то, что полученные на его основе выводы о причинно-следственной связи трансформации компонентов правовой реальности невозможно подвергнуть повторной верификации в условиях, абсолютно идентичных первоначальному. В отличие от естественно-научных законов, социальные тенденции не имеют столь четкой воспроизводимости и повторяемости, не дают возможности для точных прогнозов и предсказаний [164, с. 30].

Фактор, выявленный ранее в качестве причины, при повторном воспроизводстве может стать условием, воздействующим на изучаемый предмет при многих иных параметрах окружающей среды, но необязательно снова станет причиной. Таким образом, трансформация правового сознания в силу его специфической социальной, психологической и физиологической природы не подчиняется закону прямой причинно-следственной связи, что является методологически важным при доктринальном изучении правового сознания как юридического феномена, а также при практических мероприятиях по правовому регулированию и правовому воздействию, правовому просвещению и воспитанию.

Необходимо признать полифакторность правового сознания, которая выражается не в проявлении последнего в разных эмоциях, оценках и чувствах, а в том, что состояние правового сознания как процесса определяется большим количеством детерминант, сведенных воедино в определенной точке. Изменение данных факторов или их смещение автоматически будет сказываться на трансформации правового сознания в целом.

Темпоральная характеристика правового сознания проявляется на разных уровнях по-своему. Во-первых, темпоральность имеет индивидуальные характеристики, обусловленные особенностями организма каждого человека и его специфическими социальными и психическими параметрами. Каждый индивид по-своему ощущает внутреннее течение времени, которое основано на психологических ритмах его организма, обстоятельствах внешней среды. Например, длительность событий, связанных с хулиганством, потерпевшему кажется намного продолжительней, чем обвиняемому [256, с. 30].

Во-вторых, темпоральность может быть специфической для определенного коллектива и обусловленной различными нормативными институтами. У П. Бергера и Т. Лукмана она называется интерсубъективной темпоральностью [19, с. 49]. Коллектив дает усредненное в данный исторический момент значение темпоральности.

Темпоральность правового сознания имеет отличия в зависимости от того, проявляется она в обыденной жизни человека либо связана с непосредственным освоением нового, адаптацией к незнакомым условиям юридической действительности, сопровождаемой процессом правового сознания. Указанная установка будет рассмотрена в главе 3.

В литературе встречается идея о пространстве и внутренних границах правового сознания, причем речь идет даже о так называемом «совпадении территории» правового сознания с нравственным или политическим [197, с. 23]. Для определения правового сознания пытались использовать системный подход, что связано с ранее доминирующим в науке редуccionистским мышлением. Его суть в том, что для усовершенствования любой системы (не только органической, но и социальной) признавалась необходимость разобрать изучаемый объект на составные части [226, с. 16] и воздействовать на дефектную часть в целях оптимизации работы всей системы. Однако пространственное ограничение, как и проявление системных свойств, свойственно не правовому сознанию (оно пространственно не локализовано и континуально), а конкретным результатам его выражения:

правовому поведению, правоотношению, нормативному правовому или правоприменительному акту. Использование системного анализа возможно и методологически оправдано лишь в контексте изучения актов выражения правового сознания как компонентов или элементов систем более высокого порядка, например системы права.

Правовое сознание необходимо рассматривать как сложный коммуникативный процесс получения и передачи информации как внутри, так и вне организма. Полученные экспериментальные данные о наличии многоуровневого информационного обмена между нейронами человеческого мозга [23, с. 61], доказывающие, что сознание – коммуникационная сеть, глобальный процесс распространения информации [73, с. 226], являются эмпирическим подтверждением наличия такого сущностного признака правового сознания, как многоуровневый информационный обмен. Основой информационного процесса сознания является нейронная сеть, существование которой сводится к получению, усвоению и активной передаче актуальных сведений.

Уникальность правового сознания состоит в интериоризации и экстериоризации социально-правовой и юридической информации.

Интериоризация внешних сведений протекает по-разному у каждого человека. Она обусловлена количественно-качественными параметрами поступающей извне информации, а также детерминирована психическими и физиологическими параметрами ее восприятия и усвоения. Процессы экстериоризации социально-правовой и юридической информации у субъектов, взаимодействующих между собой в коллективе, наоборот, имеют типичные проявления, что делает возможным дальнейшее осуществление исследований правового сознания не только на категориальном, но и на понятийном уровне научного анализа.

Что касается характеристики информации, то ее математическое определение сводится к идеальному сообщению, уменьшающему или полностью исключающему (элиминирующему) неопределенность в выборе одной из нескольких альтернатив. Оно относится не к выявлению качества и содержания получаемой информации, а к количественному значению сигнала, передаваемого через каналы коммуникации. Степень информативности сообщения в таком ракурсе оценивается строго в зависимости от его способности уменьшать потенциально возможное количество вариантов и снимать неопределенность [23, с. 258–260].

Применительно к правовому сознанию указанная характеристика информации частично допустима, но предполагает ряд особенностей. Во-первых, в некоторых случаях большое количество информации может быть токсичным [250, с. 200], например, когда значительное количество правовых норм, регулирующих одно и то же общественное отношение, нивелирует единообразие правового регулирования, нарушает общеобязательность правовых норм и создает юридические коллизии.

Во-вторых, количественные параметры информации в правовом сознании предполагают обязательность учета и иных, качественных (содержательных), ее свойств, а также источников трансляции. В связи с этим необходимо содержательное разграничение транслируемой в процессе правового сознания информации на два вида: формализованную юридическую и юридически неформализованную, но имеющую правовое значение (условно назовем ее социально-правовой). Социально-правовая информация в правовом сознании представлена не только сведениями юридической направленности, сводящимися к содержанию нормативных правовых и индивидуальных правовых актов, она в значительной степени относится и к иным, неюридическим, но прямо или опосредованно связанным с правом сферам.

Для сравнения можно привести информацию о 40-часовой рабочей неделе, юридически закрепленную в качестве полной нормы продолжительности рабочего времени в ст. 112 Трудового кодекса Республики Беларусь [268]. Здесь подразумевается осознание как работником, так и нанимателем сведений о нормах рабочего времени, которые юридически предписаны. Однако нормативное закрепление в трудовом законодательстве феномена сверхурочной работы предполагает, что при необходимости работник может осознавать не только юридическую информацию, но и иные сведения, например о случаях производственной необходимости (социально-правовая информация), при которых работник может по различным причинам согласиться осуществлять свою трудовую функцию сверхурочно. Здесь учитывается осознание им не столько юридических, сколько иных сведений, влияющих на выполнение обязанностей перед законом, обязательств перед предприятием, коллективом, руководством и самим собой.

Юридическая информация предполагает строгую формализацию правил поведения и стремление к полному снятию неопределенности. Недостаточность или отсутствие полной и актуальной информации узкоюридического содержания является негативным фактором для динамики процесса правового сознания. Такие случаи квалифи-

цируются в соответствии с Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З как правовая неопределенность. Случаи правовой неопределенности, вызванные пробелами в законодательстве, устраняются либо преодолеваются путем применения аналогии закона или аналогии права на основании формально закрепленных юридических механизмов. В то время как математическая формулировка неопределенности опирается лишь на количественные параметры достаточности или недостаточности информации, то формально-юридическая трактовка последней связывается еще и с ее содержательными критериями, например отсутствием точности, логической согласованности норм права [177].

Субъект права, воспринимающий, отражающий, осмысливающий и интерпретирующий информацию о формально закрепленной юридической норме, освобождается от сложных процессов восприятия и осмысления иной нормативной информации. Он тем самым свободен от размышлений о своем долге, социальной ответственности или духовных переживаний. В таких случаях говорят, что субъект просто действует «строго по закону» или «снимает с себя» ответственность.

Что же касается информации социально-правового характера, то необходимо признать, что ей имманентно присуща неопределенность, особенно в современных условиях значительного количества стохастических изменений окружающей природной и антропогенной среды. Феномен правовой неопределенности в виде неполноты социально-правовой информации может оказывать положительное влияние на протекание процесса правового сознания. Он предполагает постоянную активность человека как специфической информационной системы, которая управляется встроенными программами и обладает внутренней интенциональностью [23, с. 47–48].

В отношении социально-правовой информации правовое сознание будет состоять не только в восприятии, отражении, осмыслении и интерпретации значительного массива нормативных требований к поведению человека, но и его собственном ответственном выборе наиболее валидной, справедливой, правильной или полезной нормы. Если для юридической информации достаточно работы усеченного, быстрого правового сознания, связанного с восприятием и отражением правовых норм, то для обработки социально-правовой информации должен подключаться более сложный процесс, подразумевающий обдумывание проблемы (осмысление) и рефлекссию (интерпретацию).

Основным и наиболее распространенным источником юридической информации являются акты выражения правового сознания

представителей правотворческих и правоприменительных органов (субъектов правоучреждающей и правоприменяющей инстанции), имеющие преимущественно государственно-властную природу, официальных и, соответственно, осуществляющих трансляцию сведений в основном сверху вниз.

Значительный массив социально-правовой информации формируется и транслируется на уровне внутренних горизонтальных связей частного характера в контексте правового взаимодействия. Такая информация может трансформироваться в юридическую и наоборот.

На основании пересмотра традиционно сложившейся философской концепции правосознания как формы идеального отражения объективной действительности, выражающейся в совокупности взглядов, эмоций и чувств о праве, предложен междисциплинарный подход к изучению правового сознания. Осуществлен предметно-научный анализ феномена правового сознания на уровне формирования его понятия с соответствующим выявлением важнейших отличительных признаков.

Правовое сознание представляет собой сложный многоуровневый процесс, направленный на восприятие, отражение, осмысление и дальнейшую интерпретацию информации юридического и (или) социально-правового содержания, протекающий в условиях правового взаимодействия при адаптации субъектов к изменениям окружающей среды.

Правовое сознание обнаруживает признак интенциональности, т. е. направленности на объекты окружающей среды, привлекающие внимание человека в ситуации «здесь и сейчас», причем если сознание интенционально направлено на любой предмет, то правовое сознание (прямо или косвенно) – еще и на опосредующую его норму права.

Интенциональность правового сознания предполагает его тесную связь с субъектностью носителя. Еще одним важным признаком следует признать напряженность правового сознания. Динамика последнего заключается в его темпоральности, имеющей специфические черты как для отдельного субъекта, так и для некоторых коллективов.

Рассмотрение темпоральности как сущностного признака правового сознания нивелирует детерминистическое представление о так называемом формировании правового сознания либо о его рационализации, при котором каждое последующее состояние правового сознания рассматривалось никак иначе, как строгое следствие пре-

дыдущих факторов, воздействующих на него. Трансформация правового сознания в силу его специфической социальной, психологической и физиологической природы не подчиняется закону прямой причинно-следственной связи, что является методологически важным для дальнейшего доктринального изучения правового сознания как юридического феномена.

Правовое сознание представляет собой многоуровневый информационный процесс усвоения (интериоризации) и выражения (экстериоризации) социально-правовой и юридической информации. Интериоризация внешних сведений протекает по-разному у каждого человека. Она обусловлена количественно-качественными параметрами поступающей извне информации, а также детерминирована психическими и физиологическими параметрами ее восприятия и усвоения. В свою очередь, процессы экстериоризации социально-правовой и юридической информации у субъектов, взаимодействующих между собой в коллективе, наоборот, имеют типичные проявления, что делает возможным дальнейшее осуществление исследовательских процедур правового сознания не только на категориальном, но и на понятийном уровне научного анализа.

Сформированные выводы о признаках правового сознания существенно определяют необходимость дальнейшего уяснения проблемы соотношения правового сознания с правовым знанием, что будет осуществлено далее.

1.3. Правовое сознание и правовое знание: вопросы дифференциации

При характеристике феноменов, связанных с мыслительными процессами по поводу права, достаточно часто происходит лексическое (терминологическое и смысловое) смешение понятий знания и сознания. В определенной степени это объясняется тем, что правовое сознание в большинстве работ рассматривается не как самостоятельный феномен, а в качестве компонента или детерминанты правового регулирования [8, с. 25; 168, с. 478], на основе чего правовому сознанию обычно отводится второстепенная роль – вспомогательная либо фоновая. Ряд исследователей основное назначение правового сознания сводят лишь к познанию [224, с. 28] и (или) оценке [103, с. 87; 136, с. 14; 216, с. 70–71] индивидами, их сообществами государственно-правовой действительности, выражению своей

позиции к ней, ориентации участников общественных отношений на законопослушное поведение. Причем остается открытым вопрос о реализации правового сознания в форме невыражения собственной правовой позиции (молчаливого признания, например), а также осуществления правового сознания не только в законопослушном, но и в неправомерном поведении.

Достаточно распространена ассоциация правового сознания со знанием норм права. В литературе отмечается, что правовое сознание не располагает знанием правовой нормы в отрыве от ее социального содержания [191, с. 97]. Считаем важным рассмотрение правового знания в качестве опыта общенормативного и индивидуального правового регулирования [37, с. 60], что в последующем будет проанализировано в контексте социально-психологических аспектов действительности права.

Некоторые тенденции разделения правового знания от правового сознания уже намечаются, однако при этом правовому сознанию по-прежнему отводится узкофункциональное, инструментальное или вспомогательное значение в качестве отражения или оценки действительности. Докажем имеющиеся принципиальные различия в феноменах правового сознания и правового знания и, соответственно, необоснованность редукции правового сознания к правовому знанию, а также проанализируем отдельные функциональные параметры правового сознания. Полученные выводы применим к теоретико-прикладным проблемам закрепления и реализации презумпции знания закона, что придаст исследованию не только методологическое значение, но и заложит основу для выводов прикладного характера по выработке направлений совершенствования юридической практики.

Решение данных задач будет осуществляться при помощи лингвистических приемов, формально-юридического и структурно-функционального метода, интеграции идеалистического и материалистического подхода, создающего «материалистический мостик через пропасть» между материальным и идеальным [24, с. 47].

Учитывая содержательно различные значения общих терминов «сознание» и «знание», попытаемся предварительно разграничить их смысл. Полученные выводы, адаптируя к области правовой реальности, имплементируем применительно к правовому сознанию и правовому знанию.

Характеристика термина «сознание» в значении специфической человеческой способности [215, с. 47] осуществлялась в контексте различных парадигм и философских ориентаций авторов о сущно-

сти сознания. Философские установки поднимают проблему сознания на уровень онтологических вопросов первичности сознания или материи. В идеалистических концепциях постулируется положение об автономности сознания от материального мира, которое само развивается произвольно. В свою очередь, материалистическая концепция изучает сознание как продукт высокоорганизованной материи, свойственный только человеку в качестве высшей формы отражения объективной действительности. Сознание признается обусловленным материальным миром и тесно взаимодействующим с ним. Эта взаимосвязь скачкообразно смещается от материального к идеальному, которые находятся в постоянном противоречии.

Современная парадигма, допускающая использование синтезированного подхода к изучению сознания, стремится преодолеть данные противоречия. Материалистический детерминизм оспаривается посредством критических аргументов: если сознание есть лишь отражение одной материи в другой, то оно не может ни осознать, ни исследовать – зеркало не исследует отраженное в нем [164, с. 10]. В связи с этим С. Л. Рубинштейн обратил внимание на важный факт наличия двух составляющих в любой психической активности: это «и кусок реальной действительности, и отражение действительности – не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразии психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением – единством реального и идеального» [222, с. 10].

Характеристика сознания не должна сводиться к механической процедуре формирования обезличенных паттернов, запечатленных в мозгу человека. Сознание – это и биологические процессы организма, и непрерывный процесс становления и реализации «самости» человека. Важно, что при этом человек функционирует в качестве внешнего наблюдателя, «я-как объект» – *те* (приобретение опыта в отношении всего, что человек может назвать своим), а также как «я-как носитель знания» – *И*, субъект (опыт осознающего «я» и его оценка) [285, с. 229].

Сознание – это творческий процесс, в котором в результате социального воздействия и взаимодействия происходит не только интерпетация (воспроизводство) существующих, но и конструирование (образование) новых паттернов. Оно создает индивидуальную карту образов, которая отражает реальность, а также ощущается и переживается субъектом в качестве собственной, выступающей для него субъективно-объективной реальности. Необходимо учитывать, что

многоуровневая переработка информации контролируется генетически, она навязывает индивиду определенную субъективную интерпретацию перцептивных образов, которые (частично осознанно, частично – нет) «выступают для людей в качестве полноправных заместителей реальности, как “картины”, тождественные воспринимаемой реальности» [163, с. 130].

Необходимо признать индивидуальность пространственных (образ правовой реальности) и временных (темпоральность протекания) параметров правового сознания в процессе перцептивной деятельности и соответствующего получения субъективного опыта. Причем правовое качество процесса сознания возникает из соотнесения фактического с императивами, содержащимися в источниках или формах права, и конструирования субъективной правовой реальности.

Что касается знания, то его определение обычно осуществляется в философском контексте проблем эпистемологии и все чаще – в социальной эпистемологии [154, с. 118–125; 162, с. 172; 214, с. 50–55]. В философии проблема знания определяется через понимание отношения человека к миру, знание связывает человека с миром и говорит ему о реальности, оно признается истинным [135, с. 5]. Рассматривается соотношение знания с миром опыта и здравого смысла. Философская теория знания была формой проблематизации той или иной познавательной ситуации, методом критики сложившихся стереотипов исследования и рекомендацией неких иных путей, имела нормативно-оценочный смысл [135, с. 7, 11]. В настоящее время характеристики объективности и истинности знания подвергнуты пересмотру в рамках исследований предположительного знания К. Поппера [207, с. 20, 32], концепции роста научного знания в контексте одной парадигмы и неявном знании Т. Куна [126, с. 69, 249–256], а также теории неявного знания и личностного знания М. Полани [199, с. 261–263]. Кроме этого, знание часто связывается с преобразовательной деятельностью человека [79, с. 73], а также рассматривается в прикладном значении процессов и результатов социализации, воспитания, образования, информатизации.

Знание понимается в качестве истинной информации о реальном положении дел, полученной из надежного источника. При этом невозможно допустить совершенной пассивности субъекта в познании, он не может быть зеркалом, отражающим объект. По мнению Н. Бердяева, субъект уже потому активен в познании, что он обладает способностью превратить «материальный предмет в интеллектуальное событие» [20, с. 233].

Знания обеспечивают выживание человеческой популяции, процесс требует немалых усилий и напряженного труда. Человеческое знание в обществе дано индивидуальному восприятию *a priori*, гарантируя индивиду смысловой порядок. Хотя этот порядок и связан с определенной социально-исторической ситуацией, он воспринимается как естественный способ видения мира, «относительно-естественное мировоззрение» [19, с. 20]. Более того, по мнению И. П. Меркулова, благодаря когнитивной эволюции наши знания развиваются частично без нашего сознательного участия в силу естественной смелости поколений и появления популяций – носителей новых адаптивно ценных способов переработки когнитивной информации, новых когнитивных способностей [163, с. 115].

Генетически заложенное и социально ретранслируемое знание способствует адаптации индивида к окружающей среде, интегрирует его носителей в отдельные социальные группы, объединяя их по признаку общей осведомленности, и в результате детерминирует внешне схожее («нормальное») типичное поведение носителей соответствующего паттерна в рамках некоторого коллектива или общности.

В отличие от знания, правовое сознание как индивидуальный процесс перцептивной и когнитивной деятельности субъектов права дифференцирует (разобщает) его носителей. Линейная последовательность между их актами восприятия и последующими этапами отражения, осмысления и интерпретации отсутствует, переход от одного к другому акту сложно предсказуем как для исследователей, так и для иных субъектов. Усложнение темпоральности правового сознания современного человека, объективно обусловленное увеличением напряженности и различной интенциональностью его правового сознания, высокой интенсивностью восприятия и отражения правовой реальности, является причиной неоднозначности и непредсказуемости результатов правового воздействия на конкретного субъекта.

Правовое сознание протекает в результате согласованного одновременного взаимодействия нескольких, а зачастую и многих участков мозга человека. Это придает индивидуальность параметрам особенную, даже уникальную, темпоральность сознанию, обусловленную спецификой работы биологических систем всего организма человека, а также процессов его социализации.

Правовое сознание содержит как рациональный, так и эмоциональный компоненты. Правовое знание существенно рационализировано, логически предзадано. Как общее, так и правовое знание имеют творческий и организующий характер, всегда «что-то прибавляют

к действительности, через него нарастает смысл в мире» [20, с. 234]. Параметры правового знания могут быть оценены и проанализированы на предмет наличия определенных паттернов, свойственных конкретному коллективу или сообществу. Познание есть сообщение между людьми, установление связи, «через познание преодолевается разрыв мира, связанный с пространством и временем» [20, с. 237].

В реальности правовое знание и правовое сознание могут не обрести временной синхронизации, например, когда в ситуации правовой неопределенности (незнания) субъект правоприменения действует по своему усмотрению (на основе правового сознания как субъективного восприятия, отражения, осмысления и интерпретации конкретного казуса в правовой реальности).

Процедуры правотворчества и правоприменения направлены на предотвращение или устранение рассинхронизации правового знания и (или) правового сознания у субъектов права. Они юридически формализованы и функционально нацелены на настраивание темпоральности, придание схожей интенциональности и когерентности правового сознания субъектов права, а также (ре-)трансляцию правового знания. В результате этих процедур сформированное у субъектов одинаковое знание о соответствующих правовых нормах (фиксация общих паттернов) является важнейшим фактором интеграции индивидов в определенные коллективы, группы или сообщества. По отношению к познанию в целом Н. Бердяев отмечал, что оно обеспечивает минимальную или «низшую ступень общности между людьми», когда люди совершенно разной духовности, религиозных верований, социальных классов, национальностей и культур могут общаться между собой на его почве [20, с. 238]. Учитывая особую роль права как нормативной системы, обладающей значительной универсальностью и всеобщностью, отметим особенную роль правового знания в интеграции его носителей.

Структурно-функциональное усложнение юридических процедур в сфере правотворчества и правоприменения, появление новых юридических процессов в настоящее время происходит под влиянием усиления противоречий, детерминированных разной темпоральностью и пространственной ориентацией обыденного и профессионального, а также межгосударственного, национально- и локального, частного и публичного видов правового сознания.

Все большая формализация юридических процедур по подготовке, принятию и обеспечению реализации правовых норм направлена на формирование единообразного знания о целях, принципах, после-

довательности правового регулирования у субъектов, изначально обладающих разной темпоральностью и интенциональностью их собственного правового сознания. Знание социально-правовой и юридической информации объединяет, унифицирует индивидуумов на данной основе, вследствие чего они включаются в сложные механизмы социального взаимодействия в качестве типичных, признаваемых формально схожими в своем знании рациональных субъектов, благодаря чему обеспечивается признак общеобязательности и нормативности права.

Л. Фуллер признавал, что даже если один человек из ста потрудится осведомиться, скажем, о законах, применяемых в сфере его профессиональной деятельности, то этого будет достаточно, чтобы оправдать усилия, предпринятые для того, чтобы сделать законы доступными для всех. Этот гражданин, в конце концов, имеет право знать, и нельзя определить заранее, кто именно окажется этим человеком. Кроме того, во множестве сфер деятельности люди соблюдают законы не потому, что знают их непосредственно, а потому, что следуют образцу, установленному другими, которых они считают более осведомленными, чем они сами. Знание закона немногими зачастую косвенно влияет на деятельность многих [276, с. 66–67].

В психологии признается континуальность процесса сознания [215, с. 111], указывается, что оно никогда не существует в дискретном состоянии [196, с. 93], что актуально и для правового сознания. Данный признак отличает правовое сознание от правового знания. Правовое знание может быть отрывистым, неполным или пробельным (при правовой неопределенности), человеку невозможно знать все. В свою очередь, пробелы в правовом сознании как состояния могут быть связаны только с утратой сознания как такового (в случае смерти носителя правового сознания, медицинских манипуляций с ним (наркоза)).

Анализируя правовое знание как знание-знакомство, Г. Л. А. Харт отмечал: «...мы не употребляем в настоящем продолженном времени (*continuous present*) глагол «знать» (*to know*) (*I am knowing*)... настоящее время глагола знать (*to know*) вневременно, т. е. не служит для того, чтобы отличить настоящее время от будущего или прошедшего» [282, с. 69]. Указанный постулат подтверждает гипотезу о том, что правовое знание обладает вневременными параметрами, а правовое сознание континуально и темпорально.

Явление неопределенности в праве как пробел, дискретность знания снижает познавательные возможности субъектов и может негативно влиять на устойчивость, стабильность и сбалансированность функционирования правовой системы. Однако правовая неопреде-

ленность может существенно обусловить повышение качества правового сознания конкретного человека, порождая у него инициативность, ответственность перед окружающими и самим собой, стимулы к творческому, рискованному, но более эффективному поведению. Так, результаты социально-психических исследований указывают на то, что иногда «внешние стимулы могут подорвать внутренний интерес к деятельности» [271, с. 190].

Трансляция правового знания имеет важное значение для эффективного правового регулирования, вплоть до того, что факт знания закона относится к юридической презумпции. Появление презумпции знания закона заключается в предположении о том, что субъект обладает знаниями о наличии или содержании закона, если не доказано иное. Факт ее существования, доктринальной разработки и обсуждения догматического закрепления связан с реализацией признака общеобязательности правовых норм. Данная презумпция строится на следующей логической связи: если норма права опубликована, о ней знает один, второй, третий и иной субъект, то ее знают другие субъекты права (настоящие и будущие), если не доказано обратное. При этом сразу подчеркнем, что для конкретного субъекта с индивидуальной темпоральностью и континуальностью его правового сознания невозможно точно определить локализованный в пространстве и времени факт появления правового знания. Налицо несоответствие (противоречие) юридической логики с психическими закономерностями реальной динамики процесса правового сознания и наличием знания права. Правовое знание – не вирусная инфекция, оно не может распространяться от одного носителя правового сознания к другому по жестким, генетически предопределенным причинно-следственным связям естественных законов.

Вопреки вышесказанному, достаточно распространенным в юридической литературе является выведение из презумпции знания закона обязанности субъекта права знать законы, основанной, в свою очередь, на обязательности всеобщего «соблюдения и исполнения» закона. Причем иногда указанная обязательность связывается с состоянием гражданства [36, с. 84]. Приведенная проблема усугубляется тем, что встречаются предложения по юридической формализации рассматриваемой презумпции.

Появление презумпции знания закона связано с ранними кодификациями обычного права, при которых в процессе правообразования постепенно возникала новая стадия – стадия правотворчества как деятельности государства в публичных интересах по санкциони-

рованию обычая или созданию новых правовых норм. Объективная необходимость в установлении данной презумпции стала появляться на фоне исторически обусловленного ослабления регулятивного потенциала норм обычного права, образующихся частным образом в рамках определенной общины и, соответственно, известных всем ее членам. Взамен происходило усиление нормативности гетерономных правил, формируемых публичной властью и лишь после этого доводимых до сведения подданных.

Указанный процесс происходил на фоне роста и развития городов, в условиях снижения роли общинной организации жизнедеятельности. Городское население обладало более сложной дифференциацией по кровнородственному, имущественному, классово-сословному, профессиональному и иным признакам по сравнению с достаточно однородной сельской общиной, что предполагало необходимость перехода к иному, централизованному, типу гетерономного и претендующего на универсальность государственного правового регулирования, содержание которого не могло быть заранее общеизвестно.

Если в общине нормы обычного права формировались автономно в процессе адаптации всех ее членов к условиям окружающей среды и были имманентно связаны с ней, то государственная организация (публичная власть) брала на себя основную миссию по формированию правовых норм в рамках соответствующей социально-политической структуры. Законотворческая деятельность, осуществляемая публичной властью в направлении сверху вниз, вызывала объективную необходимость появления презумпции всеобщего знания закона, обеспечивающей реализацию универсальности или всеобщезаключительности правовых норм.

Уже в римском праве содержалось правило *Ignorantia legis neminem excusat* [166] – презумпция правознакомства, или номологическая презумпция. Так, «римляне говорили, что незнание закона, знание которого предполагается, не служит извинением для лица, нарушившего закон: *ignorantia iuris, quod quisque tenetur scire non excusat*» [209, с. 468]. Однако здесь имеет место оговорка, в отношении какого закона применяется презумпция: только того, знание которого предполагается. Это логически исключает распространение данной презумпции на все нормативные правовые предписания.

Иная формулировка презумпции состоит в том, что «никто не может отговариваться незнанием закона: *nero ignorantia iuris resucare potest*» [209, с. 468], но отговариваться или оправдываться незнанием и освобождаться от ответственности по причине незнания закона –

не тождественные для юриспруденции категории. Более того, в указанной формулировке не проводится четкое разграничение знания закона и знания права, которое на фоне выдвинутых предложений о юридическом закреплении рассматриваемой презумпции требует детального уяснения.

Презумпция знания закона как одного из видов нормативного правового акта должна выполнять функцию охраны, установления «пределов признания, реализации, обеспечения и защиты интересов» [34, с. 33], что порождает обязанность государства осуществлять максимально доступное официальное опубликование законодательных актов. Соответственно, у субъекта права юридически и логически появляется правопритязание на качественное и своевременное государственное информирование об изменениях законодательного регулирования. По мнению Л. Фуллера, законы должны надлежащим образом публиковаться еще и с целью их доступности для общественной критики, состоящей и в том, что они принадлежат к числу законов, которые не должны вводиться в действие, если их содержание невозможно эффективно донести до тех, кто должен будет их соблюдать. Но требование публикации законов не основывается на нелепом ожидании того, что примерный гражданин сядет за стол и будет читать их все подряд [277, с. 66–67]. В связи с этим справедливым является указание Ж.-Л. Бержеля на фиктивность признания некоторой короткой информационной отсрочки, в течение которой каждый гражданин должен познакомиться с законом [22, с. 214].

В свою очередь, презумпция знания права (в широком смысле) предполагает познание не только норм официально опубликованного закона, но и «правовое чувство индивида» [130, с. 225], формируемое в результате его адаптивной деятельности, а также в усвоении необходимых паттернов правового поведения при воспроизводстве правового обычая и других источников права. В связи со сложностью, объемом, уровнем предъявляемых требований, коллизийностью современного нормативного правового массива презумпция знания права в таком широком смысле, как констатируют в литературе, вынужденно превращается в фикцию [36, с. 85].

Таким образом, термин «знание» в презумпции знания закона предполагает наличие общего паттерна поведения, сформировавшегося под воздействием информации о законодательной норме, что в значительной степени обусловлено реализацией принципа гласности в законотворческой деятельности. Но реализация данной презумпции становится действительной в отношении субъектов

правового поведения, приобретающего признаки правонарушения. Она фактически распространяется только на субъектов правонарушения, которым на основе деликтного законодательства вменяется в вину определенный проступок. Для правоприменителя не представляется важным, знал ли на самом деле норму закона правоопослушный человек; если презюмируется, что субъект правонарушения обязан был знать конкретные юридические нормы, то соответствующая обязанность в отношении него должна была иметь формализацию, нормативное закрепление в законе. Если нет ее юридического закрепления (пробел в правовом регулировании), то отсутствует и юридическая обязанность, а также соответствующее правонарушение, связанное с ее невыполнением. В соответствии со ст. 71 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» применение институтов аналогии закона и аналогии права запрещается в случаях привлечения к ответственности, ограничения прав и установления обязанностей [177].

Однако, даже при факте юридического закрепления обязанности знать содержание всех норм деликтного права, возникнет проблема доказывания того, что субъект права по объективной причине не мог знать содержание правовой нормы, отсутствовала его вина и, соответственно, состав правонарушения, что вступает в противоречие с презумпцией невиновности.

Если презумпция знания закона рассматривается исключительно в качестве обязанности субъектов правотворчества и (или) правоприменения по реализации принципов гласности и законности, тогда ее лексическое значение не совпадает с формулировкой и требует пересмотра в качестве презумпции добросовестности и полноты реализации принципа гласности в сфере властно-распорядительной деятельности государства.

Утверждение со ссылкой на Ж. Карбонье о том, что правовое сознание индивида может восстанавливать логику законодателя и таким образом способствовать пониманию сути правовых требований в каждом конкретном случае, признающее возможность наличия единства логики нормативного акта и логики поведения [130, с. 226], основано на стремлении юристов компенсировать недостатки юридической техники и правоприменительной практики. Однако при этом оно искажает значение анализируемой презумпции, необоснованно отождествляя публично-правовую интенциональность правового сознания законодателя с логикой субъекта, реализующего правовые нормы в частном порядке по собственному усмотрению.

В более широком значении презумпция знания закона может пониматься как презумпция осознания норм права, предполагающая социально-психическую возможность и направленность воли субъекта правового взаимодействия на перцептивную деятельность по получению информации о правовой норме с возможными дальнейшими процессами ее осмысления и интерпретации – построения индивидуальной карты правовой реальности, предопределяющей правовое поведение. Такая возможность и направленность воли характерны для субъекта социального взаимодействия, стремящегося адаптироваться к условиям окружающей среды путем восприятия и осмысления информации о ней и обладающего субъектностью в праве. Указанная презумпция на самом деле состоит в предположении о нормальном состоянии правового сознания субъекта (презумпции его психической и социальной вменяемости), обусловленном ментальным и психическим здоровьем и успешной социализацией, дающими возможность целенаправленного восприятия необходимых юридических и социально-правовых сведений, и их осмыслением и интерпретацией (рациональной оценкой), если не доказано иное.

В Конституции Республики Беларусь презумпция знания закона не получила легальное закрепление. В ст. 7 определено, что нормативные правовые акты подлежат официальному опубликованию или доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом [122], что предполагает определенную обязанность транслировать информацию о нормативных правовых актах. Однако необходимо подчеркнуть, что требования в данной статье относятся не только к законам, но и ко всем нормативным правовым актам, что из-за их значительного количества, иногда нестабильности правового регулирования может существенно ограничивать или даже нарушать когнитивные процессы субъекта.

Кроме того, неопределенным остается признак «доводятся до всеобщего сведения иным предусмотренным законом способом», который в связи со всеобщей цифровизацией и постоянным развитием способов получения, хранения и передачи информации приобретает слишком размытые границы.

Правовое сознание, в отличие от правового знания, обладает свойством индивидуализации его носителей – субъектов права. Это обусловлено континуальностью их правового сознания и индивидуальной темпоральностью процессов восприятия, отражения, осмысления и интерпретации человеком правовой информации.

Правовое знание субъекта правового взаимодействия способствует его адаптации к окружающей среде. Как определенный отобраный и осмысленный паттерн правовое знание интегрирует субъектов-носителей в отдельные социальные группы, объединяя их по признаку общей осведомленности и существенно детерминируя у них типичное правовое поведение.

Важное предназначение презумпции знания закона состоит в интеграции субъектов права в единый правопорядок, что исторически было обусловлено переходом от доминирующей практики образования норм обычного права к государственному правотворчеству.

Значение презумпции знания закона может пониматься в контексте процесса правового сознания человека (1) или правового знания (2). В первом аспекте презумпция способности человека к знанию закона состоит в предположении о нормальном состоянии правового сознания субъекта (презумпции его психической и социальной вменяемости), обусловленном ментальным и психическим здоровьем и успешной социализацией, дающими возможность целенаправленного восприятия необходимых юридических и социально-правовых сведений, их осмысление и интерпретацией (рациональной оценкой), если не доказано иное.

Во втором значении презумпция правового знания существенно обусловлена качеством выполнения обязанности представителем инстанции – субъектом правотворчества и (или) правоприменения по реализации принципов гласности и законности. Лексическое значение рассматриваемой презумпции в таком случае требует пересмотра в качестве презумпции добросовестности и полноты реализации принципа гласности в сфере властно-распорядительной деятельности государства.

В результате изучения генезиса и основных признаков правового сознания, осуществленного как на понятийном, так и на категориальном уровне обобщения, остается открытой проблема внутренних (структурных) и внешних (классификационных) характеристик феномена правового сознания. Данному вопросу будет посвящена следующая глава.

СТРУКТУРНАЯ И КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

2.1. Структурные особенности правового сознания

Свойства взаимообусловленности, взаимосвязи, структурированности, видового разнообразия наиболее четко и последовательно отражаются в явлениях и процессах материального мира. Применительно к правовому сознанию как феномену правовой реальности свойства структуры и видовой дифференциации выявлять и изучать гораздо сложнее, тем не менее это не означает, что они не существуют вообще. Для установления взаимообусловленности и взаимосвязи правового сознания с явлениями и процессами правовой реальности, а также углубленного изучения его динамики, существует объективная необходимость исследовать проблемы структурного строения и дифференциации правового сознания.

Определение структурных параметров правового сознания будет способствовать конкретизации знаний о нем как о реальном феномене правовой реальности, имеющем определенную пространственно-временную протяженность. М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский отмечали, что структурированность сознания имманентно предполагает его пространственные параметры: сама структура сознания есть определенная пространственная конфигурация, она сама по себе является некоторым пространством [153].

Несмотря на имеющиеся достижения в определении генезиса и сущностных свойств сознания, феномен правового сознания до сих пор рассматривается не со структурных позиций, а как вспомогательная категория для изучения иного явления, например правовой культуры [75, с. 119]. Предполагается, что сведения о правовом созна-

нии способствуют познанию иных структур в государственно-политической, социально-правовой, духовной или юридической сфере. Проблема структурности правового сознания в юридической науке не подвергается специальному комплексному изучению: как нечто особенное и самодостаточное правовое сознание в рамках предмета фундаментальных отраслей знания не слишком интересует исследователей и всегда рассматривается в том или ином отношении к чему-либо [241, с. 9, 13].

Сложности при решении вопроса о структуре правового сознания во многом обусловлены тем, что классическое его определение в качестве совокупности взглядов, эмоций или чувств сводилось к характеристике лишь каких-либо фрагментов восприятия, отражения, осмысления или интерпретации информации, проявляющихся на фоне правового поведения, особенно неправомерного. Это давало определенные результаты, но вызывало затруднения при комплексном анализе и объяснении происходящих трансформаций феномена правового сознания, попытках предвидения его динамики. Образовавшиеся лакуны в имеющемся массиве объективной информации о структуре правового сознания вынужденно заполнялись выводами, полученными посредством метода интроспекции, анализа собственных ментальных процессов исследователя.

На практике данная тенденция выглядит так: правоприменитель при квалификации правонарушения, будучи нацеленным на максимально объективное изучение фактической основы дела, вынужден реконструировать недостающие элементы схемы состава правонарушения на основе собственного правового сознания (усмотрения), зависящего от его личных стереотипов, опыта, индивидуальных особенностей восприятия и знания жизни. В итоге решение о субъективной стороне правонарушения заключается не в объективных выводах о динамике правового сознания правонарушителя в конкретной ситуации, а в мыслях «о том, что думает сегодня судья о том, как думал субъект правонарушения в момент его совершения» с использованием наиболее психологически убедительных, по мнению правоприменителя, нарративов. Такая «спонтанная теория сознания или интуитивная психология» [33, с. 37] не учитывает, что в процессе усмотрения могут произвольно произойти когнитивная ошибка, вызванная, например, каузальной интуицией (склонность неуместно применять каузальные рассуждения в случаях, где следует оценивать ситуацию с точки зрения статистики) [104, с. 105], либо преувеличенная эмоциональная когерентность (эффект ореола увеличивает силу первых

впечатлений, иногда до такой степени, что остальная информация полностью нивелируется) [104, с. 112–113], а также ретроспективное искажение (вызывает порицание за хорошее, благоразумное решение, но принесшее плохой результат) [104, с. 267].

По нашему мнению, ряд проблем фундаментального и прикладного характера обусловлены тем, что в настоящее время доминируют исследования структуры правового сознания, ограниченные лишь эмпирически наблюдаемыми некоторыми его фрагментами, проявлениями. Они направлены на изучение правового сознания в качестве объекта, но не предмета науки. Тем самым происходит нарушение познавательного принципа о том, что законы объекта и конструкции предмета науки с методологической точки зрения должны находиться в отношениях не тождества, а эвристического соответствия [253, с. 141]. В итоге выводы о правовом сознании, формирующиеся в результате вынужденного слияния объекта и предмета научного познания, обладают качеством неполноты и узости (туннелированности). Утрачивается корреляция, увеличивается разрыв между искусственно сконструированными абстрактными схемами структуры правового сознания с фактами его реальной динамики.

В качестве примера можно привести концепции правового фетишизма и инфантилизма как теоретические конструкции (абстрактные схемы), вырабатываемые в настоящее время для характеристики деформаций правового сознания, но при этом сложно эмпирически верифицируемые в правовой реальности. Во-первых, фетишизм, как религиозное поклонение неодушевленным предметам (проявление культа), и инфантилизм, как физическая или психическая отсталость развития человека (психическое отклонение), относятся к совершенно разным сферам бытия, и, соответственно, входят в абсолютно различные отрасли (предметы) научного знания. Как минимум по этой причине инфантилизм и фетишизм не могут быть рассмотрены в качестве однородных проявлений так называемой деформации правового сознания.

Во-вторых, возникает вопрос об эмпирических основаниях концепции правового инфантилизма или правового фетишизма, а также о ее отношении к предмету общей теории права. Если инфантил неспособен принимать решения из-за психических или физических недостатков развития, то только психиатр может компетентно определить причины и последствия такого отклонения и назначить корректирующие медицинские мероприятия в соответствии с протоколом лечения.

Ответы на вопросы, какие примеры осуществления магического культа или фетиша по отношению к определенному кодексу или закону встречаются в юридической сфере и что с этим делать, должны искать сексология и этнология. Как указанные вопросы связаны с правовой реальностью и тем более с предметом общей теории права? Полагаем, что попытки выделения указанных и схожих абстрактных формулировок (теоретических конструкций) базируются на методологической погрешности смешения предмета и объекта науки, искусственного заполнения предмета общей теории права разрозненными эмпирическими данными либо абстрактными терминами и суждениями мировоззренческого характера.

В ином, конкретизированном, предметно-научном ракурсе изучение проблем структурности правового сознания уже встречается, но оно направлено на анализ узкоспецифических форм его выражения в конкретных пространственно-временных границах [146, с. 11–16], либо изучаются источники и способы формирования у индивида правовых установок, формы их экстерииоризации в правовом поведении [110, с. 116–121; 298, с. 84–92], а также отдельные эмоциональные показатели в контексте прикладных исследований, например страх перед преступностью [313, с. 89–101].

Попытки обоснования различных элементов правового сознания, соответствующих его сложной континуальной природе и этапам протекания, также встречаются. В частности, Р. С. Байниязовым при рассмотрении психологических аспектов правосознания было отмечено, что индивид не только воспринимает право, но и ощущает, чувствует и эмоционально реагирует на юридические нормы [15, с. 16–21]. А. В. Поляков справедливо указывал, что интерпретирующий субъект осуществляет селекцию поступающей информации, задействуя в этом процессе не только свой разум, эмоции или подсознательные стереотипы поведения, но и духовный мир в целом, что позволяет иметь отношение к анализируемой информации, корректируемое внешним социальным окружением [204, с. 28]. Однако наиболее распространена в юриспруденции констатация двухэлементной структуры правового сознания (правовой психологии и правовой идеологии) [88, с. 73–77; 265, с. 101–103; 296, с. 23–26], которая имеет философские корни. В философской литературе советского периода структурное деление сознания осуществлялось преимущественно в отношении общественного сознания и заключалось в абстрактном выделении идеологии и общественной психологии [56, с. 141], что до сих пор повсеместно используется в общей теории права при харак-

теристике структуры правового сознания, несмотря на имеющиеся достижения нейробиологии, когнитивистики, социальной психологии. Исходные категории «психология» и «идеология», широко используемые для определения строения правового сознания, достаточно спорно причислять к его структурным элементам. Психология является разделом науки, отраслью знаний, изучающей законы порождения и функционирования психического отражения индивидом объективной реальности в процессе деятельности человека. Это научная и практическая область познания процессов, протекающих в психике человека. Однако, как было доказано ранее, знание, в том числе и правовое, не тождественно сознанию и правовому сознанию.

В свою очередь, термин «идеология» был введен в 1796 г. французским философом Дестутом де Траси, обозначившим так новую науку «об идеях», предметом которой является «вскрытие механизма происхождения сознания и идей» [116, с. 162]. Подвергая сомнению постулат о предназначении идеологии в выявлении и изучении механизмов сознания, согласимся с утверждением о направленности идеологии на идеи. Так, в ряде источников слово «идеология» характеризуется как система политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности, выражаются интересы и формируются цели определенных классов, социальных групп [28, с. 475–476]. Указывается, что идеология базируется на достижениях науки, являясь результатом труда идеологов. Анализ приведенного и схожих определений свидетельствует, что идеология как систематизированный результат интеллектуального труда специалистов не имеет прямого отношения к структуре индивидуального мыслительного процесса всех субъектов – носителей правового сознания.

Представляется необоснованным считать идеологию структурным элементом правового сознания, так как, по сути, она представляет собой теоретико-прикладную область познания, изучения идей (точек зрения, концепций, воззрений и т. д.), т. е. профессиональную сферу получения и трансляции знания. Н. В. Сильченко трактовал идеологию как объективную и неизбежную форму осознания социальных процессов и отношений к ним [232, с. 65], обоснованно отделяя ее от юридической сферы в целом и от правового сознания в частности. В свою очередь, Г. В. Гребеньков и А. А. Попов по этой проблеме подвергли сомнению возможность выделения в правовом сознании правовой психологии, оставаясь на позициях реализма, опирающегося на формально-логические процедуры анализа. Они также охарак-

теризовали обособленное существование правовой идеологии с точки зрения понимания ее как воплощения результатов деятельности правового сознания в институциональные формы знания. По мнению указанных авторов, «предикатом подлинной объективности обладают лишь продукты индивидуального правового сознания – правовая философия и правовая идеология, и то только как материализованная мысль, идея» [65, с. 13–15]. Учитывая это, а также принимая за основу рассмотренные в предыдущих разделах признаки правового сознания, считаем проблематичным включение в его структуру целых областей научного познания психики (психологии), а также комплекса идей (идеологии). По отношению ко множеству субъектов – носителей правового сознания, по-своему воспринимающих правовую реальность и не имеющих специализированного образования и квалификации, считаем некорректным применение понятий «психология» и «идеология». Рассматриваемые термины приемлемы для обозначения квалификации и специальной профессиональной ориентации (ученый или практик, «психолог» или «идеолог»), но не для характеристики структуры правового сознания.

Указанные недостатки в доктринальном определении структурных параметров правового сознания сказываются на юридической практике. Например, в уголовном праве при определении субъективной стороны правонарушения как психического отношения субъекта к содеянному происходит ее отождествление с виной, либо в дополнение вины перечисляются иные дискретные показатели: мотив и цель. Иногда имеет место определение субъективной стороны правонарушения в качестве непосредственного отражения в сознании субъекта (или такой возможности) объективных признаков содеянного [40, с. 28–32], с чем сложно согласиться ввиду более сложной природы правового сознания, нежели простое психическое отражение окружающей действительности.

Во-первых, вышеназванные теоретически обосновываемые параметры субъективной стороны правонарушения (вина, мотив и цель) не могут в полной мере подлежать всесторонней и объективной оценке правоприменителем вследствие невозможности воспроизведения и уяснения им всего объема имевшихся у субъекта в момент совершения правонарушения мыслей, эмоций, мотивов и чувств. Отдельные рациональные или эмоциональные компоненты структуры правового сознания, взятые за основу оценки всей субъективной стороны, могут существенно ограничивать или искажать картину реального психического состояния человека в момент совершения преступления, что впоследствии может повлечь ошибки в квалификации его деяния.

Во-вторых, вина в психологии, в отличие от юриспруденции, рассматривается как парная категория стыда и подразумевает специфические эмоции морального, этического или религиозного порядка. Вина, являющаяся особенным эмоциональным проявлением правового сознания, в юриспруденции не совсем обоснованно признается компонентом субъективной стороны правонарушения в отрыве от стыда. В связи с этим в общей теории права В. П. Малахов справедливо обращал внимание на необходимость учитывать не только психическое (внутреннее) отношение субъекта к содеянному, но и его социальную вменяемость как «состояние гражданственности и нравственности (человечности)» [145, с. 127]. Примечательно, что в контексте уголовно-правовой доктрины И. О. Грунтов также рассматривает социально-психический аспект вины, который, по его мнению, не учитывается в правоприменительной деятельности при уголовно-правовой оценке некоторых посягательств [67, с. 52–58].

В-третьих, проблематичным представляется объединение в рамках субъективной стороны правонарушения вины с мотивом и целью. Вина представляет собой психическое явление из области чувств, следующее за совершением проступка, и имеет вектор направленности мыслительных процессов из настоящего в прошлое. Это эмоциональная реакция субъекта на уже произошедшее с ним. Мотив и цель, являясь продуктами интеллектуальной деятельности из области рационального, обладают иной направленностью: происходит сознательный процесс построения модели вероятного поведения (правонарушения) и его результатов, характеризующийся по направлению из настоящего в будущее. Цель – это предвосхищаемое, желаемое будущее, а интерес – осознанная потребность. Мотивацию можно трактовать как цель, которую субъект намерен достичь определенным действием в соответствующей ситуации [293, с. 31].

Вина, мотив и цель – качественно неоднородные, разнонаправленные во времени компоненты. Их объединение как однородных критериев квалификации правонарушения может упростить (и, вероятно, исказить) в правоприменительной практике реальную картину произошедшего.

Приведенный анализ субъективной стороны правонарушения, даже без учета особенностей разных отраслей и институтов деликтного права, уже демонстрирует, что сложившаяся конструкция субъективной стороны правонарушения требует пересмотра, в том числе на предмет сопоставления ее со структурными элементами процесса правового сознания. В связи с этим наиболее оптимальным представляется вместо оценки отдельных внешних параметров виновности,

целеполагания и мотивации как статичных показателей эмоционального состояния и когнитивной деятельности субъекта осуществлять формализацию критериев вменения и процедур воспроизводства и изучения ситуации, в которой находился правонарушитель. Примечательно, что в контексте проблем реализации усмотрения в правоприменительной деятельности судья М. Франкел выступил за создание подробного списка параметров или перечня факторов, по возможности включающего числовую или другую объективную градацию, или использования компьютеров для упорядочения мыслительного процесса при назначении наказаний [105, с. 23].

По мнению И. О. Грунтова, реализация принципа субъективного вменения в уголовном законодательстве возможна, если учитывать все составляющие содержания вины. При конструировании институтов и норм Общей и Особенной части Уголовного кодекса следует учитывать признаки, характеризующие содержание вины, а также ее юридическую сторону [66, с. 237].

Формализация процедуры оценки субъективной стороны правонарушения должна основываться на максимально полном, комплексном изучении ситуации, фона динамики правового сознания субъекта правонарушения со стадиями восприятия, отражения, осмысления и интерпретации информации, касающейся преступного поведения. Таким образом, осуществляемый в отношении правового сознания субъекта правонарушения способ анализа, в ходе которого факты помещаются в рамки целостного «поля», является единственно приемлемым методом психологического исследования, тогда как сведение их к атомизированным элементам всегда искажает единство реальной действительности [196, с. 116].

Структурные параметры феномена правового сознания, изучаемого в данной работе в качестве процесса и состояния, проявляются по-разному.

Во-первых, правовое сознание можно трактовать как состояние, что предполагает его структурированность необходимыми и достаточными параметрами на уровне организма и психики. При отсутствии таковых проблематично признавать наличие правового сознания у его носителя. В контексте аналитической философии и логического функционализма сформулирован признак супервентности сознания. Он признается в качестве основного и, по мнению Д. Кима и Д. Чалмерса, ключевого в понимании сознания [43].

Супервентность заключается в признании зависимости ментальных явлений от физических, а также наличия особого типа психофизической связи, когда психическое является следствием физического,

сопутствует ему, но не сводится к тем или иным конкретным процессам мозга [43]. Еще А. Р. Лурия соматические признаки индивида признавал в качестве генетически обусловленных, а элементарные психические функции, например зрительную память, относил к менее генетически зависимым. В свою очередь, высшие психические функции (понятийное мышление, осмысленное восприятие) считались еще более зависимыми от воспитания [137, с. 18–32].

Ученые-когнитивисты неоднократно подчеркивали, что человек думает не только мозгом, но и всем телом [104, с. 71]. Психическое и телесное признаются взаимодополняющими и постоянно перетекающими друг в друга структурными параметрами, возможность изучения которых состоит именно в установлении интенциональности и напряженности правового сознания здорового, бодрствующего человека.

Правовое сознание как состояние в своей структуре существенно детерминировано физиологическими процессами, происходящими в организме человека, а также когнитивными процессами и социальными факторами его взаимодействия с окружающей средой. В связи с этим достаточно показательными являются результаты широкомасштабных исследований судебного усмотрения и факторов, влияющих на принятие решения судьей. Даже делая скидку на погрешность в результатах по причине того, что данные исследования представляли собой строго контролируемые эксперименты с существенно ограниченными объемами информации, было эмпирически доказано, что решения, вынесенные правоприменителем голодным или в жаркую погоду, были на порядок более суровыми, а судьи при вынесении решения по ряду аналогичных дел демонстрировали «поразительный» разброс в выборе наказания и повсеместное отсутствие консенсуса в 16 из 20 случаев [105, с. 23–5].

Структуру правового сознания как состояния невозможно целенаправленно изменить или сформировать, ее можно лишь корректировать путем изменения напряженности и смещения акцентов интенциональности с одного объекта на другой.

Во-вторых, правовое сознание как континуальный процесс заключается в сложной последовательности актов восприятия, отражения, осмысления и интерпретации информации социально-правового и юридического содержания. Его структура детерминирована правовым регулированием и правовым воздействием; она настраивается в соотношении с правовым сознанием других субъектов (контрагентов в правоотношении и представителей инстанции – субъектов правотворчества и правоприменения).

Восприятие означает фиксацию зрением, слухом, другими органами чувств информации о предметах, явлениях и процессах реально мира, оно осуществляется благодаря перцептивной деятельности организма. Отражение сводится к закреплению полученной информации в соответствующих отделах человеческого организма. Осмысление представляет собой переработку сигналов в мозге, в результате которой носитель правового сознания формирует так называемую «субъективную реальность», последняя, в свою очередь, – программу его будущего поведения [84, с. 13]. Заключительная стадия правового сознания – это «процесс воспроизведения правовой реальности» [292, с. 13] или так называемое конструирование права [202, с. 364], субъективная интерпретация переработанной информации.

Структура правового сознания как процесса связана с физиологическим, психическим и личностным развитием его носителя и может подвергаться некоторой трансформации, что необходимо учитывать при правовом воздействии на процессы правового сознания.

Динамика правового сознания связана с ощущаемой субъектом потребностью в действии, воспринимаемой благодаря его органам чувств – своеобразным инструментом, направляющим процесс сознания и обеспечивающим восприятие информации из окружающей среды, ее отражение при помощи ощущений, обладающих активным (рефлекторным) характером [139, с. 165].

В процессе перцептивной деятельности и восприятия органами чувств субъект получает отрывочную информацию об окружающей правовой реальности, когда «сенсорные образы дают субъективные ощущения» [104, с. 131]. Это восприятие может проявляться как поверхностный, либо более глубинный процесс, задействующий все средства телесности человека и формирующий ментальную репрезентацию – идею. Важно, что в социально-феноменологической концепции А. Шюца перцептивная деятельность человека дифференцировалась на два вида – пассивное восприятие и апперцепция [301, с. 402]. Возвращаясь к характеристике субъективной стороны правонарушения, отметим, что именно рефлексия субъекта правонарушения по поводу его виновности в содеянном является апперцепцией в правовом сознании. Однако разграничение апперцепции от пассивного восприятия в рамках оценки субъективной стороны правонарушения обычно на практике не производится.

Субъективные ощущения, формируемые в процессе восприятия, могут иметь непосредственную, прямую, либо опосредованную, косвенную связь с юридическими нормами.

Человек изначально «пребывает в праве», находясь в коммуникации с другими субъектами права, он способен быть самим собой и осуществлять себя. В его экзистенции права и обязанности присутствуют с самого начала, а не привносятся в уже реализованное бытие. В любой общности у ее членов уже существуют обязанности и права. Основное право индивида – возможность рассматриваться в качестве личности, в своей «самости» [204, с. 33], реализуется в правовой реальности. Вопросы трансформации правового сознания в правовой реальности будут рассмотрены в главе 3.

Отражая полученную информацию, осмысливая и интерпретируя ее, субъект стремится к сбалансированному и неконфликтному взаимодействию. Он пытается определить свое место и социальную роль в правовой реальности таким образом, чтобы максимально способствовать достижению своих интересов с минимальными усилиями, не встречая сопротивления иных субъектов [237, с. 78].

В ситуациях когда способы неюридического регулирования, являющегося нормальным и естественным для субъектов, способствуют упорядочению общественных отношений, интенциональность их правового сознания не концентрируется на юридических источниках как догме и конечной инстанции. Люди дают деньги взаймы, договариваются добровольно компенсировать причиненные убытки, решают сожительствовать, часто не обращая внимание на то, что такие отношения по своей природе являются правовыми, и допуская их неюридическое, автономное, естественное, с их точки зрения, упорядочение, саморегулирование. При этом под саморегулированием подразумевается свойство социальной системы обеспечивать целостность и интеграцию внутри собственной структуры, обладающей самоподдерживающимся характером сохранения равновесия внутри и самовосстанавливающейся при известных нарушениях [245, с. 124–125]. Психологический механизм саморегулирования рассмотрен Д. Канеманом в части описания функционирования мыслительной системы 2 [104, с. 59]. Кроме того, нейробиологи и когнитивисты доказывают генезис и трансформацию саморегулирования на уровне физиологии человека. Например, П. Черчленд рассматривает совесть в качестве структуры в мозге, посредством которой инстинкты человека, связанные с заботой о себе и других, принимают конкретные поведенческие формы. Эмпирически доказано, что нейронные сети, отвечающие за привязанность и формирование социальных связей, обеспечивают мотивационный и эмоциональный фундамент для социальности, на котором строятся социальные

практики, нравственные ограничения и нормы. Но при этом отмечается, что генетическая основа как подоплека поведенческих решений у всех биологических видов постепенно сдает позиции по мере повышения способности к научению [288, с. 40, 90–91].

Так, в юридической литературе (в сфере предотвращения правонарушений) рассматривается возможность их первичной профилактики в форме расширения прав и возможностей сообщества через ассоциации соседей [313, с. 89–101] либо обосновывается первичная (этическая) легитимность норм уголовного права, только после которой следует вторичная их легитимность, устанавливающая юридическую силу уголовного закона [317, с. 67–76].

Однако в случаях когда субъект получает информацию о нарушении хрупкого равновесия с окружающей средой, интенциональность его правового сознания будет смещаться к юридическому (гетероному) источнику. Перцептивная деятельность в данном случае станет направляться не только на предмет правового регулирования, но и на опосредующую его норму права в контексте юридической действительности. Вопросы динамики правового сознания в юридической действительности будут рассмотрены в главе 3. Так, в случае нарушений баланса социального взаимодействия, угрозы или возникновения юридического конфликта, а также при невозможности его самостоятельно решить без определенной рационализации и формализации субъект смещает интенциональность своего правового сознания. Он нацеливается на соответствующие юридические нормы, опосредующие данные общественные отношения и интерпретирует их в качестве догмы, конечной инстанции. Например, при возникновении или угрозе возникновения конфликта интенциональность правового сознания субъектов может быть направлена на юридическую процедуру взыскания денег через суд или компенсации убытков в принудительном порядке, официальной регистрации брака и юридического обеспечения имущественных прав супругов, заключения брачного договора и т. д. При этом необходимо учитывать, что восприятие человека – это не субъективное отражение окружающего мира (как утверждают сторонники материалистического подхода), в связи с чем И. Л. Честновым весьма справедливо отмечается «опережающая активность перцепции», а формирующиеся в ее результате сенсорные образы признаются схематичными и контекстуальными [293, с. 27].

Анализируя мысль о том, что протекание процессов восприятия может происходить и на уровне бессознательного [293, с. 27], отметим, что вместо признака бессознательности правильнее указывать

на наличие поверхностного восприятия – не рефлекслируемой, а рефлексаторной реакции на внешний сигнал. Тем более, что такой тип поверхностного восприятия наиболее распространен в обыденной жизни, в противовес более редким и сложным процессам апперцепции юридически значимой информации. В качестве поверхностного восприятия можно привести пример беглого считывания с билборда рекламной информации о необходимости платить налоги (пассивное восприятие), в отличие от комплексного изучения налогового законодательства в интересующей сфере хозяйственной деятельности (апперцепция). Правовое сознание задействовано в обоих случаях, но во втором оно сопряжено с дальнейшим осмыслением и интерпретацией правовых норм.

Отметим, что интенциональность правового сознания может быть качественно различной: либо направляться на собственно юридические цели, либо предполагать более широкие, социально-правовые, результаты. Например, должностное лицо готовит ответ на обращение граждан с соблюдением установленной формы и сроков, но указывает на неподведомственность ему поднятой в обращении проблемы в соответствии с действующим законодательством или, наоборот, решает проблему путем запросов в другие учреждения и дает содержательный ответ.

В первом случае процесс профессионального правового сознания направлен на восприятие и осмысление правовых норм с целью повлечь лишь юридические последствия, отказав гражданину в обращении по формальному основанию вследствие неподведомственности. Во втором случае интенциональность правового сознания связана с решением вопроса по существу, квалифицированной помощью гражданам и соответствующими дальнейшими социально-правовыми результатами.

Помимо формирования сенсорных образов в процессе восприятия, человек способен к такому виду психического процесса, как мысли в словах (вербальные схемы). Вербальное мышление дано для компенсации отсутствия биологических механизмов адаптации к окружающей среде, благодаря чему человек не привязан к той обстановке, в которой находится. Субъект обладает способностью вырабатывать родовые понятия и мыслить абстрактно от конкретной ситуации, владеет техникой моделирования [104, с. 109–112], рекурсии (способность фразы включать в себя другие фразы с такой же конструкцией) [303, с. 60–87], построения виртуальных схем будущего состояния среды и модели поведения при адаптации.

Построение вербальных схем в процессе правового сознания в юридической действительности обусловлено особенностями деонтологической конструкции нормы права как объекта интенциональной направленности. Вербальная схема в таком случае должна коррелировать с логической структурой нормы права: «если-то-иначе». Например, в процессе правового сознания может выстраиваться следующая логическая конструкция: «если я беру деньги взаймы, то я должен их вернуть в срок, иначе с меня как с должника их могут взыскать».

В. П. Малахов обоснованно признает наличие «логики правового сознания» [144, с. 69], предполагая право субъекта формировать мыслительные схемы за пределами его перцептивного поля и тем самым адаптироваться к изменениям правовой реальности.

Структуры языка в форме уже существующих вербальных схем организуют человеческое восприятие и значительно влияют на структуру сознания [292, с. 37] и правового сознания. Так, процессы восприятия информации и дальнейшего построения вербальных схем могут существенно зависеть от способа правового воздействия, выражаемого при помощи лингвистических особенностей построения законодателем юридических правил. В частности, использование глаголов «должен» и «обязан», предполагающих разное лексическое значение, существенно отражает метод правового регулирования и по-разному воздействует на правовое сознание субъекта и его дальнейшее поведение.

Долженствование предполагает не только юридические, но и моральные требования («я должен вернуть долг любой ценой») и обладает существенным диспозитивным потенциалом (вернуть полную сумму или большую, вовремя или раньше положенного срока). В свою очередь, обязанность представляет собой строго формализованную юридическую конструкцию с императивным, жестким определением ее границ («я обязан в течение недели выплатить всю сумму долга»), и чем масштабнее принуждение, тем больше издержки – их размер растет нелинейно [250, с. 418].

На данном фоне в юриспруденции получает все большее распространение так называемое «мягкое право», в котором используются особые семантические приемы изложения правовых норм, обладающих меньшей степенью принуждения, тем самым предопределяется специфика восприятия, отражения, осмысления и интерпретации содержащихся в них диспозитивных правил.

Так, в англоязычной практике использование в юридических текстах терминов *shall*, *agree*, *undertake*, *rights*, *obligations*, *enter into force* свидетельствуют о жесткой юридической обязательности предпри-

сываемого поведения, в то время как термины *should* и *commitment* – о мягкоправовом характере документа. Обосновывается возможность иногда изменять жесткую правовую терминологию при помощи лексических приемов, «смягчая» императив, изменяя интенциональность и снижая напряженность правового сознания у субъекта, которому она адресована. Этому способствуют, например, следующие формулировки: «насколько это возможно», «в случае необходимости», «по мере возможности», «в пределах возможного» [77, с. 99].

Как было отмечено выше, в процессе правового сознания центрация внимания может направляться непосредственно на правовые нормы или на другие социальные институты, в том числе нормативные. Пространство перцептивной деятельности субъекта не является однородным, в каждое мгновение оно имеет определенный центр. В психологии эмпирически доказано, что зона центрации (фокуса внимания) обладает свойством пространственного расширения, тогда как периферия этой центральной зоны оказывается сжатой тем сильнее, чем больше она удалена от центра.

Можно сделать вывод: чем шире область центрации на юридические нормы, тем более сжатой для восприятия оказывается периферия (то, что находится за границей правового регулирования) и наоборот. Например, для профессионального правового сознания зона центрации субъекта на правила юридического регулирования может оказаться настолько широкой, что периферийные зоны восприятия (подпадающие под действие морали, религии, политических норм и экономических законов, даже законов природы) существенно сужаются и даже искажаются. Это может проявляться в так называемых явлениях профессионального выгорания или деформации.

Центрация восприятия на область догматики права часто проявляется в попытках юристов решать любые социальные проблемы и даже преодолевать негативные последствия природных явлений исключительно при помощи правового регулирования, что часто сводится к неоправданному принятию большого количества новых законов, на практике демонстрирующих свою несвоевременность и (или) неэффективность.

Относительно специфики мыслительной деятельности в психологии выявлена еще одна закономерность, применимая в социально-правовой сфере. Так, способ обработки (распознавания) информации, воспринятой по пути сверху вниз, обуславливает сильное влияние контекста на восприятие предметов и управляется знаниями и ожиданиями человека. В свою очередь, восприятие путем обработки

информации снизу вверх представляет собой процесс, управляемый только входными сигналами [139, с. 205–206]. Различное восприятие содержания правовых норм, направленных, например, на финансовое регулирование хозяйственных отношений, значительно обусловлено действием рассмотренного закона перцептивной деятельности.

Если субъект хозяйствования (индивидуальный предприниматель, имманентно обладающий определенным правовым сознанием) изучает налоговый кодекс или обращается за официальной консультацией в налоговый орган, непосредственно воспринимая правила, касающиеся его прав и обязанностей в налоговой сфере, имеет место восприятие сверху вниз. Оно обусловлено знаниями и ожиданиями субъекта о том, кто напрямую занят принятием и применением правовых норм в данной сфере и подвергается влиянию формализованного контекста на восприятие нормы в соответствии с логикой «если-то-иначе». Осмысление будет направлено на вопросы юридической силы нормативного правового акта, места в иерархии аппарата государства должностного лица, осуществляющего консультацию, наличие у него теоретической подготовки, опыта и практических навыков.

Однако, когда тот же субъект узнает о содержании норм права от субъектов, обменивающихся собственным опытом в части применения норм налогового законодательства, происходит восприятие снизу вверх. Этот процесс управляется преимущественно входными сигналами. Вместо структурированных, обобщенных и формализованных знаний о правовом регулировании в конкретной отрасли информация более разрозненна, а иногда и противоречива, но при этом характеризуется мобильностью и отражает фактическое содержание реальных правоотношений и практики правоприменения.

Интенциональная направленность правового сознания обусловлена его предметом и фоном. Предметом могут быть непосредственно правовые нормы, а фоном – сопутствующие явления социально-правовой действительности. Может иметь место иная ситуация, когда правовые нормы являются фоном, а соответствующие им общественные отношения – предметом. Необходимо учитывать, что преимущество восприятия предмета или его фона непостоянно и зависит от степени знакомства воспринимающего субъекта с данным предметом из прошлого опыта, а также от целостности воспринимаемого объекта. В частности, большее усилие (напряженность сознания) требуется для выделения отдельных частей объекта внимания, значительно сложнее воспринимать его часть как особый объект.

На основании указанной черты восприятия и осмысления выделяется целостный (синтетический) и детализирующий (аналитический) его типы, что можно обнаружить и применительно к правовому сознанию. Первый тип восприятия предполагает максимальную центрацию на смысле, минуя подробности и детали происходящего. Во втором типе приоритетным является фон. Например, субъекты нормотворческого процесса на отдельных его этапах используют разные типы восприятия. При определении концепции законопроекта, его предмета, а также метода правового регулирования должен работать синтетический тип восприятия. Однако детализирующий тип восприятия необходим при формулировке самого текста нормативного правового акта, решении структурно-содержательных проблем его документального оформления.

В литературе широко распространена констатация так называемой деформации правосознания в виде правового нигилизма, сводящегося к отрицательному отношению к праву. По сути она представляет собой теоретическую схему структуры правового сознания, в которой эмпирические данные о правовом нигилизме обычно редуцируются к факту внешнего отрицания права либо признания права [44, с. 16] в качестве фикции, осуществляемого с определенной степенью интенсивности, категоричности [159, с. 18], выраженного в массовом нарушении моральных и правовых норм [159, с. 19] или в раздвоении правовых чувств, эмоций [85, с. 32]. В результате в юридических научных работах появляется критика косности, отсталости, невоспитанности основной массы населения [159, с. 20], у которого «диагностирован» так называемый нигилизм.

В схожем контексте исследуется феномен пробела в правосознании [18, с. 10], сводящийся к отсутствию информации о правовой действительности (первичный пробел) и нарушениям при воспроизведении информации о правовой действительности (вторичный пробел). Однако с учетом признака континуальности сознания сложно согласиться с самой постановкой вопроса о пробельности правового сознания. В приведенном источнике дается косвенное разграничение правового знания, названного первичным пробелом, и правового сознания, именуемого вторичным пробелом.

Возвращаясь к самому термину «правовой нигилизм», отметим, что он был заимствован из западных философских концепций и позже экспортирован в философскую и художественную литературу России второй половины XIX в. в несколько ином смысле, а в современной юриспруденции получил новое семантическое значение и стал

универсальным инструментом стигматизации массового поведения, отклоняющегося от официальных правовых норм.

В общем значении такое отклоняющееся от требований официального права поведение сигнифицируется как деформация общественного правосознания. Причем чем более массовым и деструктивным является отклонение, тем больше оснований для критики его носителей находят ученые. В научных работах предлагаются средства устранения правового нигилизма за счет просвещения или воспитания населения, без уяснения реальных причин происходящего. Однако фактически проблемы, связанные с так называемым правовым нигилизмом, часто детерминированы не недостатками правового сознания у адресатов правовых норм, а несовершенством правотворческой и правореализующей практики.

Взамен формирования различных метанаучных конструкций (правовой нигилизм, идеализм, инфантилизм, фетишизм и др.) и использования художественных аллегорий, выражающих мировоззренческую позицию самих авторов соответствующих концепций, предпочтительнее научно объяснять реальные причины и способы преодоления негативных трансформаций правового сознания.

Приведенные выше варианты интерпретации правового нигилизма можно представить следующим образом: внутреннее непризнание права – внешнее отрицание права – нарушение правовой нормы (действие или бездействие). Корректируя схему правового нигилизма с учетом разработанной выше структуры правового сознания, получим выводы о причинах учащающегося непризнания норм официального права.

Во-первых, на начальной стадии правового сознания, связанного с восприятием новых законодательных норм, перцептивная деятельность субъекта, которому они адресованы, может смещаться на другие нормативные регуляторы, более известные, понятные, целесообразные или важные для него в конкретной ситуации.

Непризнание норм официального права, проявившееся на стадии перцептивной деятельности субъектов, обусловлено содержательным расхождением социальных ожиданий с требованиями официальной инстанции, устанавливающей правовые нормы. Население ожидает одну правовую новацию, а законодатель предлагает совершенно новую, незнакомую модель правового поведения. Интенциональность правового сознания правоучреждающей инстанции сконцентрирована исключительно на правовом регулировании, игнорируя социальный фон, контекст. Решение указанной проблемы связано с осуществ-

вляемым в процессе правотворчества сопоставлением содержания правовых норм и социальной практики на предмет их соответствия.

Во-вторых, адресат законодательной новеллы может ее адекватно воспринять и отразить в своем правовом сознании, но при осмыслении соответствующей юридически значимой информации он построит модель поведения вопреки официальным правовым нормам, вплоть до их нарушения. При этом сформированные мысленные образы могут ограничиваться неправильной интерпретацией правовой нормы, а могут получить свою экстериоризацию в правонарушении.

Отрицание коллективом правовой нормы, проявляющееся на стадии осмысления и интерпретации соответствующей законодательной новеллы, связано с наличием бóльшего регулятивного потенциала и с легитимностью иных, по сравнению с правом, социальных норм и институтов. Коллизия норм официального права с корпоративными нормами, обычаями или иными нормативными институтами может выражаться в так называемом «индифферентном отношении к праву» [159, с. 21]. В таком случае результаты интерпретации официальной нормы права у правоучреждающей инстанции существенно отличаются от результатов интерпретации этой же нормы у тех лиц, которым они адресованы. Субъекты права знают и понимают предписание новой правовой нормы, но при этом для них важнее соответствовать корпоративным правилам поведения, следовать нормам морали, соблюдать традиции или руководствоваться соображениями экономической целесообразности.

Феномен, называемый в литературе правовым нигилизмом, в таком случае состоит в расхождении мыслительных образов у законодателя и субъекта, которому адресовано правило поведения. Например, законодатель предполагает использование материнского капитала в интересах ребенка, а родители планируют израсходовать его на свои нужды.

В связи с разными схемами проявления так называемого правового нигилизма необходимы совершенно разные пути и механизмы его преодоления.

Во-первых, данный механизм может быть связан с изучением содержания сложившихся паттернов поведения, санкционировании уже сформировавшихся в обществе стереотипов, а не с официальным законодательным установлением новых правовых норм, не характеризующихся знанием их содержания или социальным признанием. В связи с этим отметим, что Н. И. Матузов обоснованно указывал на взаимосвязь правового нигилизма с нарушением моральных норм

[159, с. 19], а А. В. Поляков справедливо признает в правовом нигилизме теорию и практику отрицания права как «позитивно-ценностного явления» [202, с. 414–415].

Во-вторых, устранить так называемый правовой нигилизм можно воздействуя на интенциональность и напряженность правового сознания индивидов в целях формирования психической «готовности субъекта к правовой активности в конкретной правовой ситуации и сформировавшегося представления о том, как нужно действовать» [202, с. 422–423]. В данном случае подразумевается правовое воздействие, обуславливающее корректировку, настраивание когерентности правового сознания представителей правоучреждающей инстанции с правовым сознанием лиц, которым норма права адресована. При этом необходимо учитывать потенциальные сложности, связанные с низкой эффективностью практики внешнего (гетерономного) навязывания определенного варианта правового поведения на фоне уже сложившегося иного социокультурного и исторического контекста, который является трансцендентным критерием правовой селекции [289, с. 51].

Определение структуры правового сознания зависит от его характеристики в качестве процесса или состояния. Указанный концепт служит отправной точкой при решении методологических вопросов изучения и прикладных проблем совершенствования структуры правового сознания в качестве феномена правовой реальности. Рассматривается реальная динамика, а не умозрительно сконструированная статичная структура правового сознания. Специфика проявления структуры правового сознания в дальнейшем может быть изучена в контексте особенностей конституционно-правовой, гражданско-правовой, эколого-правовой и иных отраслей юридической действительности.

Правовое сознание как состояние в своей структуре существенно детерминировано физиологическими процессами, происходящими в организме человека, а также когнитивными параметрами и социальными процессами его взаимодействия с окружающей средой.

Поскольку правовое сознание проявляется в качестве сложного процесса индивидуальной мыслительной деятельности, схематичное определение его структурных компонентов может заключаться в последовательности: восприятие – отражение – осмысление – интерпретация социально-правовой, а также юридической информации.

Рассмотренные специфические характеристики структуры правового сознания определяют пространственно-временные и содержательные особенности его проявления. Наиболее типичные проявления правового сознания будут рассмотрены далее.

2.2. Классификационная характеристика правового сознания

Вопросы классификации правового сознания в юридической доктрине рассматриваются достаточно единообразно. В общей теории права имеет место деление правового сознания на индивидуальное, групповое и общественное (или общенациональное [46, с. 565]), а также обыденное и массовое, профессиональное [7, с. 209] и научное. Индивидуальное, групповое и общественное правовое сознание дифференцируется по признаку обобщенного выражения содержания и характера правосознания отдельных индивидов, образующих соответствующие группы и общество в целом [168, с. 270].

Деление правового сознания на указанные разновидности обусловлено доминированием ставшего традиционным философско-материалистического подхода к делению сознания на индивидуальное и общественное, групповое и коллективное [248, с. 7–17]. Виды сознания и правового сознания таким образом дифференцируются преимущественно посредством группировки их субъектов-носителей, осуществляемой по различным критериям. Однако разные варианты объединения, группировки «сознаний» отдельно взятых индивидов, включенных в определенные коллективы или группы, в своем содержании нестабильны и не представляют собой результат простого сложения или обобщения. В этом случае количественные результаты сложения чаще всего обладают нелинейностью – свойства суммы значительно отличаются от свойств слагаемых [250, с. 415].

Более того, в реальности различные формы объединения потоков индивидуальных сознаний людей выражаются не в правовом сознании, а в иных феноменах, таких как культура, общественное мнение, общественное признание, легитимность. Некоторые ученые объединение потоков сознаний изучают в качестве обыденного знания [274, с. 143]. Примечательно, что А. В. Поляков справедливо указывает на то, что система общественного правосознания представляет собой лишь совокупность наиболее характерных, типичных ментальных образов (текстов) правовой действительности [202, с. 376].

Определенное психическое, духовное состояние общностей проявляется в разнообразных способах и формах активности, выраженных в поведенческих доминантах [13, с. 13], но не в простом суммарном выражении правовых «сознаний» членов коллектива. Учитывая, что в настоящей работе сознание рассматривается как индивидуальный процесс, особое значение имеет признание уникальности правового сознания каждого его носителя, которое подвергается научному анализу в форме типичных проявлений – так называемых поведенческих доминант.

Представляется более эвристически продуктивной классификация правового сознания не по количественным критериям субъектов, а по качественным, функциональным его параметрам. Причем к основному признаку как критерию классификации для объективности изучения необходимо присоединять еще один, дополнительный.

Важно подчеркнуть, что для всесторонних исследований всего разнообразия правового сознания достаточно важно выполнять основные требования правил классификации [249, с. 285–291], которые выработаны в общеметодологическом научном контексте для того, чтобы объяснение происходящего не заменялось его обоснованием.

Следует также иметь в виду, что выделение в данной книге различных видов сознания и правового сознания обладает схематизмом, абстрагированностью от частных случаев и определенной условностью. В реальности сознанию здорового бодрствующего человека присущи признаки уникальности, целостности и недискретности (континуальности). В большинстве случаев в обыденной, рутинной жизни у субъекта правового сознания либо отсутствует полностью, либо происходит, но поверхностно и опосредованно, рефлексия по поводу самого процесса принятия решения и связанных с этим проблем. Субъекту, как правило, неважно, насколько он уникален в принятии решения или испытывает влияние коллектива; опирается его сознание на теорию или на практические знания; обусловлен его сознательный выбор поведения моральными или религиозными факторами, либо он руководствуется лишь требованиями юридических норм.

И даже наличие в некоторых случаях такой рефлексии не означает реальность членения на виды правового сознания, протекающего непрерывно и континуально. Лишь в познавательных целях при всестороннем изучении сложнейшего феномена правового сознания делаются попытки схематичного построения классификационного деления на виды типичных проявлений правового сознания человека.

В. С. Нерсесянц правовое сознание разделил на законооодобряющее, законопослушное и закононарушающее [168, с. 270]. Таким образом, даже в случаях правомерного поведения чрезвычайно важным автор справедливо признает не только выполнение правовой нормы, но и наличие факта ее одобрения (признания) субъектом. Продолжая данную мысль, можно утверждать, что в случае правового признания (в терминологии В. С. Нерсесянца – законооодобряющего правосознания) процесс правового сознания может быть связан со сложными механизмами восприятия, отражения, омысления и интерпретации не только правовых, но и иных социальных норм со схожим предметом регулирования. Для законопослушного правового сознания характерна лишь усеченная конструкция его протекания, направленная на простое отражение требований нормативных правовых актов и их механическое воспроизводство в правовом поведении как рефлекторная реакция на воздействие внешней среды.

Используя указанную аргументацию, целесообразно и перспективно продолжать видовое деление правового сознания, обоснованное В. С. Нерсесянцем. В связи с этим дифференциацию правового сознания необходимо осуществлять по основному критерию в виде интенциональной направленности на объект (формально закрепленное правило в нормативном правовом акте либо иная социальная норма) и вспомогательному критерию – экстерииоризации правового сознания в правовом поведении (правомерном либо противоправном). На основании указанных критериев можно выделить следующие виды правового сознания: правооодобряющее, законопослушное, закононарушающее и правонарушающее.

Правооодобряющее правовое сознание состоит в восприятии, отражении, омыслении правовых норм совместно с моральными, религиозными императивами, правилами этикета или обычая, а также в последующей их интерпретации как соответствующих друг другу, непротиворечивых, взаимосвязанных. Оно выражается в правомерном поведении, связанном с признанием соответствующей нормы права.

Законопослушное правовое сознание выражено в правовом поведении, направленном на выполнение формальных требований позитивного права, связанного с восприятием и отражением соответствующих юридических норм.

Закононарушающее правовое сознание состоит в признании субъектом правовой нормы как не соответствующей критериям справедливости, правильности и выражается в нарушении формально закрепленных юридических требований.

Правонарушающее правовое сознание состоит в восприятии, отражении и последующем невыполнении требований норм позитивного права и не связано с их непризнанием.

В качестве примера приведем различные виды правового сознания, типично проявляемого при уплате и взыскании алиментов. Правоодобряющее правовое сознание выражается в добровольной уплате алиментов, сумма и периодичность которой превышает законодательно установленные рамки. Родитель, выполняющий алиментные обязательства, самостоятельно ориентируется и на постоянной основе оценивает потребности ребенка и его нуждаемость в финансовой поддержке.

Законопослушное правовое сознание проявляется в случаях выплаты алиментов в размере законодательно установленной доли заработка и иного дохода в точном соответствии с порядком, установленным Брачным договором, Соглашением о детях или Соглашением об уплате алиментов, а также действующим законодательством (ст. 91, 92, 94, 95) [115]. Правонарушающее правовое сознание может проявляться в сокрытии доходов по различным причинам, оцениваемым обязанной стороной как уважительные, следствием чего является ничтожный размер взыскиваемой суммы. Результатом проявления правонарушающего вида правового сознания является правовое поведение, квалифицируемое в соответствии со ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь как уклонение родителей от содержания детей [270].

В. С. Нерсесянц справедливо отмечал существование иных классификаций правового сознания. Однако вместо дифференциации правового сознания на виды, он выделил два познавательных уровня, ассоциируя их с соответствующими уровнями правового сознания: эмпирическим и теоретическим [168, с. 270]. Данное утверждение представляется неприменимым в целях настоящего исследования, поскольку правовое познание, как и знание, не тождественно правовому сознанию, что было обосновано в предыдущей главе.

Дальнейшая классификация правового сознания будет заключаться в выявлении основного признака – степени индивидуализации его носителя (конкретизации данных о нем) и дополнительной характеристики – условий экстерииоризации правового сознания (в частной или публичной сфере). На указанной базе выделяется два типа правового сознания: автономное, когда результаты интерпретации не доступны инстанции – субъекту правотворчества и правоприменения, и публичное, для которого результаты интерпретации доступны инстанции.

Принципиально важным в данной классификации является использование характеристики правового сознания как общественного, т. е. относящегося к обществу в самом абстрактном смысле, без уточнения пространственно-временных параметров его локализации.

Автономное в терминологии Л. И. Петражицкого (частное) правовое сознание характерно для субъекта правового взаимодействия, когда процессы интерпретации правовой нормы сугубо индивидуальны и доступны лишь ему самому (или еще его контрагенту), а индивидуализированность субъекта приобретает особое значение при реализации правовой нормы. Автономное правовое сознание обуславливает необходимость рефлексии, инициативы, творчества или инновационного поведения и нуждается в них.

Результаты публичного правового сознания (в терминологии Л. И. Петражицкого – гетерономного, зависящего от внешних авторитетов [193, с. 56]) являются важными и доступными для других, в том числе – для правоучреждающей и (или) правоприменяющей инстанции. Индивидуализация его носителей для инстанции не очень принципиальна, важнее массовость и типичность правовых форм экстерииоризации правового сознания, которое оценивается в рамках определенной социальной группы или коллектива (нации, граждан, избирателей, участников публичного обсуждения и т. д.).

Трансформация автономного правового сознания является объективным основанием расширения границ самоуправления в различных сферах. Доминирование гетерономного правового сознания обуславливает необходимость большей централизации в принятии правовых решений и увеличение роли инстанции, действующей в качестве правоучреждающего или правоприменяющего субъекта в юридической действительности. Причем будет иметь смысл изучение типичных проявлений правового сознания гетерономного вида не только путем содержательного анализа, но и посредством принятия во внимание факта низкой или полностью отсутствующей активности субъектов по отношению к конкретному юридическому вопросу.

Выражение автономного вида правового сознания можно продемонстрировать на примере поведения сторон, выбирающих альтернативные способы разрешения юридического конфликта как за рамками судопроизводства, так и внутри него. Данный вид правового сознания характерен в случаях, когда в ходе примирительных процедур стороны сами ищут взаимоприемлемый путь разрешения конфликта и действуют на уровне самозащиты права [92, с. 182]. В результате происходит совместный поиск сторонами конфликта (самостоятельно,

под руководством суда или с помощью посредника) наиболее целесообразного варианта разрешения возникшего спора, результатом чего становится их отказ от обращения за судебной формой защиты права или отказ от продолжения уже начатого процесса [92, с. 183–184].

Гетерономный тип правового сознания проявляется при выборе сторонами юридического конфликта процедуры разрешения дела в суде, т. е. рассмотрения спора путем полномасштабной процедуры юридического процесса, которая завершается вынесением решения по делу.

Дифференциация правового сознания на виды обусловлена и сферой деятельности субъекта, представленной либо как реальность его повседневной жизни, либо в качестве юридических процедур нормотворчества и правоприменения. Возьмем данный критерий в качестве основного для следующего варианта классификации. Интенциональность правового сознания также существенно обуславливает его динамику и дифференциацию на соответствующие виды. Учитывая это, вспомогательным критерием признаем фокус внимания, точку центрации, объект интенциональности правового сознания – непосредственно юридическую норму либо предпосылки ее образования и условия реализации.

На данной основе выделим общее, особенное и специальное правовое сознание. *Общее правовое сознание* направлено на восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию любой социально-правовой материи, с которой сталкивается субъект в процессе своей адаптационной деятельности в обыденной практике. Интенциональность его правового сознания связана с объектами правовой реальности, спонтанно (при этом не обязательно поверхностно) воспринимаемыми, отражаемыми, осмысливаемыми и интерпретируемыми в повседневной жизни. Например, типично проявляемое общее правовое сознание потребителя обычно не направлено на осознание необходимости и важности сохранения документов, свидетельствующих о заключении между ним и продавцом (изготовителем, исполнителем) гражданско-правового договора, определяющего права и обязанности сторон (договора, акта, чека, расписки, накладных и других документов). Учитывая такую специфику типичного проявления общего правового сознания потребителей, в ч. 2 п. 8 Постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 24 июня 2010 г. № 4 «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей» указывается, что отсутствие документов, подтверждающих приобретение товара (оказание услуги,

выполнение работы), не лишает потребителя права при возникновении спора представлять другие доказательства в подтверждение данного факта. Такими доказательствами могут быть и показания свидетелей [178].

Особенное правовое сознание, распространяющееся на определенные юридические сферы, связано с целенаправленным восприятием, отражением, осмыслением и интерпретацией отдельных объектов конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, эколого-правовой, финансово-правовой, гражданско- или уголовно-процессуальной, иной отрасли юридической действительности. Интенциональность особенного правового сознания направлена на непосредственное и узкое догматическое восприятие соответствующих юридических норм, получивших формализацию в юридической действительности.

Специальное правовое сознание предполагает восприятие, отражение, осмысление и интерпретацию как правовой нормы, так и предпосылок ее образования, а также условий реализации на определенной стадии нормотворческого или правоприменительного процесса. Восприятие направлено не только на юридические нормы, но и на реально складывающиеся правоотношения и юридическую практику в строго определенной конкретной сфере (особенности заключения сделок с недвижимостью, правил налогообложения, динамики правового регулирования в определенной сфере и т. д.). Интенциональность специального правового сознания направлена не только на юридические нормы, но и на дополнительные объекты внимания, появляющиеся при их подготовке, принятии и реализации. В частности, в Постановлении Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 22 декабря 2016 г. № 9 «Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности» указано, что в ходе судебного разбирательства судам надлежит создавать условия для всестороннего, полного и объективного исследования характера спорных правоотношений по гражданским и экономическим делам, обстоятельств уголовных дел и дел об административных правонарушениях и обеспечивать разрешение дел в строгом соответствии с Конституцией Республики Беларусь, нормами материального и процессуального права [171]. Полагаем, что такие мероприятия связаны с обеспечением наиболее полного и объективного восприятия, отражения, осмысления и интерпретации не только правовой нормы, но и предпосылок ее образования, а также условий ее реализации, осуществляемой представителем судебной власти на основе его специального правового сознания.

В отношении уровней правового сознания в юридической литературе отсутствует единство мнений. Некоторые специалисты в области права выделяют высокий, средний и низкий уровни данного явления [179, с. 50], В. С. Нерсисянц – эмпирический и теоретический [168, с. 270]. Иногда встречается упоминание об уровнях правосознания без соответствующей их детализации [284, с. 158]. А. Б. Венгеров, Н. Л. Гранат и ряд других ученых-правоведов под понятием уровней правового сознания понимали обыденное, профессиональное и научное правосознание [46, с. 557]. Т. В. Синюкова считает вышеперечисленные разновидности правосознания его видами [255, с. 564].

Под обыденным уровнем правового сознания общепринято понимать представления, оценки, стереотипы людей, возникающие под влиянием непосредственных условий их жизни в процессе тесного соприкосновения с социально-правовой действительностью. Под профессиональным уровнем обычно подразумеваются понятия, убеждения, складывающиеся в профессиональной среде юристов-практиков, иных работников государственного аппарата. В качестве научного уровня правового сознания чаще всего признаются систематизированные идеи, концепции, взгляды о состоянии действующей правовой системы, о ее формировании. Что касается правового сознания на эмпирическом и теоретическом уровнях, то первое осмысливает право в чувственно-образной форме, а второе – в логико-понятийной [168, с. 270].

Полагаем, что попытки определить степень величины и развития, удовлетворительности правового сознания сводятся к количественно-качественной характеристике правовой «сознательности» индивидов. Критериями или оценочными показателями в данном случае обычно признается высокое, среднее или низкое правовое сознание, параметры которого аморфны, субъективны и сложно выявляемы. По этой причине качественные оценки уровня правового сознания даются обычно постфактум, с существенным временным промежутком, что создает проблему актуальности и объективности проведения соответствующей научной классификации. Например, показатели снижения преступности не всегда свидетельствуют об изменении (росте) уровня правового сознания с низкого на средний. Они могут быть вызваны иными причинами, такими как декриминализацией отдельных составов правонарушений либо организацией повышенного контроля за правовым поведением граждан в отдельных сферах (принятие органами внутренних дел, прокуратуры активных мер по устранению условий, способствующих совершению правонарушений) и др. [178].

Наиболее обоснованным необходимо признать использование признака уровневой соотносимости не для всего правового сознания в целом, а для актов интерпретации, осуществляемой в его процессе (основной критерий). В качестве дополнительного критерия данной классификации возьмем функциональную характеристику носителей правового сознания (кто адаптируется к правовой реальности и кто целенаправленно преобразует ее). В результате представляется обоснованным выделение обычного, государственного, профессионального, правового сознания, подразделяемого на практическое, научное, практико-научное и научно-практическое.

Обычное (в значении повседневного, рутинного, общераспространенного) правовое сознание отличается житейской, бытовой интерпретацией человеком социально-правовых явлений в процессе его адаптации к правовой реальности. Акты интерпретации разнообразны и могут находиться на разных качественных уровнях, но при этом по содержанию они казуальны. Обычное правовое сознание состоит в интерпретации не самой нормы права как таковой, а соответствующих ей впечатлений, образов, сложившихся стереотипов, паттернов правового поведения. Содержание данного вида правового сознания обусловлено социальным контекстом в конкретно-исторический период. Примерами выражения могут быть пословицы, поговорки и иные фольклорные произведения о праве и его проявлениях, а также художественные произведения [167], выражающие правовое сознание их создателей и одновременно отражающие сложные процессы трансформации правового сознания в конкретных пространственно-временных рамках. Так в искусстве происходит «отражение правовой действительности», которая понимается в предельно широком контексте, включая не только материальное, но и «идеальное, духовное (правовые идеи, правосознание, правовая психология, правовые чувства, правовые ориентации и установки людей)» [3, с. 24]. В качестве примера можно привести многие акты интерпретации в форме художественных произведений высочайшего уровня мастерства литературного, изобразительного и музыкального жанров. Например, в оде «Вольность» А. С. Пушкина в художественных образах обосновывается разделение права и закона, демонстрируется верховенство права, всеобщность и объективность закона [4, с. 13]. В произведениях П. И. Чайковского «Правоведческий марш» для большого симфонического оркестра и «Правоведческая песнь» для хора демонстрируется уважение к праву. Картина «Семь смертных грехов» И. Босха [4, с. 25–26], роман «Преступление и наказание» и повесть «Записки из мертвого дома»

Ф. М. Достоевского и еще множество различных произведений по-разному интерпретируют правовые явления, тем самым выражая правовое сознание не только его создателей, но и отражая контекст правового сознания, свойственный духу определенной эпохи.

Государственный уровень правового сознания представляет собой осмысление феноменов правовой реальности и юридической действительности представителями государственной власти. Он проявляется в политическом процессе как непрерывном воспроизводстве общественной политики. Интерпретация осуществляется в определенной временной перспективе, по формально закрепленной процедуре в публичных целях, и направлена на принятие политических решений [221, с. 8], впоследствии официально закрепленных Конституцией Республики Беларусь, программными законами и в документах политико-правового содержания. Уровень актов интерпретации определяется их юридической силой.

Профессиональное правовое сознание признается условием обеспечения конституционной безопасности, защищенности жизненных интересов личности, общества и государства [29, с. 48–55]. Иногда к словосочетанию «профессиональное правосознание» в литературе добавляется уточняющее слово «юристов» или «профессионалов-юристов» [262, с. 740], подчеркивая тем самым его принадлежность исключительно к дипломированным специалистам в области юриспруденции. Однако в таком случае из указанного термина необоснованно выпадает определенный объем реального содержания, характеризующего правовое сознание лиц, обладающих профессиональным статусом государственных служащих, лиц, приравненных к государственным должностным лицам и занимающих ответственное положение [74, с. 49–54], но не получивших юридическое образование.

Профессиональное практическое правовое сознание сводится к квалифицированному осмыслению и интерпретации юридической действительности субъектами, действующими в рамках правотворческого или правоприменительного процесса в пределах специальной компетенции. Их правовое сознание направлено на непосредственное решение прикладных проблем подготовки, принятия и реализации правовых норм и целенаправленное преобразование правовой реальности. Акты интерпретации могут иметь догматический характер.

Что касается профессионального правового сознания научного уровня, то для него характерны системность, практическая верифицируемость результатов и логичность интерпретации, осуществляемые представителями научного сообщества.

Практико-научный и научно-практический подуровни правового сознания обусловлены преобладанием у исследователя практической или теоретической подготовки. Акты интерпретации имеют доктринальное выражение и представляют собой востребованные практически, обоснованные теоретически и (или) верифицируемые эмпирически меры совершенствования, повышения эффективности юридической действительности.

Специфика профессионального правового сознания в целом состоит в особенностях процедуры восприятия, отражения, осмысления и интерпретации правовой информации. Профессиональное правовое сознание не ограничивается простым восприятием и отражением юридической информации применительно к конкретному казусу. Субъект профессионального правового сознания вместо пассивного приспособления к среде осуществляет апперцепцию и комплексную интерпретацию соответствующей юридической и социально-правовой информации, обеспечивая трансформацию юридической действительности.

Профессиональное правовое сознание интенционально направлено на внешнее поддержание баланса, равновесия внутри правовой системы. Знать содержание юридической нормы может любой субъект права, воспринимающий ее как готовый идеальный образ правоотношений. Профессиональное правовое сознание дополняет или восполняет формализованную в ней юридическую конструкцию идеального правоотношения необходимыми в конкретном случае (казусе) компонентами, стремясь поддерживать баланс интересов между субъектами. Уровень (юридическая сила) акта профессиональной интерпретации детерминирован юридическими правилами, предъявляемыми к форме и содержанию принимаемого правотворческого или правоприменительного решения.

Профессиональное правовое сознание интенционально направлено на рационализацию общественных отношений для внешнего обеспечения, поддержания гомеостаза внутри правовой системы. Его интенциональность, напряженность и когерентность существенно детерминированы юридическими процедурами.

В литературе профессиональное правовое сознание часто рассматривается с точки зрения формирования у сотрудников соответствующих компетенций и их оценки, что обычно ассоциируется с деятельностью по трансляции правовых норм, именуемой специальной подготовкой [258, с. 327]. Результат профессиональной подготовки на практике оценивается преимущественно с точки зрения выполнения сотрудниками внешних императивных требований – норм за-

кона, но не учитывается, что после нее люди часто вынужденно становятся «рабами профессии» [250, с. 611]. При этом профподготовка осуществляется точно, по мере возникновения необходимости повышения качества реализации определенных полномочий в правоохранительной, уголовно-исполнительной сфере, нотариате [161, с. 33–36; 181, с. 124–126] или иных отраслях юридической практики.

Критерием оценки профессионального правового сознания признаются субъективно-оценочные параметры: уровень развития либо адекватность восприятия права [123, с. 64–68]; сочетание рационального и эмоционального компонентов [249, с. 285]; глубина отражения правовой деятельности, доказательность, компетентность [160, с. 565]. Однако если основанием для дифференциации профессионального правового сознания признается уровень адекватности, развития или глубина отражения, то остается неясным, относительно какого критерия происходит данная оценка: знания правовых норм, реализации этических требований или эмоционально-психического состояния субъекта.

Кроме механизма условно-рефлекторной связи профессиональное правовое сознание должно проявляться в инновационно-творческом и социально приемлемом поведении [148, с. 95–100]. В связи с этим представляется обоснованным акцентирование внимания на «самосознании» субъекта и его «профессиональной самоэффективности» [134, с. 6].

Внутренние личностные механизмы функционирования субъекта в его профессиональной сфере, поддерживаемые понятием совести и стыда, выполняют дисциплинирующую функцию [250, с. 622] и могут обладать более высоким регулятивным потенциалом по сравнению с непосредственным правовым регулированием. Механизм повышения профессиональной самоэффективности в большей степени обусловлен не юридической, а корпоративной и (или) репутационной ответственностью внутри профессионального сообщества. Она связана с включением, участием и возможным исключением из профессиональной группы, сообщества, платформ профессиональной коммуникации.

Отметим, что в настоящее время широко распространены профессиональные кодексы чести. Например, предметом норм и принципов судейской этики является то пространство в пределах профессиональной деятельности, которое не охвачено процессуальными правовыми нормами, но имеет судьбоносное значение для правосудия [38, с. 15–21]. Однако основной акцент в них делается лишь

на мерах дисциплинарной и иной юридической ответственности, предполагающих внешнее воздействие на нарушителя. Они не связаны с формированием самодисциплины, самосовершенствованием и саморазвитием внутри профессионального сообщества. Например, ст. 10 Кодекса чести судьи Республики Беларусь, принятого решением Первого съезда судей Республики Беларусь 5 декабря 1997 г. [47], предусматривает ряд обязанностей судьи перед судебским сообществом. Указывается на необходимость передачи профессионального мастерства молодому поколению судей, а также на недопустимость публичной критики поведения другого судьи. При этом вопросы включенности в коммуникацию внутри профессионального сообщества, взаимной оценки и совершенствования собственных профессионально-деловых и этических качеств, формирования соответствующей репутации не рассматриваются. Остаются нерешенными проблемы профессиональных обязательств и ответственности за несоблюдение этических норм [76, с. 59–60].

В свою очередь, ст. 26 Кодекса чести прокурорского работника Республики Беларусь, принятого 22 декабря 2007 г. на совместном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и президиума Белорусской ассоциации прокурорских работников [59], во взаимоотношениях в коллективах прокуратур предусматривается взаимопомощь и возможная критика недостатков в работе, которая должна быть принципиальной, деловой, обоснованной и приниматься работником, к которому она обращена, с пониманием. Однако вопросы непосредственной коммуникации внутри сообщества работников прокуратуры, их взаимодействия для совершенствования профессионально-деловых и этических качеств также не урегулированы.

Признавая высокий потенциал этических норм в формировании профессионального правового сознания, предлагаем более широко использовать различные формы профессиональной коммуникации. Предметом данного профессионального взаимодействия могут быть проблемы эффективности законодательных новелл, сложные случаи правоприменительной практики, прогнозирование реальной и потенциальной эффективности правового регулирования. В связи с этим В. Н. Бибило была обоснована необходимость образования «органа, координирующего работу юристов различных сфер деятельности (судьи, адвокаты, прокуроры, следователи, нотариусы и т. д.)», в частности Всебелорусского юридического совета [25, с. 109], деятельность которого направлена на оптимизацию не столько правоохранительных органов в отдельности, сколько государственного аппарата в целом.

В настоящее время представляется актуальным смещение акцентов с деятельности по формированию профессионального правового сознания путем трансляции правовых императивов и этических нарративов. Вместо нее предлагается формировать и развивать механизмы коммуникации внутри сообществ субъектов – носителей профессионального правового сознания. Благодаря этому возможно избежать туннелированности профессионального правового сознания, выражающейся лишь в усвоении действительных юридических правил и соответствующего формального отношения к профессиональным обязанностям.

Возвращаясь к проблеме критериев классификации правового сознания, отметим, что современные процессы интенсивного развития цифровых технологий и стохастических изменений в информационном пространстве порождают новые феномены цифровой реальности. Вместе с прежней, имеющей качество материальности (в пределах физических пространственно-временных границ) и осязаемости, развивается новая цифровая реальность (виртуальная действительность).

В цифровой реальности конструируется искусственный мир, в котором функции, свойственные человеческому организму, частично заменяются, восполняются или дополняются. Распространение цифровой реальности существенно влияет на трансформацию когнитивных и психических способностей человека, расширяются пределы возможностей его органов чувств, происходит трансформация физиологии и психологии сознания, а также правового сознания.

Таким образом, правовое сознание оправдано классифицировать еще по одному критерию – виду реальности (материальная или цифровая), восприятие, отражение, осмысление и интерпретация явлений которой осуществляется правовым сознанием. Дополнительным критерием данной классификации является признак субъектности, который также по-разному проявляется в материальной и цифровой среде.

Субъектность в материальной правовой реальности связана с физиологическими, социальными и психическими характеристиками индивида, но она не жестко коррелирует с параметрами цифровой коммуникации. В цифровой правовой реальности субъектность обусловлена также возможностью коммуникации в виртуальной среде.

Реализация правосубъектности в материальном мире зависит от юридически закрепленных правил, в то время как правосубъектность в цифровой реальности определяется параметрами, обусловленными конкретными техническими требованиями устройства коммуникации и алгоритмами взаимодействия, сформированными на определенной цифровой платформе.

В материальной реальности перцептивная деятельность субъекта ограничена его физиологическими параметрами, воспринятая информация может быть последовательно отражена, осмыслена и интерпретирована. В цифровой реальности расширяется круг источников информации, подвергаемой восприятию. Через дополненную реальность поступает большой поток информации, распространена одновременная коммуникация в нескольких социальных сетях и мессенджерах, становится возможной обработка больших данных. Но при этом «пропускная способность» сознания остается прежней. Только часть информации подвергается дальнейшему осмыслению и интерпретации, рост количества данных в геометрической прогрессии увеличивает количество неверной информации [250, с. 615]. Усугубляется проблема неопределенности, в том числе и правовой.

В цифровой реальности доминируют диалог и интересубъективность. Процессы принятия решений ускоряются за счет развития компьютерных технологий. Однако так называемые материальные расширения человеческих чувств (их «овнешнение и выражение») образуют замкнутые системы, в то время как «наши личные чувства ...не являются закрытыми системами», бесконечно переходят друг в друга в том опыте, который мы называем «со-знание» [140, с. 9].

Происходит стирание границы между общим и индивидуальным [155, с. 252]. Субъектность начинает зависеть от дополнительных, надиндивидуальных параметров, включая технические возможности для коммуникации носителей правового сознания, их желание и способность участвовать в интернет-сообществах (например, завести собственный сайт, создать новый ящик электронной почты, вести блог, написать комментарий). Однако, с другой стороны, в виртуальной реальности широко распространены анонимность, псевдонимы, пароли, скрывающие личность [155, с. 249–250] и делающие невозможным идентификацию субъекта по аналогии с реальной действительностью, что накладывает отпечаток на динамику его правового сознания.

На фоне расширения границ цифровой реальности происходит трансформация правового сознания субъектов, прямо или косвенно задействованных в правообразовании и правореализации. Появление и поступательная реализация идей Национального правового интернет-портала и интернет-портала «Правовой форум Беларуси», а также кибергосударства – государства как интернет-платформы – в России [193], несомненно, существенно влияют на интенциональность и напряженность правового сознания пользователей соответствующих цифровых платформ и ресурсов. Однако цифровизация

процедур правотворчества и правоприменения может обуславливать трансформацию правового сознания субъектов в усеченные процессы психического восприятия и отражения, что, к сожалению, приводит к постепенной утрате антропологического содержания, человекомерности права [131, с. 163–176].

Необходимо отметить, что в юридической литературе не поднималась проблема возможности и необходимости изучения видов правового сознания, дифференцируемого на микротерриториальное, внутригосударственно-территориальное, межгосударственное, межгосударственно-региональное, международное и национальное. Тем не менее для сообществ индивидов, проживающих в пределах соответствующих пространственно-территориальных границ, по справедливому утверждению Г. Лебона, имманентны определенные типы восприятия реалий, мышления, сознания и другие свойства, индивидуализирующие или даже персонифицирующие указанные сообщества [133, с. 7, 15, 35], т. е. фактически проявляется феномен географического детерминизма, влияющий на правовое сознание.

Исходя из признаков географического и геополитического детерминизма, а также с учетом антропосоциогенеза можно выделить такие виды правового сознания, как локальный, местный, национальный, а также межгосударственный и международный. В этом контексте в настоящее время высокую актуальность приобретают исследования национального правосознания [52, с. 131–138; 143, с. 14–19], специфика которого уже заложена в семантическом значении однокоренного слова «нация».

В словарно-справочных источниках русскоязычный термин «нация» означает исторически сложившуюся устойчивую общность людей, образующуюся в процессе формирования территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика. Значение термина *nation* связывается с культурными и языковыми отличиями людей и их подчинением единому правительству [314] либо отождествляется с социальными и политическими структурами [309]. В ином случае национальность предполагает организацию под единым, обычно независимым, правительством, или территорией; общность обычаев, происхождения, истории и часто – языка [308].

В приведенных определениях нации проявляется тройственная характеристика ее параметров: социальных, природных и антропогенных – общности культуры и духовного развития, подчинение единому и независимому правительству; схожести происхождения и территории обитания человека; единство языка и обычаев. Указанные

параметры могут существенно детерминировать специфику национального правового сознания.

Эмпирическая обоснованность деления правового сознания на остальные виды – международный, межгосударственный, местный и локальный – была продемонстрирована на примере осознания экологической правовой реальности [49, с. 42, 45–46]. Локальное правовое сознание проявляется на уровне отдельной семьи, трудового коллектива, сообществ граждан, проживающих в одном многоквартирном доме. Динамика правового сознания здесь predeterminedена традициями в рамках одной семьи, корпоративными правилами трудового коллектива или соседской группы.

Местный вид правового сознания характеризуется спецификой восприятия, отражения, осмысления и интерпретации явлений правовой реальности в пределах определенного населенного пункта, например уплаты местных налогов и сборов или определенных природоохранных мероприятий, благоустройства территории.

Международное правовое сознание связано с восприятием, отражением, осмыслением и интерпретацией проблем глобального значения и их решением на основе общепризнанных принципов международного права, международно-правовых договоров и обычаев. Межгосударственное правовое сознание заключается в его интенциональности на региональное сотрудничество и опосредующие его нормы права.

Наиболее распространенные и устоявшиеся классификации правового сознания осуществляются преимущественно на основе результатов группировки не самого правового сознания, а его субъектов-носителей. Множественные классификации, осуществляемые по одному признаку, не дают всесторонней характеристики предмета изучения. Группировка типичных проявлений правового сознания не столько по количественному признаку классификации, сколько по качественным, функциональным критериям представляется более эвристически продуктивной.

В целях наиболее полного и комплексного изучения трансформации правового сознания обосновывается его классификационная характеристика, которая предполагает определение основного и дополнительного критериев дифференциации.

В качестве важнейших критериев деления рассматриваются:

– дифференциация правового сознания по основному критерию – интенциональная направленность на объект (формально

закрепленное правило в нормативном правовом акте либо другая социальная норма), а также вспомогательному критерию – экстерииоризация правового сознания в форме правового поведения (правомерного либо противоправного);

- авторская классификация правового сознания, состоящая в выявлении основного признака – степени индивидуализации его носителя (конкретизации данных о нем) и дополнительной характеристики – условий экстерииоризации правового сознания и публичной доступности его результатов;

- классификация правового сознания в зависимости от сферы деятельности субъекта – носителя правового сознания: реальности его повседневной обыденной жизни или действительности юридических процедур нормотворчества и правоприменения. Вспомогательным критерием в указанной дифференциации является объект, на который направлено внимание субъекта – непосредственно правовая норма либо ее факторы и условия;

- классификация по уровневой соотносимости. Наиболее обоснованным необходимо признать использование данного признака не для всего правового сознания, а для актов интерпретации, осуществляемой в его процессе (основной критерий). Дополнительным основанием для данной классификации является функциональная характеристика носителей правового сознания (тех, кто адаптируется к правовой реальности или тех, кто преобразует ее);

- деление в зависимости от качества реальности (материальной или цифровой), отражение и осмысление которой осуществляется правовым сознанием. Дополнительным критерием следует признать признак субъектности, который также по-разному проявляется в материальной и цифровой сфере;

- исходя из признаков географического и геополитического детерминизма, а также с учетом антропосоциогенеза правовое сознание можно разделить на такие виды, как локальный, местный, национальный, а также межгосударственный и международный.

Правовое сознание как динамичный процесс со свойственной ему уникальной структурой и сложной дифференциацией направлено на постоянное воспроизводство и конструирование реальных и действительных модусов бытия права. Их подробное изучение и разграничение на правовую реальность и юридическую действительность будет осуществлено в следующей главе.

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

3.1. Концептуальные вопросы разграничения нормативности правовой реальности и юридической действительности

Различные структурные и видовые проявления феномена правового сознания не только обусловлены процессами трансформации в праве, но и сами существенно детерминируют изменения содержательных и функциональных параметров права. «Генезис и логика развития правовой действительности» свидетельствуют о том, что правовые нормы и системы права в целом являются так или иначе результатом «следования» субъектов правового сознания за наиболее значимыми социальными проблемами, за потребностями общественной практики; правовое сознание «не только отражает объективный мир, но и во многом творит, создает его» [21, с. 342–343].

В юридической литературе для обозначения совокупности реальных явлений, прямо или опосредованно относящихся к правовым, используются различные термины, например право, правовая семья, правовая система, система права. В целях поиска общих принципов и подходов в исследовании права, более полного отражения изменяющейся его сущности, уяснения особенностей возникновения и эволюции права [122, с. 89] проводится типология права, правовых семей или системы права с дальнейшим выделением и изучением их компонентов. Устанавливаются связи между правовыми системами и их структурными частями, функционирующими в од-

ном временном срезе и развивающимися в ходе исторического прогресса [2, с. 133].

Для типологии правовых явлений используются различные критерии, относящиеся не только к юридической, но и иной сфере, например материальной (экономической) или идеально-духовной (культурной). В результате в качестве оснований для выделения таксономических единиц берутся критерии общественно-экономической формации, цивилизации; способ выработки, систематизации и толкования правовых норм (Р. Давид); правовой стиль (К. Цвайгерт и Х. Кетц); исторические формы признания и организации свободы людей [168, с. 242], предмет и метод правового регулирования.

Каждая из названных типологий имеет собственные смысловые и содержательные характеристики, которые не всегда взаимодополняют, но иногда дублируют [122, с. 116] или вообще противоречат друг другу. В частности, на фоне распространенного разграничения терминов «правовая система» и «система права» ряд исследователей, наоборот, констатируют их синонимичность [168, с. 449–450], а некоторые обращают внимание на то, что правовая система необоснованно оставляет за своими рамками негативные правовые явления [150, с. 6].

Остается нерешенной проблема рассмотрения «конфликтного курса», проявляющаяся не только в отношении цивилизационного подхода [2, с. 133], но и иных аспектов типологии и изучения права. Суть ее состоит в том, что каждая правовая система или семья, цивилизация, общественно-экономическая формация, система права обладают динамичностью и непостоянством пространственно-временной локализации, что порождает необходимость изучения их трансформации, а также возможных конфликтных ситуаций. Например, классическое деление системы права на частное и публичное сводится к выявлению различий между ними, но редко – к определению коллизионных случаев, связанных с необоснованным превышением пределов юридического вмешательства в сферу частного интереса или, наоборот, недостаточности правового вмешательства в упорядочение общественных отношений публичного характера.

Кроме того, из предмета исследований часто выпадает функциональная связь компонентов друг с другом и с универсальной таксономической единицей. На этом фоне происходит искусственное формирование новых конструкций в качестве таксономических универсумов еще более высокого уровня абстрагирования. Так, в настоящее время наряду с использованием таких характеристик права, как правовая семья и правовая система, практика правового регулирования [37, с. 55], начинают появляться новые понятия: правовая

жизнь [149, с. 14], правовое пространство [83, с. 8; 147, с. 38], «юридическая карта мира» или юридический мир (как результат конвергенции правовых систем) [225, с. 14–17].

В результате категории, призванные научно объяснять генезис и причины трансформации существующих правовых явлений, в силу их высокой абстрактности переходят на уровень философского, метафизического обоснования правовой материи. В связи с этим в литературе отмечается, что практически любое из понятий, претендующих на статус так называемых всеобщих правовых абстракций либо предельных правовых категорий, очень часто получает неоднозначную интерпретацию [150, с. 5].

Представляется закономерным появление в общетеоретической правовой науке и иных изысканий по глобальным проблемам бытия права, стремящихся объяснить правовую реальность как целостный феномен. В них модусы бытия права чаще всего определяются в качестве правовой действительности или правовой реальности.

В таких работах правовая реальность обычно рассматривается как фундаментальная философско-правовая категория, которая обозначает особую разновидность социальной реальности [237, с. 76]. Правовая реальность определяется на уровне метафизических построений и умозрительных конструкций, рассмотрение которых предопределено конкретным типом правопонимания, абстрагируясь от ряда прикладных проблем нормативности права, его образования и реализации.

Характерно, что в классических работах по проблемам изучения права косвенно выделялись два модуса бытия права. Например, «фиксация инвариантного сегмента правовой реальности, неизменного по отношению к изменчивым официальным установлениям» обнаруживается в теории Л. И. Петражицкого [141, с. 70]. В свою очередь, С. С. Алексеев признавал, что право, вырастая на почве общественных отношений, может и не сливаться по своему существу с общественными явлениями, а обладать своей собственной, вовсе не социальной, природой [5, с. 29].

В современной юридической доктрине двойственность онтологических реальностей права признавал С. И. Максимов, выделяющий «правовую реальность, как объективно существующий мир права, данный субъекту в практике (опыте), и картину правовой реальности как модель правовой реальности, служащую средством познания и конструирования мира права» [142, с. 147]. Разделение между социальными и нормативными слоями права прослеживается также в критической версии позитивизма Туори [311]. Р. Г. Валиев в контек-

сте изучения практики правового регулирования провел различие между практикой правовой и юридической [37, с. 54–66].

Проблемы трансформаций реальности или действительности права рассмотрены Г. И. Иконниковой (использовались различные подходы: феноменологический, системный (структурно-функциональный) и элементный) [97, с. 120–121], И. Л. Честновым [289, с. 45–51], С. Л. Слободнюком [241, с. 12], Г. А. Гаджиевым (отмечает, что понятие «правовая реальность» гораздо шире, чем понятие «реальность права»). О реальности права можно говорить, когда завершается его позитивация и появляются юридические акты. Правовая реальность, по мнению Г. А. Гаджиева, взаимосвязана с конфликтной стороной бытия) [55, с. 84]. Постепенно появляются исследования бытия права и на отраслевом уровне [240, с. 244–248; 283, с. 8–18].

Отметим, что предметно-научное изучение структурно-содержательных, нормативных и динамических аспектов правовой реальности и юридической действительности невозможно в отрыве от анализа их взаимосвязи с правовым сознанием.

В данной монографии внимание автора направлено на специфику протекания правового сознания на двух различных уровнях бытия субъекта права: правовой реальности (реального права) и юридической действительности (действительного права). Правовое сознание как феномен, проявляющийся в деятельности по восприятию, отражению, осмыслению и интерпретации социально-правовой и юридической информации, существенно детерминирует нормативность реального и действительного права, но при этом само подвергается значительной трансформации.

Правовые явления выступают как продукт сознания. Но конструкция всякого правового сознания – это результат нашей интерпретации, нашего субъективного понимания, поэтому она всегда является чем-то нетождественным и новым в сравнении с «освоенными» сознанием реальными явлениями как по своему непосредственному содержанию, так и модусу бытия [21, с. 343].

В целях уяснения социальных и психических особенностей нормативности правовой реальности и юридической действительности следует построить соответствующие модели их динамики. Для этого определимся с отличиями правовой реальности от юридической действительности, так как кажущаяся первоначально синонимичность формулировок «реальность» и «действительность» вносит неоднозначность в их интерпретации и делает противоречивыми выводы из-за отсутствия четких терминологических границ.

Многомерность и многогранность правовой реальности имманентно предполагают в качестве важнейшего элемента присутствие человека, который «создает право (хотя и не по произволу), изменяет его и воспроизводит его своими практическими действиями и ментальными представлениями»; человек присутствует и в нормах права, и в правосознании, и в правопорядке [289, с. 45–51]. С. И. Максимов правовую реальность справедливо трактует и как субъективное осмысление права [142, с. 147]. Она состоит не столько в принудительности и гетерономности права, сколько в его универсальности и обязательности для каждого человека – признака, «объективно способствующего функционированию социального целого» [247, с. 150], создания условий, при которых человек (не субъект! – *Авт.*) «способен удовлетворять свои потребности, лишь удовлетворив потребности другого» [282, с. 11]. В структуру правовой реальности в качестве неотъемлемого компонента включается правовое сознание [286, с. 15].

Однако применяемые в отношении к праву термины «действительность» и «реальность» этимологически нельзя признавать синонимичными. Термин «действительность» по своему значению лексически ближе к предметно-практическому характеру права, правовому признанию и фактам потенциальной реализации юридических норм. Например, у Г. Л. А. Харта «юридическая действительность» сводится к совокупности правовых норм, которые «эффективны, т. е. прогнозируемы к реализации», а «утверждать действительность правила означает предсказывать, что оно будет проводиться в жизнь судами, или будет предпринято какое-то иное официальное действие» [281, с. 108–112]. Причем важно учитывать, что оценка действительности правовой системы, по его мнению, предельна.

Соглашаясь с автором и развивая его мысль, необходимо признать, что, в отличие от когнитивных процессов в правовой реальности, правовое сознание в юридической действительности детерминировано юридическими нормами, гетерономно обеспечивающими когерентность правового сознания субъектов при конструировании или воспроизводстве юридической действительности.

Например, реальность опасности заражения в условиях пандемии COVID-19 актуализировала деятельность по социальному дистанцированию и использованию индивидуальных средств защиты. Первоначально строгой рационализации безопасного поведения не было, как и отсутствовала типизация этого поведения. Реальность была такова, что паттерны поведения создавались автономно и стихийно. Постепенно происходила седиментация стереотипов и паттерны стали очерчиваться в правовом сознании, конструирующем

модель выживания в условиях пандемии путем социального дистанцирования и использования средств защиты в общественных местах.

При сохранении устойчивого баланса в правовой реальности в условиях пандемии не было бы необходимости перестраиваться на уровень юридической действительности. Но более острая фаза пандемии вынудила совершить скачок из правовой реальности в юридическую действительность. Требовались максимальная (предельная) оценка и гетерономное нормирование наиболее правильного и рационального поведения, поддерживаемого возможностью принуждения. При несовпадении, конфликтности правовой реальности и юридической действительности появлялась дилемма – менять нарративы о способах индивидуальной защиты (реконструировать правовую реальность) либо устанавливать дежурства в местах массового скопления людей, заставлять надевать маски, вводить штраф за несоблюдение режима (конструировать юридическую действительность).

Отличия нормативности правовой реальности от юридической действительности, а также их динамика обусловлены интенциональностью, напряженностью и темпоральностью правового сознания человека, непосредственно или опосредованно вовлеченного в различные формы правового взаимодействия.

Правовая реальность отличается от юридической действительности более низкой (в случаях инновационного поведения – нулевой) степенью типизации и анонимности социального поведения. Ядром правовой реальности является человек как био-психо-социо-организм, находящийся в интересубъективном взаимодействии с другими (социальное взаимодействие). Правовая реальность основана на признании должного и недолжного порядка отношений, различении своего и чужого [44, с. 17], представлена в форме повседневной жизни, логика которой конструируется логикой здравого смысла, «гармонией правовой жизни» [147, с. 25].

Нормативность правовой реальности выражена в нормальном, естественном взаимодействии социальных субъектов на основе их отношения к сфере должного [100, с. 6]. В правовой реальности люди живут и действуют «в автономном режиме от формальных регуляторов и не стремятся видеть в формальном праве часть своей повседневности» [235, с. 14].

Правовая реальность обычно даже не воспринимается и не осознается людьми как юридическая; это целостное явление, неделимое на практике и необратимое по времени. Она предстает перед человеком в качестве фактического, а не правового порядка. Соответственно, действия человека могут казаться ему «своими», произвольными,

не зависимыми от правового регулирования, хотя на самом деле его деятельность в значительной степени детерминирована тем порядком вещей, который создан при помощи правовых норм. Характерно в этом плане понимание роли права и правового регулирования гражданами, выявленное в результате анкетных опросов. Респонденты часто отвечают, что «не имели дело с правом», подразумевая под этим, что не попадали в конфликтные ситуации, не сталкивались с законом. Они не осознают тот факт, что правом урегулировано большое число многообразных и повседневных неконфликтных отношений, поступков. Большинство людей видят в праве только ту его сторону, которая относится к принуждению, претензиям, защите нарушенных прав, а не к аспекту позитивного регулирования и упорядочения общественных отношений [124, с. 21].

Реальность повседневной жизни имеет само собой разумеющийся характер. Она не требует никакой дополнительной проверки сверх того, что просто существует как самоочевидная и непреодолимая фактичность [301, с. 43–44]. Правовая реальность контекстуальна. Даже мышление опытного юриста в простых делах основано на стереотипизации, что вытекает из психологии прототипов [239, с. 84–107].

Темпоральность и напряженность правового сознания субъекта правовой реальности обусловлены процессами трансформации природной, техногенной и социальной среды, а также его уникальными физиологическими параметрами, эмоциональным состоянием и когнитивными способностями. Стабильность, целесообразность, перспективность правовой реальности «улавливаются» правовым сознанием [147, с. 25].

Интенциональность правового сознания обусловлена разнородными и многочисленными потребностями его носителя, который в процессе своей адаптационной деятельности конструирует и воспроизводит правовую реальность. В результате она приобретает свойство многомерности, обнаруживая себя в пределах не только физических и юридических, но и иных, например технологических границ, что порождает многовариантность ее трансформации. При этом правовая реальность никогда не может быть возобновлена или заново воспроизведена в абсолютно идентичном виде.

Правовая реальность обладает свойствами релятивности и контекстуальности, интерсубъективности вместо реифицированного объективизма [292, с. 66–67]. В силу этого в научном плане трудно прогнозировать динамику правовой реальности и перспективные направления правового воздействия на нее.

Нормативность правовой реальности фиксируется в паттернах правового поведения, создающих эффект его обычности и нормальности, что иногда даже предопределяет иллюзию ряда ученых об отсутствии рефлексии субъекта при необходимости воспроизводства того или иного паттерна. Действительно, типизация содержания общественных отношений в правовой реальности значительно снижает когнитивную нагрузку на человека, адаптирующегося к ней, экономит его время, физические силы, а также психические ресурсы – отсутствует необходимость рассчитывать каждый свой шаг. И. Л. Честнов даже отмечает, что она «экономит мышление» [292, с. 125]. Однако научную констатацию случаев полного отсутствия рефлексии и самоконтроля за выполнением типизированного конструкта следует подвергнуть некоторой критике, одним из аргументов которой служит доказанный факт непрерывности протекания (континуальности) правового сознания. Это значит, что у психически и физически здорового человека процесс правового сознания, связанный, например, с переходом дороги на зеленый сигнал светофора или машинальной оплатой за проезд при входе в общественный транспорт, имеется и не прерывается. Соответствующие действия воспроизводятся и выполняются не «бессознательно» или «автоматически», а все равно осознанно. Рефлексивные процессы правового сознания присутствуют, хоть и очень короткое время.

Динамика правовой реальности детерминирована не только потребностями и интересами человека, но и качественными изменениями природной, социальной и техногенной среды (детерминанты первичной нормативности). Первичная нормативность правовой реальности обусловлена психическим стремлением человека к упорядочению, балансу во взаимодействии с окружающей средой и параметрами его здравого смысла, некоторой степени добросовестности и ответственности.

Правоотношение конструируется на основании воспроизведения паттернов поведения, сформированных в процессе социального взаимодействия. Правовое отношение в правовой реальности может хронологически опережать правовое регулирование.

Человек живет в ситуации неопределенности, что подразумевает недостаток информации о динамике и состоянии окружающей среды. В правовой реальности снятие правовой неопределенности происходит с использованием знаний, житейского опыта и практики. Риски, связанные с правовой неопределенностью, снижаются за счет создания новых технологий информатизации, развития ком-

муникативных параметров социетальной среды и адаптивных возможностей человека. Чем больше у него информации, тем больше потенциал для снятия правовой неопределенности.

Сбои в типизации, противоречия во внутренней нормативности правовой реальности вызывают нарушения, разбалансировку и конфликтность в интересубъективном взаимодействии. Появляется необходимость в переходе к иной модальности бытия права – юридической действительности. Правовые отношения трансформируются в юридические, а человек – в субъект правоотношения, обладающий правовым статусом. Реализация его потребностей и интересов подразумевает формализованную процедуру осуществления прав и выполнения обязанностей. Такую, наиболее высокую, типизацию призван обеспечивать специальный агент – представитель инстанции (субъект правотворчества и (или) правоприменения), проводящий нормативно-правовое закрепление и (или) индивидуально-правовую конкретизацию правового статуса субъекта права.

Юридическая действительность ее субъектами воспроизводится в контексте определенного вида юридического процесса или процедуры (нормотворческого процесса, правоприменительного процесса, процедуры медиации и т. д.), последовательность которых детерминирована целями обеспечения законности и формально-юридического равенства. Темпоральность правового сознания субъектов обусловлена стадиями юридических процессов, а также правовым статусом субъектов и участников, объемом их дееспособности. Так, у Иоанна Златоуста встречаем замечательный концепт, четко иллюстрирующий границы локуса контроля в правовой реальности и юридической действительности: «До тех пор пока ты не взойшел в суд, ты полный господин над собой, но как скоро переступишь за его порог, ты же подневольный другого, и сколько бы ни усиливался, не можешь уже располагать собой, как хочешь» [227].

Границы юридической действительности зафиксированы формально закрепленными правилами действия нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Компоненты рассматриваемой действительности (юридическая сила нормативного правового акта, наличие дееспособности у субъекта правоотношения, законность и обоснованность правоприменительного акта) требуют верификации на предмет действительности, неколлизионности, определенности и соответствия юридическим нормам.

Правоотношения юридической действительности базируются на правовой норме, их динамика предопределена ее содержанием.

Пробелы в правовом регулировании следует обязательно устранить. Нормативность из первичной (естественной, обычной) трансформируется в гетерономно определенную, искусственную (формально-определенную).

Юридическая действительность основана не столько на внутреннем признании, сколько на внешнем проявлении действительности (действенности, валидности, юридической силы) правовой нормы. Рационализация и типизация в ней настолько отдаляют правовую норму от обыденной социальной практики и правовой реальности, что часто появляется потребность в формировании детализированных стадий и особых процессуальных форм реализации права. Представитель инстанции призван обеспечивать переход из правовой реальности в юридическую действительность для предупреждения (или разрешения) конфликтов, вызванных сбоем типизации.

Практически в каждом случае возможен переход из правовой реальности в юридическую действительность. Он будет связан с повышением когнитивной напряженности, изменением интенциональности и темпоральности правового сознания заинтересованных субъектов. Однако реверс в обратную сторону крайне проблематичен.

Признавая достоинства медиации, направленной на разрешение юридического конфликта с минимальной типизацией общественных отношений, отметим недостатки управления спором в рамках судебного процесса. Так, минусы судебных процедур обусловлены использованием предельных способов типизации правовых статусов участников правоприменительного процесса (в юридической действительности), что часто становится непреодолимым препятствием для их дальнейшего межличностного взаимодействия (в правовой реальности). Характерно, что по данной проблеме О. Н. Здрок осуществляет пересмотр функций суда в цивилистическом процессе и рассматривает вопрос перехода от публично-правовых начал цивилистического процесса к частноправовым. Обосновывая новую, примирительную, функцию судебной власти, О. Н. Здрок предлагает ее реализацию посредством судебных примирительных процедур [91, с. 27], тем самым функционально сближая судебный процесс с правовой реальностью.

Динамика юридической действительности зависит от агента типизации – представителя инстанции (субъект правотворчества и правоприменения), который конструирует собственно юридическую нормативность. Такая вторичная нормативность формируется путем рационализации правового регулирования общественных отношений, надстраиваемого над первичной нормативностью либо формируемого вне ее (с «чистого листа»).

Для юридической действительности верификация валидности юридических норм и адекватности конструирующего их правового сознания (компетентности, наличия полномочий, непредвзятости) юридически обязательна.

Юридическая действительность дискретна, ее процедуры возобновляемы. Это обусловлено возникновением, изменением, прекращением материальных и процессуальных правоотношений на основе юридических фактов; принятием или отменой нормативного правового акта, вынесением правоприменительного акта и т. д. Однако юридическая действительность стремится к возобновлению только «в пределах элементов, типизированных в конструкте» [301, с. 45] (правовой норме. – *Авт.*).

Правовая реальность – это незамкнутая структура, которая чрезвычайно богата социальными фактами, детерминирующими динамику правового сознания и общественных отношений (невозможно найти абсолютно одинаковых их участников, содержание или объекты). *Юридическая действительность* – замкнутая структура, основанная на жесткой корреляции «стимул – реакция» и базирующаяся на юридических фактах, которые реально существуют и зафиксированы в правовой норме.

В юридической действительности правовая неопределенность обусловлена не только недостаточным количеством правовых норм (пробелы в праве), но и их избытком, вызывающим противоречия (коллизии в праве). Иными словами, в юридической действительности правовая неопределенность не всегда может быть успешно снята путем повышения количественных параметров правовой информации. Правовая неопределенность снимается юридическими механизмами правового мониторинга и экспертизы проектов нормативных правовых актов, применением аналогии права или закона.

В юридической действительности, в отличие от правовой реальности, могут иметь место правовые фикции – результат абстрактного мышления в процессе правового сознания. Однако чтобы фикция была действительной, необходимо ее формально-юридическое опосредование.

Приведем пример несовпадения динамики правовой реальности и формирования юридической действительности. Классическая интерпретация схемы механизма правового регулирования с присущими ему стадиями состоит в определении нормы права как первоначального элемента [202, с. 615], достаточного и необходимого для запуска всего механизма, что дает основания говорить о хроно-

логической первичности (и даже первопричине) правовой нормы и вторичности правового отношения. Возникает вопрос: почему этот механизм не охватывает имеющиеся на практике случаи, когда первичным элементом правового регулирования фактически может стать правовое отношение, которое хронологически опережает правовую норму как результат дальнейшей рационализации и типизации?

Примером «запуска» механизма правового регулирования, при котором правовая реальность трансформируется, начиная не с новой правовой нормы, а с правового отношения, может служить социальный факт появления новых правовых отношений экономики совместного потребления, предполагающих обмен не только вещами, но и идеями, временем или даже едой без соответствующей их юридической регламентации.

Вышеуказанные примеры демонстрируют, что «субъектно-объектная модель в праве, стабилизированная нормой в правоотношении», может приводить к исключению из поля юридических практик живую динамику межчеловеческих взаимодействий, хотя, конечно, нюансы последних всегда присутствовали в правовой реальности [113, с. 144]. В настоящее время расхождение реальности права и юридической действительности усиливается. Это в значительной степени обусловлено нарастающей тенденцией к усложнению интересубъективного взаимодействия на различных уровнях правовой реальности и происходящим на этом фоне стремлением инстанции к максимально предельной типизации и рационализации соответствующего правового поведения на уровне юридической действительности.

Вопросы динамики правового сознания методологически оправдано изучать на онтологическом уровне осмысления права. С этой целью в рамках предметно-научного анализа обоснована концепция разграничения нормативности правовой реальности (реальности права) и юридической действительности (действительного права).

Правовая реальность конструируется в процессе повседневной жизни человека (осмысленной деятельности в интересубъективном взаимодействии). Правовое сознание не связано с четкой рационализацией и формализацией правового поведения. Постепенный процесс седиментации определенных паттернов поведения и дальнейшая их габитуализация приводят к спонтанной типизации и соответствующей кристаллизации реальной правовой нормы. Интен-

циональность правового сознания направлена на неюридические последствия для его носителя – реализацию присущих человеку потребностей и интересов во взаимодействии с другими субъектами.

Юридическая действительность конструируется и воспроизводится в процессе правового сознания субъектов права. Их поведение рационализировано (в стремлении контролировать внешние обстоятельства) и формализовано посредством актов правотворчества и правоприменения. Интенциональность правового сознания субъекта нацелена на юридические последствия.

Трансформация правовой реальности обусловлена потребностями и интересами человека, качественными изменениями природной, социальной и техногенной среды его жизнедеятельности (первичная нормативность). Первичная нормативность правовой реальности обусловлена психическим стремлением человека к упорядочению, балансу во взаимодействии с окружающей средой и параметрами его здравого смысла, определенной степени добросовестности и ответственности.

Динамика юридической действительности зависит также и от агента типизации, представителя инстанции (субъекта правотворчества и правоприменения), которые конструируют нормативность вторичного плана. Вторичная нормативность формируется путем рационализации, правового регулирования общественных отношений, надстраиваемых инстанцией над первичной нормативностью либо создаваемых с «чистого листа».

В настоящее время наблюдается усиливающееся расхождение реальности права и юридической действительности. Это в значительной степени обусловлено тенденцией к усложнению интересубъективного взаимодействия на различных уровнях правовой реальности и происходящим на этом фоне стремлением инстанции к максимально предельной типизации и рационализации соответствующего правового поведения на уровне юридической действительности.

В правовой реальности в большинстве случаев оценка параметров правового сознания человека и нормативности конструируемых им норм факультативна, так как изначально презюмируется ее рациональность, естественность, нормальность. Правовые нормы в ней априори валидны. Для юридической действительности верификация валидности юридических норм и адекватности конструирующего их правового сознания (компетентности, наличия полномочий, беспристрастности при принятии юридически значимого решения) юридически обязательна.

3.2. Правовое сознание как критерий структурной дифференциации юридической действительности

Концептуальные положения о динамике правового сознания как причины и условия трансформации юридической действительности могут быть использованы для дальнейшего анализа ее параметров. Изученные свойства феномена правового сознания могут применяться не только для теоретического его описания, но и в качестве методологической конструкции [253, с. 155], преобразуясь из предмета классификации в один из ее критериев. В этом случае представленная концепция правового сознания сможет выполнять еще и методологическую функцию, если будет использоваться за пределами ее собственного предмета, когда в ней будет выделен методологический компонент и реконструирована ее методологическая схема [253, с. 221–222].

Классическое деление права на частное и публичное сводится к характеристике двух глобальных единиц – отраслей частного и публичного права. Будучи типологией, данное деление имеет значительный потенциал для теоретико-прикладных разработок по вопросам определения видов правовых норм и правоотношений. Такая структурная дифференциация способствует обоснованию границ государственно-правового вмешательства в общественные отношения. Соблюдение доктринально обоснованных границ правового регулирования дает возможность законодателю претендовать на априорную объективность и правильность выбранного им предмета, типа, способов и методов правового регулирования.

Так, частноправовые отрасли принято отличать от публично-правовых по основанию в виде защиты частного (частных лиц) и публичного (общего или государственного) интереса, а также соответствующей пользы и (или) цели. Иногда в качестве основного критерия (реже – дополняющего первый) имеет место классификация по признаку того, кто претерпевает последствия нарушения права – отдельные элементы целого (частное право) или целое (публичное право). Некоторые авторы различали право частное от публичного на основании того, кто проявляет инициативу защиты нарушенного права. Сразу обратим внимание, что если критерий интереса априори крайне субъективен (индивидуален), то основание типологии в виде инициативы защиты нарушенного права имеет хотя бы более объективное свое основание. Например, в соответствии со ст. 26 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления уголовное пресле-

дование и обвинение в суде осуществляются в публичном, частно-публичном порядке и в порядке частного обвинения [269].

В результате применения на практике типологии частного и публичного права, проводимой по названным выше основаниям, обычно появлялась оговорка об отсутствии в чистом виде частноправовых или публично-правовых отраслей. Данное утверждение несколько приближало типологические выводы к фактическому состоянию юридической действительности, так как на самом деле ни одна отрасль не обладает в чистом виде частноправовыми или публично-правовыми характеристиками интереса или пользы. Так, в гражданском праве многих современных правовых систем можно обнаружить значительное количество правовых норм, которые обладают не частноправовыми, а публично-правовыми параметрами интереса и иных вышеназванных критериев. Например, правовое регулирование права частной собственности в ст. 210 Гражданского кодекса Республики Беларусь [63] предполагает правомочия собственника владеть, пользоваться и распоряжаться имуществом по своему усмотрению (частноправовой интерес), но далее делается оговорка о невозможности осуществления им действий, противоречащих общественной пользе и безопасности (публично-правовой интерес).

Полагаем, что для проанализированной типологии структурных компонентов права, используемой как специфический способ классификации, необходимо констатировать нарушение одного из основных ее правил: компоненты классификации должны исключать друг друга, а сумма компонентов классификации должна равняться объему всего классифицируемого множества предметов [249, с. 290]. Указанный недостаток типологии права на частное и публичное преодолелся по-разному.

Во-первых, мог иметь место поиск иных основных и (или) дополнительных критериев классификации. Во-вторых, недостатки типологии снимались путем признания частноправового компонента в публично-правовой отрасли и наоборот. В-третьих, в некоторых сферах отраслевых дисциплин появлялись попытки сформировать собственные критерии отличия публичной нормы от частной по принципу описательности. В-четвертых, имела место констатация абстрактности классификации права на частное и публичное по причине ее чрезмерной умозрительности и отсутствия эмпирического подтверждения. В последнем случае закономерно возникает вопрос об альтернативах такой классификации, которые бы реально способствовали объективности определения границ и методов правового регулирования.

Отмечая достаточно высокий эвристический потенциал и практическую ценность исторически сложившейся частноправовой и публично-правовой типологии, необходимо признать, что ее критерии требуют серьезного пересмотра и дополнения. При делении права на частное и публичное на основании соответствующего интереса (равно как пользы либо цели) отметим: то, «что обычно называют интересом, является одним из основных элементов человеческой природы, этот термин неизбежно будет означать для разных философов разные вещи, в зависимости от их базисной концепции человеческого существования в мире» [301, с. 147]. Проблема отсутствия единого философского осмысления природы человека и, соответственно, его интереса усугубляется неопределенностью термина «интерес» в юридической действительности. Размытость юридического понятия интереса, попытки использовать философскую категорию в юридической практике могут привести к необоснованному делению норм права на частные и публичные, а впоследствии – к серьезным ошибкам правотворчества.

Интерес как таковой предполагает наличие у субъекта правового сознания непосредственного внимания, когнитивной направленности на конкретный объект юридической действительности. Он представляет собой интенциональность правового сознания, которая чаще всего не будет направлена на право вообще – право в целом как некую абстрактную категорию. Субъект правового сознания обращает свое внимание на что-то предельно конкретное, важное для него в ситуации «здесь и сейчас». Интерес проявляется у него в процессе сложного и уникального, непрерывного правового сознания, обладающего специфической интенциональностью, темпоральностью и динамикой. Интерес определяет индивидуальные мотивы правового поведения в процессе выражения правового сознания субъекта и трансформирует интересы других, взаимодействующих с ним субъектов.

Воспринятая, отраженная, осмысленная и интерпретируемая правовая норма определяет лишь некоторые, важнейшие, типичные последовательности и связи в юридической действительности. Все остальное, проявляющееся при ее реализации, сугубо индивидуально и неповторимо. По этим типичным последовательностям и связям интерес еще неопределим, ведь такой вещи, как обособленный интерес, не существует. Смешение субъективной и объективной точек зрения, а также разных временных структур их динамики создает трудности в понимании механизма, посредством которого субъекты определяют свои интересы и свое будущее поведение [301, с. 121].

Независимо от того, какое именно значение придается термину «интерес», а также от допущения, принимаемого относительно происхождения системы интересов, в любой момент происходит отбор вещей, релевантных для субъекта, тогда как другие вещи и аспекты в это время его не интересуют, выпадают из поля зрения. Все это биографически детерминировано. «Иначе говоря, актуальная ситуация действующего лица имеет свою историю; она есть осаждение всех его прежних субъективных переживаний. Эти переживания действующий переживает не как анонимные, а как уникальные, субъективно данные ему и только ему» [301, с. 126–127]. Например, когда конкретный субъект права вступает в брачно-семейное правоотношение, сложно дать единственную и универсальную оценку природе и иерархии интересов общества, государства или его собственным, индивидуальным, которые при этом реализуются в соответствии с правовой нормой. Одному нужна семья для борьбы с одиночеством, другому – для материальной поддержки, третьему – для рождения и совместного воспитания детей, причем эти интересы для каждого субъекта уникальны и изменчивы во времени, детерминированы его собственной биографией. В свою очередь, общественный интерес может присутствовать и быть связан, например, с решением демографических проблем.

Аналогичным образом сложно дать универсальную объективную оценку частной или публичной природе интереса в правоотношении по обращению в правоохранительные органы в случае хищения имущества (похищено именно мое имущество, но при этом преступник на свободе и представляет опасность для других собственников) или нарушения правил общежития в многоквартирном доме (мои соседи ночью громко ругаются, мешая мне спать, но при этом их агрессивное поведение может представлять опасность для окружающих).

Проблемой классического деления права на частное и публичное необходимо признать сложности объективной оценки критериев интереса, пользы или цели, а также отсутствие точно определенного предмета типологии. Ведь подлежащий типологии феномен, именуемый термином «право», может содержательно охватывать юридические формы проявления права, сводясь лишь к законодательству, а может обозначать иные явления юридической действительности, например, правоприменительную практику или правоотношение.

Постулаты юридического позитивизма в понимании сущности права приводят к логическому выводу о том, что если правовые нормы юридически опосредуют общественные отношения, то этим самым они уже выражают государственный, т. е. публичный, интерес. В контексте легистского правопонимания логически исключается

сама возможность обеспечения чистоты типологии права на частное и публичное. В парадигме социологического или юснатуралистического правопонимания типология права на частное и публичное еще больше усложняется вынужденной различной интерпретацией не только права, но и защищаемого им интереса.

В норме права субъект правотворчества нормирует и догматизирует не один интерес, а определенную иерархию интересов. Но правовая норма целиком и окончательно складывается только при встрече субъекта правовой жизни с нормативным правовым образованием (текстом закона) [186, с. 560]. Абстрактная норма права персонифицируется в правоотношении посредством правового сознания его субъекта, формирующего иерархию собственных интересов и соответствующих мотивов правового поведения, т. е. интенциональность правового сознания каждого субъекта правореализации структурирует его собственную иерархию интересов и формирует интересы и мотивы поведения других субъектов в рамках данной юридической действительности.

Норма права является лишь одним из факторов, предопределяющих мотивы и интересы. Последние группируются в большие и устойчивые иерархические системы, детерминированные индивидуальной биографией субъекта. Только поняв достаточное число элементов такого рода системы, появляется возможность уяснить защищаемый интерес [301, с. 110], следовательно, и отраслевую принадлежность определенного структурного компонента юридической действительности.

Классическую классификацию права на частное и публичное сложно применить по отношению к предельно общему термину «право». Для деления юридических норм, юридической практики и правовых отношений на публично-правовую и частноправовую сферы методологически неверно использовать один и тот же критерий, можно взять в качестве предмета типологии юридическую действительность, признаки нормативности которой были рассмотрены ранее. В качестве основания для структурного деления юридической действительности важно учитывать не интерес как таковой, а направление интенциональности правового сознания. При этом возьмем за основу лишь выражение типичного построения иерархии интересов субъектов права, которая приводит в движение массовое поведение [301, с. 554]. Считаем целесообразным использование схемы правового сознания, носителями которого будут признаваться не индивиды, доступные наблюдению в повседневной жизни, а типичные субъекты права – идеальные типы действующих лиц, обладающих правовым сознанием. Причем схематичное определение интенциональности

их правового сознания ограничим теми элементами, которые необходимы для осуществления типичных действий. В качестве таковых возьмем «мотивы для», соответствующие тем целям, которые реализуются в социальном мире как штамп [301, с. 71, 112] (направленность правового сознания в будущее), а также мотивы «потому что» [301, с. 71, 112] (направленность правового сознания в прошлое). Этими мотивами очерчиваются определенные сегменты жизненных планов и запасы опыта, которые представляются необходимыми для воображаемых горизонтов и фоновых знаний действующего.

В частноправовой сфере юридической действительности интенциональность правового сознания («для того чтобы») направлена на структурирование интереса в соответствии с собственной биографической ситуацией и формированием личных целей. Данные цели определяются самим субъектом в процессе его адаптационной деятельности. Здесь юридической формализации в основном может подвергаться лишь наиболее оптимальная цель, остальное – прерогатива самого субъекта, в которой он непосредственно выбирает ее место в иерархии и способы достижения данной цели. Когда субъекты права дают деньги взаймы, по собственной инициативе надевают маску для безопасности окружающих во время пандемии, принимают решение о наличии детей в своей семье, определяются с необходимостью получения высшего образования либо выбирают форму самозанятости в трудовой сфере, интенциональность их правового сознания обращена на возможную перспективу реализации мотива «для того чтобы», не связанного непосредственно с юридической целью. Автономный вид их правового сознания детерминирует частноправовую сферу юридической действительности. Излишняя формализация порядка достижения цели с большой долей вероятности в корне переструктурирует интересы субъекта.

Мысленное возвращение к совершенному правовому поведению, т. е. к прошлому (мотив «потому что»), осуществляет сам субъект по собственному усмотрению, сложившейся ситуации и опыту. Мотив «потому что» в частноправовой сфере юридической действительности каждый может определять индивидуально, по совести, в соответствии с собственной ситуацией.

Интенциональность правового сознания на реализацию субъективного права через непосредственное выполнение юридической обязанности относится к публичной сфере, где доминирует гетерономный тип правового сознания. Мотив «для того чтобы» связан с нацеленностью субъекта на юридические последствия начала, изменения или прекращения правового отношения. Когерентность

правового сознания в публично-правовой сфере обеспечивается соответствующими правовыми нормами. В таком случае юридической формализации подвергается не только цель, но и сам процесс ее реализации. Субъекты вынуждены строго соблюдать процедуру, последовательность, этапы, predetermined правовую норму, и ориентироваться на других субъектов права. Подача искового заявления в суд, участие в публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов, обращение гражданина в государственный орган прежде всего связаны с юридическими целями. При этом не только сама цель, но и процедура ее реализации имеет жесткую формализацию.

Мотив «потому что» в случаях гетерономности правового сознания направлен на рефлексию по поводу произошедшего. Однако мысленное возвращение к совершенному инициирует или обеспечивает контрагент в правоотношении и (или) субъект правотворчества или правоприменения (представитель инстанции).

Правовое сознание обладает динамичными параметрами и из автономного может трансформироваться в гетерономное и наоборот, обуславливая определенную нестабильность внутри структуры юридической действительности.

Отмечая достаточно высокий эвристический потенциал и практическую ценность исторически сложившейся частноправовой и публично-правовой типологии компонентов системы права по разным критериям, связанным с категорией интереса, необходимо признать, что они требуют серьезного пересмотра и дополнения.

Выделение автономного и гетерономного видов правового сознания имеет достаточно существенное методологическое значение для определения структурных единиц юридической действительности.

3.3. Цифровая реальность и юридическая действительность: вопросы соотношения

При характеристике параметров динамики юридической действительности следует учитывать особый онтологический статус цифровой реальности, обладающей сложными социальными связями и отношениями, а также спецификой пространственно-временных проявлений.

В настоящее время происходит массовая и стихийная трансформация правовой реальности и юридической действительности, наблюдающаяся в цифровом пространстве. В Республике Беларусь

под цифровым понимается пространство, интегрирующее цифровые процессы, средства цифрового взаимодействия, информационные ресурсы, а также совокупность цифровых инфраструктур на основе норм регулирования, механизмов организации, управления и использования [287]; веб-пространство или всемирная паутина, при помощи технического обеспечения дающая возможность коммуникации посредством любого устройства, подключенного к сети Интернет.

По мере усложнения форм, способов и средств обмена информацией, обособления цифрового пространства возникают новые виды и формы социального взаимодействия, стандарты поведения (нормативность) в цифровой реальности. Однако чаще всего отдельные аспекты влияния на правовую систему так называемой «цифровой прививки» [278, с. 12] рассматриваются узкоспециально, в технико-юридическом или отраслевом контексте. Остаются в стороне глобальные процессы замещения цифровой реальностью целых областей прежней жизни человека офлайн и связанные с этим не только морально-этические, но и социально-психологические проблемы, а также юридические коллизии.

Тенденция узкоспециального пути решения проблем цифровой реальности отражает утилитарный подход, который ориентирован на выполнение строго определенных узкофункциональных задач [315, с. 24–38]. В настоящем разделе предлагается решение правовых проблем цифровой реальности на концептуально ином уровне, признавая, что данная реальность обладает спецификой нормативности, обусловленной особенностями социальных связей, когнитивной деятельности субъектов и развитием технологий.

Как новые социальные роли порождаются изменениями социальной реальности, так и изменение социально-ролевых отношений может служить индикатором преобладающих тенденций изменения системы производства и распределения [169, с. 10]. Например, практика ведения электронного дневника в школе обусловила появление новых социальных ролей родителей, которые, кроме права (для некоторых – обязанности) общения с ребенком, проверки у него домашнего задания, посещения родительских собраний, обременяются дополнительными обязательствами по посещению соответствующей цифровой платформы как минимум один раз в неделю и контролю за успеваемостью школьника. В свою очередь, показатели выполнения родителем новой функции подтверждаются его еженедельной электронной подписью в электронном дневнике, при этом ведет-

ся контроль администратором сайта за выполнением обязанностей на данной цифровой платформе.

Развитие новых технологий «выдавливает» [235, с. 10] традиционное правовое регулирование, которое все еще направлено на материальные объекты или процессы, вписывающиеся в физическую матрицу пространства и времени реального мира. Виртуальная реальность с ее различными проявлениями и дополненной реальностью стремительно замещает природные параметры естественных границ пространства и времени, делая все более затруднительным эффективное и предсказуемое юридическое вмешательство государства в общественные отношения в целях их упорядочения.

По мнению В. Н. Синюкова, особенность цифровой реальности состоит в том, что она характеризуется качественно новыми формами социального регулирования, переходом к новой модели социально-правового порядка, что меняет постановку исследовательской проблемы: от поиска средств адаптации к созданию новой сферы цифрового права [235, с. 16].

Возникает проблема возможности и необходимости вмешательства государства в реальную сферу цифрового взаимодействия. Соблюдение пределов правового регулирования даст возможность упорядочения общественных отношений в среде интернет-пространства, а вот их нарушение повлечет как минимум издание неэффективных, неработающих правовых норм. Более глобальные последствия будут связаны с замедлением технического развития в экономике, образовании, науке, здравоохранении, а также с технологическим отставанием государства на мировом уровне.

Ключевой отличительной чертой динамики цифровой реальности является трансформация границ пространства и времени в ней. Цифровая реальность оснащена техническими средствами и программами, все более расширяющими возможности человека по восприятию, отражению, осмыслению и интерпретации информации. На этом фоне в каждом интернет-сообществе спонтанно формируются своя лексика, этикет и правила поведения, за несоблюдение которых может последовать прекращение соответствующих отношений (пользователя могут забанить, заблокировать его канал, лишить доступа, т. е. воздействовать техническими приемами). Кроме этого, нельзя не учитывать и иную, ненормативную, регуляцию таких общественных отношений, например нежелание человека посещать цифровую реальность, отсутствие у него компетентности, физических или технических возможностей для коммуникации. Указанные нормативные и ненормативные регуляторы многочисленны и все реже выполняют функцию

упорядочения общественных отношений, причем «для регулирования этих отношений роль закона становится еще меньшей» [189, с. 104].

В итоге идет поиск оптимальной модели нормативного правового регулирования общественных отношений, возникших в связи с цифровизацией, которая оказывает заметное воздействие на право не только как на систему общеобязательных правил поведения, установленных государством, но и как на процесс и результат такой деятельности [278, с. 10]. В связи с этим важнейшей проблемой фундаментального статуса является определение границ необходимого и возможного юридического вмешательства в цифровую реальность. Ее решение сводится к четкой доктринальной проработке следующих вопросов: 1) определение предмета правового регулирования в цифровой сфере; 2) обоснование нового метода правового регулирования в области цифрового взаимодействия; 3) формирование специальных критериев правовой субъектности в цифровом пространстве.

В первом случае вместо традиционного выявления предмета правового регулирования в виде общественных отношений цифровое право должно быть направлено на интерессубъективную коммуникацию как взаимодействие между людьми, не ограниченное единым пространством и временем физического мира. В результате в предмет правового регулирования будет входить взаимодействие пользователя с техникой (компьютерным устройством, ранее созданным другими людьми с заранее заданными функциями), реализация им определенной технологии (заранее разработанной и апробированной другими субъектами в четко определенных целях и с конкретным распределением ролей и статусов) и ряд других взаимодействий, не совпадающих в единой точке физического пространства и (или) времени.

При этом необходим учет быстрой и часто непредсказуемой изменчивости границ правового регулирования. Государство может обеспечивать лишь временную стабильность внутри них [157, с. 26], и вместо правового регулирования на первый план выходят принуждающие или стимулирующие технологии, обусловленные нормативностью фактических (технологических) процессов [235, с. 12]. Более подробно о них пойдет речь в главе 4.

Развитие техники и технологий происходит быстро и стихийно, постоянно сужая пределы неопределенности в социальном взаимодействии, делая жизнь человека в цифровом пространстве все более четкой и размеренной (по алгоритму, программе, протоколу). Однако по закону диалектики о единстве и борьбе противоположностей правовое регулирование в данной сфере как целенаправленное вмешательство государства, наоборот, приобретает размытые границы,

все более инертно и неопределенно, когда совершенно неясны дальнейшие перспективы технического прогресса и соответствующей сферы правового регулирования.

Во втором случае в литературе в качестве специфического метода правового регулирования в цифровой реальности рассматривается сорегулирование – сочетание законодательного регулирования с саморегулированием, которое осуществляется пользователями и провайдерами [132, с. 39–44]. Указывается, что преобладающую роль в регулировании общественных отношений будет играть наглядность цифровой реальности и соответствующее познание путем наблюдения, но с учетом имеющихся ограничений [218, с. 65].

Учитывая специфику цифровой реальности и развития технических средств по ее упорядочению, полагаем, что правовое регулирование в данной сфере должно быть субсидиарным средством реагирования на нарушение правовых принципов и этических норм в интересующей коммуникации, инструментом разрешения юридических конфликтов в цифровом пространстве. Юридическая нормативность в цифровой среде должна иметь компенсирующий характер в отношении обнаруживаемых на практике нарушений этических или правовых принципов (сбоев), происходящих в цифровой реальности.

В настоящее время наблюдается новая тенденция: возникновению правовых отношений в цифровой реальности имманентно предшествует не юридическая норма, а формирование новых связей и общественных отношений, которые могут быть в дальнейшем подвергнуты правовому регулированию, а могут специально оставаться законодателем в сфере правовой неопределенности. В таком случае вместо того чтобы «действующее право составляло определенную систему, в соответствии с которой строится и система правоотношений» [279, с. 283], цифровые правоотношения, наоборот, произвольно трансформируются из общественных взаимосвязей, ролей, которые в дальнейшем могут детерминировать изменения структуры юридической действительности. Это происходит в случае притязания отдельных субъектов цифровой реальности на реализацию собственного права, появления коррелирующей юридической обязанности.

В третьем случае в связи с указанными изменениями существенную трансформацию претерпевает также субъектность участника социального взаимодействия в цифровом пространстве: субъектом цифровых отношений является не целеполагающий автономный деятель, а «системный механизм информационного обмена, допускающий свободу воли лишь в качестве свободы выбора процедур коммуникации» [300, с. 200].

Появляются специфические признаки цифровой правосубъектности участника. Во-первых, такая субъектность зависит от технических возможностей (доступа к сети Интернет, достаточной скорости трафика и т. д.), а также наличия воли субъекта перейти в реальность онлайн и соответствующих компетенций для этого (совпадение правоспособности и волеспособности или интереса [267, с. 419–420]).

Во-вторых, включение данного субъекта в интересующее его интернет-сообщество (регистрация, подписка на канал и т. д.), а также признание этим субъектом нормативности данной сферы цифровой реальности (правил коммуникации в конкретной соцсети, мессенджере, сайте), т. е., кроме признания того, что правовая реальность с ее участниками валидна, необходимо добровольное принятие существующих в ней правил и условий коммуникации.

Если классическое определение субъекта права связывается с его возможностью участвовать в различных правоотношениях [279, с. 114], обладанием правосубъектностью, то для современной теории права возникает актуальная проблема интерпретации природы и уровней такой возможности. Правосубъектность начинает расслаиваться на различные уровни – не только юридическую или психическую способность быть субъектом права, но и технические его возможности, а также умение и желание вести коммуникацию онлайн, ставя ее в приоритет по сравнению со связями мира офлайн. В этом случае актуальна проблема трансформации особого вида правового сознания цифровой реальности, рассмотренного в предыдущей главе. Цифровизация представляет собой настолько мощный по степени воздействия на человека фактор, что последний меняет саму модель человеческого мышления, влияет на некоторые ее ключевые параметры [189, с. 103].

Субъектность цифровой реальности заключается в особом протекании правового сознания ее участников, способных адекватно оценивать свое существование в данной реальности, адаптироваться к ней и свободно ориентироваться с учетом архитектуры веб-сайта, социальной сети, мессенджера, форума. Такая субъектность предполагает возможность самостоятельного и ответственного выбора предмета, способа и платформы коммуникации.

Воздействие информационно-коммуникационных технологий на сознание человека связано с «новым типом нейронной коммуникации в центральной нервной системе, “окультуренного” мозга человека, порождающего символическое представление внешнего мира и многоуровневое пространство-время деятельности мозга человека» [201, с. 256].

В связи с тем что общественные отношения в цифровой сфере преимущественно возникают на основании не правовых норм, а социальных связей и отношений при реализации цифровой правосубъектности, происходит закономерное снижение роли государства и права в их упорядочении. Ведущая роль вертикальных связей по правовому регулированию переходит к горизонтальным связям по налаживанию коммуникации и соответствующим ей социально-психологическим механизмам, в связи с чем перед нормотворческими органами встает актуальный вопрос о пересмотре методов и пределов правового регулирования в сфере цифрового пространства.

Основанием для пересмотра потенциала методов императивно-го или диспозитивного правового регулирования в сфере цифрового пространства является то, что, как обоснованно отметил Н. В. Снюков, позитивное право уже не всегда есть только сфера чистого должностования; классическое право уже не может навязать свои методы регулирования. На позитивном уровне современного правового регулирования происходит выход за пределы нормы-должностования в область нормативности фактических (технологических) процессов. Переход от нормы-должностования к принуждающей или стимулирующей технологии интегрирует право в сферу материального технологизма, который все более проникает в систему права [235, с. 12–13].

По сути, цифровое право формируется цифровыми транзакциями и выступает в этом смысле как социологическая реальность, чистое живое право. Система цифрового права определяется не предметом, не методом и даже не типом правового регулирования. Субъекты цифрового пространства находятся в автономном режиме от формальных регуляторов и не стремятся видеть в формальном праве часть своей повседневности. Индивидуализм цифровых транзакций выступает закономерным элементом коллективистского технологического и социального устройства общества [235, с. 15]. Таким образом, цифровое право стремится находиться вне юридической действительности, оно охватывает правовую реальность, где субъекты автономно определяют этику и правила взаимодействия.

Для правоотношения офлайн пространственно-временные параметры существенно проявляются в основаниях его возникновения, изменения и прекращения. В классической интерпретации стадийности механизма правового регулирования стадия возникновения прав и обязанностей (правоотношений) характеризуется тем, что «на основе юридических норм при наличии предусмотренных

обстоятельств (юридических фактов) у конкретных субъектов возникают права и обязанности» [8, с. 26]. Иными словами, имеет место первичность правовой нормы, которая реализуется в случае наступления предусмотренных в ее гипотезе юридических фактов. Качество правового регулирования при этом зависит от глубины познания нормативности правовой реальности через логику развития общественных отношений: «Нормативный характер наших образов вытекает не из созерцания, а из логики» [218, с. 66].

Реальность юридического факта как условия начала правоотношения классически признавалась двойственной: она выражалась в реальной действительности, обусловленной пространственно-временными физическими параметрами (физическое измерение) и одновременно объективировалась в норме права (юридическое измерение, обусловленное признаками действительности нормативного правового акта). Иными словами, формально-юридическое закрепление юридического факта в гипотезе нормы права признавалось основным условием возникновения правоотношения и дополнялось критерием правосубъектности потенциального участника правоотношения. Примечательно, что уже Р. О. Халфина, признавая недостаточность такого закрепления, справедливо дифференцировала нормы, создающие предпосылки, и нормы, непосредственно регулирующие общественные отношения [279, с. 57].

Правовые взаимодействия в цифровой реальности, реализуемые между субъектами – носителями правового сознания, часто предшествуют правовой норме. Стремительно растущая доступность, трансграничность и специфическая динамика цифровой реальности затрудняют, а иногда делают невозможным формирование нового правоотношения по усмотрению законодателя, вынужденно уступающего эту роль самим его участникам. Усложнение социальных связей снижает возможности государства по их всестороннему упорядочению, нивелируя такой классический признак правоотношения, как его поддержка принудительной силой государства [8, с. 83].

Отсутствие правовых норм, опосредующих интересосубъективное взаимодействие в цифровой реальности, компенсируется впоследствии стихийно формирующимися нормативными и ненормативными регуляторами, в том числе и техническими средствами нормирования. Если в реальной жизни существует обширный набор мер нравственного воздействия на нарушителя норм, то в е-обществе фактически нет альтернатив запрету контактов и е-смерти персонажа. Фундаментальная ценность доверия, на котором строится

большинство сетей, делает их уязвимыми перед злоумышленниками и ставит вопрос об адекватном правовом контроле [300, с. 200].

Для цифровой реальности основанием возникновения правового отношения следует признать не юридический факт и правовую норму (их совпадение), а появление устойчивого intersубъективного взаимодействия между субъектами цифровой правовой реальности, обусловленного их социальными, техническими, волевыми и психическими возможностями (социальный факт). В связи с этим при регулировании цифровых правоотношений для инстанции самым важным вопросом является не определение границ возможного и необходимого вмешательства и не метод правового регулирования, а определение условий правосубъектности в цифровой реальности с соответствующими параметрами правового сознания в цифровой сфере.

Стремительное распространение, растущие транстерриториальность и специфическая динамика цифровой реальности затрудняют, а иногда делают невозможным правовое регулирование общественных отношений в цифровой реальности по инициативе и усмотрению законодателя. Основополагающая роль в формировании цифровых правоотношений и соответствующих им правовых норм отводится самим участникам intersубъективного взаимодействия.

Важнейшей проблемой фундаментального статуса является определение границ необходимого и возможного вмешательства законодателя в цифровую реальность. Ее решение сводится к четкой доктринальной проработке следующих вопросов: определение предмета правового регулирования в цифровой сфере; обоснование метода правового регулирования в области цифрового взаимодействия; формирование специальных критериев правовой субъектности в цифровом пространстве.

Учитывая специфику цифровой реальности, правовое регулирование в данной сфере должно выступать в качестве средства реагирования на нарушение правовых принципов и этических норм в intersубъективной коммуникации, инструмента разрешения юридических конфликтов в цифровом пространстве. Юридическая нормативность в цифровой среде должна иметь компенсирующий характер в отношении обнаруживаемых на практике несовершенств (сбоев), происходящих в цифровой реальности.

Проблемы динамики правового сознания в правовом регулировании и правовом воздействии будут рассмотрены далее.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

4.1. Социально-психологические и юридические аспекты правотворчества и правообразования

Процессы трансформации правового сознания обуславливают интенсивность образования правовых норм, их формализацию и содержание. Акты целенаправленного или опосредованного образования нормы права часто рассматриваются в контексте юридико-позитивистского или социологического подхода, нивелирующего значение ментальных процессов, складывающихся у адресатов правовых норм. Сложившаяся еще в эпоху Просвещения концепция «законодательного разума» (термин З. Баумана) [294, с. 78] до настоящего времени доминирует в доктрине правотворчества. Теория была ориентирована на критику здравого смысла и непрофессионального знания и направлена на рациональную организацию человеческого существования [294, с. 78], надолго ставшую важным принципом познания и преобразования окружающей среды.

На указанной методологической основе законодателю отводилась монополярная роль на профессиональную деятельность, предписывающую необходимое правовое поведение, тем самым подчеркивая всеобъемлющее управляющее воздействие законодателя на среду, представленную традициями, здравым смыслом и т. п.

Утверждалась неразрывная связь возникновения права с властной деятельностью государства. Теоретические установки юридического позитивизма приводили к доктринальному логическому отождествлению правотворчества с процедурой государственного регулирования общественных отношений. Причем в данных отношениях учи-

тывается не фактическая, а лишь правовая субъектность человека, обусловленная наличием у него типичных признаков, закрепленных юридически. Субъекты права априори наделяются идентичным «набором» нормативно закрепленных усредненных параметров, по мнению законодателя, обуславливающих одинаковые физиологические, эмоциональные и когнитивные возможности человека понимать требования правовых норм и осознавать последствия своих действий.

Соответственно, предполагалось наличие постоянной и примерно одинаковой способности у всех субъектов права понимать цель, содержание и результаты правового регулирования. У каждого, кто на юридической основе отнесен к субъектам права, априори подразумевался одинаковый потенциал единообразного точного отражения правовых норм в правовом сознании, что впоследствии должно обуславливать схожесть реализации норм права в правовом поведении.

У авторов, «использующих модель рационального актора, концепция мотивации человека слишком стерильна и асоциальна» [304, с. 432]. На самом деле мир в наших головах не представляет собой точное механическое отражение действительности.

По указанным и иным причинам некоторые исследователи начали пересмотр идей классической формальной рациональности в контексте антропологического, коммуникативного и иных подходов, используемых при изучении процессов, связанных с формированием и образованием правовых норм. Постпозитивистский этап научного знания характеризовался рассмотрением вопросов формирования права с точки зрения различной его интерпретативности и культурного релятивизма права, что отразилось на динамике доктрины правотворчества. Например, антрополого-правовая программа в юриспруденции способствовала изучению процессов образования права (правообразования) и предполагала сопоставление значений права, бытующих в обыденном правосознании, с профессиональным и теоретическим, т. е. сопоставление социальных представлений о праве с доктринально-теоретическим их прочтением, а также с юридически значимыми действиями как обывателей, так и правоприменителей, образующих правопорядок [290, с. 98–99].

Характерно, что правотворчество в юриспруденции традиционно определялось в качестве требующей особых знаний и умений интеллектуально-волевой, процедурной деятельности государственных органов и должностных лиц или процесса познания и оценки правовых потребностей общества и государства с целью создания или изменения существующих в государстве правовых норм.

Использование слова «творчество» в образовании сложного юридического термина «правотворчество» подчеркивает целенаправленность при формировании правовых норм, выражающихся в форме государственно-властного нормативного установления. В общем значении термин «творчество» представляет собой процесс, направленный на создание качественно новых материальных и духовных ценностей, или итог создания объективно нового. Основным критерий, отличающий творчество от изготовления (производства), заключается в уникальности результата творческой деятельности, который невозможно вывести заново из начальных условий.

Концепция взаимодействия Творца и творения заключена в сюжетах Священного Писания, в Ветхом и Новом Заветах. Создание мира (Сотворение) произошло силой Божией, и на основе откровения Святого Духа было передано Моисею по благодати пророчества: «в начале сотворил Бог небо и землю» [26, с. 5]. Об этом факте говорит евангелист Иоанн, указывая, что Христос есть Творец и Создатель: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» [26, с. 1127].

В этом вопросе «Иоанн и Моисей имеют одинаковое начало. В самом деле, и Моисей говорит: “в начале сотворил”, и Иоанн говорит: “в начале было”. Однако и тот говорит справедливо, и этот законно. Где речь о творении, Моисей поставил: “сотворил”. Где речь о Творце, евангелист сказал: “было”. Между “сотворил” и “было” различие большое. Творение произошло, поскольку раньше не существовало; Творец же всегда был. “В начале сотворил” и “в начале было”. Богу свойственно быть, творению – происходить. Бог сотворил все в шесть дней. Но первый день отличается от других следующих за ним. В первый день Бог сотворил из несущего; начиная же со второго дня Бог ничего уже не творил из несущего, а изменял только, как хотел, то, что сотворил в первый день» [228].

Указанный религиозный постулат указывает на существенное отличие всех процессов, в дальнейшем осуществляемых человеком, который создает нечто новое, и этимологически определяемых в качестве творческих. Ему, созданному по Образу и Подобию Божию [26, с. 6], также дано творить, создавая новый результат, образуя нечто из ничего (*ex nihilo*). Перенеся данную информацию в контекст юридических проблем так называемого творчества права, подчеркнем следующие свойства правотворчества: 1) в его процессе субъектность признается за тем, кто создает новую норму права; 2) прерогатива творить норму права предполагает особый иерархический

статус и ответственность за качество результата; 3) создаваемая норма формируется из ничего, не базируясь на иных, более ранних правилах социальной регуляции в этой же сфере; 4) цель правотворчества определяется творцом правовой нормы самостоятельно и произвольно; 5) результат правотворчества временный, он дискретен по сравнению с участником правотворчества (речь идет не о человеке, а о функции, роли) как абстрактного субъекта, управомоченного изменять, дополнять и прекращать действие правовой нормы на протяжении всего процесса правотворчества; 6) процедура правотворчества должна полностью исключать механический перенос, полное заимствование правовой нормы из одной правовой системы в другую.

Никто кроме автора (инстанции в лице уполномоченных органов и должностных лиц как субъектов и (или) участников правотворчества) не может получить в точности такой же результат, если даже условно попытаться создать для него ту же исходную ситуацию. Причем автор (субъект правотворчества) самостоятельно задает цели правового регулирования, его деятельность оторвана от действий субъектов права: «законодатель одинок и действительно подобен творцу в качестве высшей инстанции» [191, с. 101, 195].

С одной стороны, в процессе правотворчества создание максимально эффективной правовой нормы обусловлено одинаковой интенциональной направленностью правового сознания субъектов правотворческого процесса с правовым сознанием субъектов, непосредственно реализующих данные правовые нормы. Это реально в случаях высокой степени консолидации общества и эффективной защиты, на которую способна легитимная власть [192, с. 101].

Такое интенционально однонаправленное выражение правового сознания обычного, государственного и профессионального типов в абсолютном проявлении практически не встречается. Его теоретическое обоснование обнаруживается в ряде идеалистических философских концепций, например в контексте идеи солидарности интересов государства и гражданина как фундаментальной духовной основы существования государства в философии И. А. Ильина [99, с. 40–42].

При кардинальном расхождении в векторах интенциональности правового сознания субъектов правотворчества с правовым сознанием субъектов права, которым адресованы правовые нормы, правотворчество вынужденно становится внешне обязательным, направленным на формирование императива как гетерономного правила поведения, действующего на основе внешних авторитетов [193, с. 56]. В. А. Поляков и Е. В. Тимошина также рассматривают признак гетерономности правовых норм при классификации правовых актов на гетерономные

и автономные. Под гетерономными предполагается правовой акт помимо воли субъектов, которым они адресуются [203, с. 301].

Необходимо учитывать, что официальное «творчество права» оправдано, если оно осуществляется при необходимости оперативного правового регулирования для преодоления сложных проблем, требующих срочных нетрадиционных управленческих решений, с доминированием императивного воздействия на субъектов права, их реализующих. Однако такой подход к формированию правовых норм, констатирующий особую роль «законодательного разума», затрудняет определение и отражение в норме права важнейших законов развития правовых институтов и естественную логику строения правовых норм. В связи с этим требуется особая процедура нормотворчества, применяемая к формированию так называемых гетерономных правовых норм, предполагающая разноуровневую верификацию их обоснованности, практической необходимости и соответствия принципам права субъектов – носителей практико-научного и научно-практического профессионального правового сознания.

Таким образом, правотворчество представляет собой процесс целенаправленного формирования новых моделей правового поведения, осуществляемых на уровне юридической действительности с присущими ей признаками. Подготовка и принятие правовых норм является юридической обязанностью субъекта правотворчества в лице государственного органа (должностного лица), задействованного в принятии (издании) нормативного правового акта (представителя учреждающей право инстанции). Нормативность сформированных в правотворчестве правил гетерономна. Функция правотворчества выполняется на профессиональной основе. Ответственность за качество правотворческой деятельности возлагается на представителя учреждающей инстанции.

В юридической литературе широко используется еще один термин, характеризующий формирование права: это нормотворчество, определяемое в качестве издания соответствующими государственными органами нормативных правовых актов [168, с. 416]. Признается, что как вид государственной деятельности нормотворчество организующе-регулирующе воздействует на общественные отношения, тем самым осуществляется отождествление право- и нормотворчества. У нормотворчества, рассматриваемого в качестве разновидности государственной деятельности, выделяют так называемые теоретический и практический элементы: идеальная модель (модель нормы – мысли – результат восприятия, отражения, осмысления

информации в процессе правового сознания субъекта нормотворчества и ее интерпретация – *Авт.*); материальная модель [165, с. 52] заключается в оформлении текста нормативного правового акта – выражение идеи в процессе правового сознания, объективируемой в конкретной форме права).

Необходимо подчеркнуть, что признание нормотворчества в качестве специфической разновидности управленческой деятельности дает основания выдвигать особые требования к процессу подготовки и принятия его нормативного правового акта: обеспечение полноты и достоверности информации при принятии управленческого решения, его своевременность, индивидуализация ответственности за данное решение.

Далее при характеристике цели нормотворчества происходит дифференциация на цель-минимум и цель-максимум: минимум – создание правового акта, в котором содержится правовая норма; максимум – упорядочение, организация соответствующей сферы общественных отношений [165, с. 53]. Данная доктринальная установка вызывает некоторые сомнения. Полагаем, что цель как предмет стремления субъекта, конечный результат, на который направлен процесс, не должна подвергаться дроблению, так как наличие нескольких целей не обеспечивает структурную целостность, системное единство любого социального процесса, особенно нормотворчества. Достижение так называемой цели-минимум не дает возможности оценивать эффективность нормотворчества, а субъектов – как выполнивших свои задачи. Создание правового акта в качестве цели нормотворчества (даже минимальной) без учета социальных потребностей в правовой регламентации общественных отношений может привести к произвольному выбору предмета правового регулирования и, соответственно, необоснованному расширению границ такого регулирования. В результате возможен рост количества «мертвых» норм или «заурегулированность» общественных отношений, влекущая неоправданное снижение социальной ответственности и личной инициативы у адресатов правовых норм.

В свою очередь, не соответствующее социальным ожиданиям и общественным потребностям сужение границ правового регулирования может вызывать непростительную правовую неопределенность в отношении важнейших общественных отношений. Таким образом, признание нормотворчества в качестве государственной деятельности, направленной лишь на создание нового нормативного правового акта, считаем несколько необоснованным и занижа-

ющим действительную роль и значение субъекта нормотворчества в принятии правовых решений.

Что касается задач нормотворчества, к ним справедливо относят восполнение правовых пробелов, обновление действующего нормативного материала, приведение его в соответствие с реальными общественными потребностями, формирование новых целей общественно-полезной деятельности и определение средств их достижения, устранение коллизий, противоречий и конкуренции правовых норм, имеющих в правовом регулировании [165, с. 53]. Таким образом констатируется не только юридическое, но и социально-правовое предназначение нормотворчества.

Необходимо отметить, что приведенная характеристика целей и задач нормотворчества в значительной степени обрисовывает лишь государственно-властную деятельность, несмотря на то что семантическое значение данного термина предполагает больше социетальное содержание. В нем не уточняется, на творчество каких именно норм направлена деятельность субъекта – юридических, моральных, религиозных, корпоративных, обычая или других. Однако факт легального закрепления в Республике Беларусь именно дефиниций, образуемых от слова «нормотворчество», дает возможность и юридические основания интерпретировать нормотворческую деятельность как в широком – социально-правовом, так и в узкоюридическом значении.

Легально закрепленными в Республике Беларусь являются понятия «нормотворческая деятельность» и «нормотворческий процесс». В соответствии с законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» нормотворческая деятельность – государственно-властная деятельность по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов. В свою очередь, нормотворческий процесс в указанном законе рассматривается в качестве процедуры осуществления нормотворческой деятельности [177].

Характерно, что категории «деятельность» и «процесс» имеют различное не только семантическое, но и юридическое значение. Деятельность представляет собой «целеполагающий процесс, подчиняющийся действию объективных законов, дополняющий его человеческими целями, активностью замыслов по их реализации, предполагающий отбор средств реализации, поиск путей целево-площения, решимость действовать, волю» [212]. Процесс заключает-

ся в последовательной смене стадий в динамике, предусмотренной заранее в законодательстве. Логическая цепь, нормативно предписываемая в виде прямой последовательности определенного числа стадий, является только одной из сторон процессуальной характеристики нормотворческого процесса в качестве нормативной модели.

Нормотворческий процесс представляет собой юридически закрепленную процедуру целенаправленного формирования новых моделей поведения. Функция субъекта нормотворческого процесса (представителя учреждающей право инстанции) состоит в определенной работе на профессиональной основе по планированию, реализации нормотворческой инициативы, подготовке, проведению экспертиз, принятию (изданию), официальному опубликованию, изменению, официальному толкованию, приостановлению, возобновлению, продлению и прекращению действия нормативных правовых актов. Выполнение соответствующих обязанностей обеспечивается юридически.

Процесс нормотворчества имеет линейную временную направленность. Он дискретен, прекращается на завершающей стадии, но в дальнейшем воспроизводится заново в форме аналогичной процедуры подготовки и принятия новых нормативных правовых актов.

Содержание нормотворческого процесса состоит в юридической локализации субъекта права в определенную пространственно-временную точку юридической действительности. Наделяя адресата правовых предписаний какими-либо способностями, законодатель постулирует алгоритм его поведения в правовом пространстве [191, с. 137].

Правовое сознание необходимо признать важнейшим элементом нормотворчества как деятельности. Направление нормотворчества, его пределы и содержание определены целеполаганием, интенциональностью правового сознания. Нормотворческая деятельность заключается в осуществлении прямой (референдум, публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов) или опосредованной (обращения граждан) формализованной и неформализованной активности по участию в нормотворчестве. Она может осуществляться в гибридной форме: как на уровне правовой реальности, так и в юридической действительности. Участники нормотворческой деятельности реализуют свое субъективное право. Качество реализации данного права обеспечивается преимущественно неюридическими механизмами, например ответственного отношения к себе, своей семье, профессии или государству в целом. Нормативность поступающих предложений в процедуре нормотворческой деятельности строится автономно, с учетом житейской логики и понятий здравого смысла.

Рассмотренные подходы к изучению процессов формирования права являются результатом изучения права как текста, статично зафиксированного в нормативном правовом акте, когда жизненный цикл правовой нормы, закрепленной в тексте нормативного правового акта, существенно предопределен процедурой и стадиями процессов подготовки и принятия либо изменения (отмены) нормативного правового акта. При этом Ю. А. Тихомиров подчеркивает, что в результате практической реализации указанного подхода в качестве единственного и универсального происходят либо максималистские сломы прежних правовых систем, либо механическое «перетаскивание» старых норм в новую эпоху, либо копирование норм зарубежного законодательства [261, с. 16].

В противовес указанной концепции обосновывается иной принцип изучения формирования права, который позволяет отказаться, с одной стороны, от механистического отношения к нему и упрощенных оценок, с другой – от сугубо «текстового» восприятия права как набора сменяющих друг друга правовых актов. С его помощью появляется возможность вскрыть, понять и осознанно повлиять на сферы как публичного, так и частного права; видеть их связи и взаимопереходы, обнаруживать скрытые грани права [261, с. 15].

При реализации указанного принципа в юридической доктрине выкристаллизовался еще один термин – «правообразование», обозначающий в большей степени не процедуры целенаправленного формирования новых правовых норм, а описывающий процессы генезиса и трансформации права как социального института. Процессы правообразования выходят далеко за границы юридического и предполагают учет антропологических, психологических, социальных и иных детерминант права, а также отражают динамику и логику правовой нормы в складывающейся социальной практике. Причем в образовании права государству по-прежнему отводится важная роль, но выполняется она по причине или при условии динамики «живого социального общения – как диалог власти с теми, кто добивается официального признания своих притязаний» [191, с. 195]. Формализующая деятельность государственных органов и должностных лиц в сфере правотворческой компетенции не исключает существенную роль государства и на иных этапах правообразовательного процесса [266, с. 52].

Обратим внимание, что доктринальное обоснование правообразования основывается на методологических позициях не только социологической школы права, но и антропологического подхода в юриспруденции. В частности, теория правообразования созвучна ряду идей О. Эрлиха о живом праве общественных союзов; экономи-

ческой теории порядка без права Р. Ч. Элликсона: порядок часто возникает спонтанно, из повседневности, и обуславливается утилитарно [304, с. 24], а также иными непозитивистскими подходами. В свою очередь, Л. И. Петражицкий отмечал, что право представляет собой продукт не сознательного расчета и индивидуального придумывания для каких-либо целей и интересов, а бессознательное удачное массовое психическое приспособление [193, с. 543].

Социальность правообразования интерпретативна, обусловлена интерсубъективностью процесса правового сознания его участников [48, с. 8]. Ее можно представить как смысловое пространство, как поле смыслов, ценностей, норм, поведенческих образцов, существующее потому, что активно разделяется или пассивно признается людьми.

Некоторые ученые придерживаются точки зрения, что правообразование состоит из двух этапов: 1) предшествует внесению субъектом правотворческой инициативы предложения в соответствующий государственный орган о принятии нормотворческого акта; 2) предусматривает работу над проектом в самом государственном органе [200, с. 4–11]. По мнению других, правообразование лишь предшествует законотворчеству.

Названные подходы к структуре правообразования не учитывают последующую «судьбу» правовой новации, реализация которой в дальнейшем может быть связана с проблемами различной природы и интенсивности, порождая коллизии, отсутствие легитимности, действенности (эффективности) или действительности (юридической силы) правовых норм. В связи с этим А. А. Соколова справедливо отмечала, что понятие «правообразование» охватывает не только сложные процессы определения объективных потребностей в правовой регламентации общественных отношений и установления правовых предписаний нормотворческими органами, но также и их последующую социализацию [244, с. 6].

В целом, соглашаясь с предложенной схемой, необходимо отметить, что характеристика третьей стадии правообразования как социализации правовых предписаний обоснована, но неточно отражает реальные процессы жизненного цикла правовой нормы после завершения проектного этапа. Дело в том, что термин «социализация» обозначает интеграцию в социальную систему именно носителя правового сознания, а не правовой нормы. Правовая норма, выраженная в тексте как таковая, не может сама по себе действовать, тем более – социализироваться. Взамен определенного А. А. Соколовой третьего этапа правообразования предлагаем иную его характеристику: осуществление (воспроизводство) нормы права в практике

интерсубъективного взаимодействия. Учитывая, что правообразование – конструктивный интерсубъективный процесс, его этапы воспроизводятся непрерывно и в спонтанной последовательности. Такая процессуальность существует в рамках и по логике постоянного осуществления практик сообщества, в том числе как практика самовоспроизводства [107, с. 13].

По мнению А. А. Соколовой и В. В. Трофимова, правообразование начинается с этапа, когда складываются объективные предпосылки становления правового содержания, стадии их перехода в область сознания (общественного, субъектов правотворческой государственной деятельности), где в результате «проработки» юридически значимых социальных интересов формулируются синтезированные правовые идеи и моделируются параметры правовой регламентации тех или иных общественных отношений, происходит фиксация (формализация) установленного правового содержания, т. е. осуществляется превращение правовой возможности в реальные правовые нормы посредством их позитивации государственными структурами (собственно правотворчество (установление правовых норм)), вплоть до этапа внедрения формальных правовых предписаний в реальную жизненную стихию [243, с. 27–38].

Развивая указанную концепцию, необходимо уточнить функции правового сознания на каждом из этапов правообразования: допроектного (типизация правового поведения субъектов в соответствующих паттернах), проектного (санкционирующая деятельность субъекта учреждающей право инстанции) и постпроектного (воспроизводство или осуществление правовых норм). На допроектном этапе правовое сознание выступает в качестве источника правового отношения, на проектном оно является источником вербального выражения правовой нормы и ее текстуального оформления, а на постпроектном этапе правовое сознание – это источник интерпретации текста правовой нормы.

Допроектный этап правообразования представляет собой область адаптационной деятельности людей, автономно выбирающих свою пространственно-временную локализацию и социальную роль в соответствующем правоотношении или ином интерсубъективном взаимодействии. Напряженность, интенциональность и когерентность их обычного правового сознания обусловлены первичной нормативностью и естественными внутренними и внешними параметрами (состоянием субъектов и окружающей их среды). Типизация в процессе правового сознания приводит к воспроизводству ситуации как обычной на основе прошлого опыта правового поведения. Типизация

способствует превращению незнакомого в знакомое, обуславливает схематизацию изменчивой социальности внутри правовой реальности. На основе типизированных схем у субъектов права возникает идеализация – ожидание от контрагента(ов) поведения в соотношении с собственными действиями.

Проектный этап состоит в санкционирующей деятельности субъекта правотворчества (представителя санкционирующей инстанции), заключающейся не в простом механическом перенесении в юридическую действительность сложившихся в практике социального общения правовых норм, а в выборе, творческой обработке и оформлении ранее образовавшихся в правовой реальности паттернов поведения.

Закономерно возникает вопрос: какие конкретно из сложившихся на предпроектном этапе правообразования паттернов поведения объективно должны подвергаться санкционированию субъектами инстанции? Ведь начало проектного этапа в правообразовании предполагает серьезный «когнитивный скачок» из правовой реальности, где субъекты взаимодействуют в сферах своих правовых притязаний, в юридическую действительность, где представители инстанции в соответствии со своими полномочиями берут на себя юридическую организацию и (или) обеспечение трансформации правового взаимодействия в формализованные юридические отношения.

Юридическая формализация ранее сложившегося паттерна поведения состоит в четком определении субъектного состава и юридического содержания правового отношения, а также юридических гарантий реализации правового статуса субъектов. Полагаем, что объективная необходимость в санкционирующей деятельности появляется в становящихся типичными случаях отсутствия когерентности правового сознания субъектов социального взаимодействия в правоотношении на допроектном этапе, влекущего конфликтность между субъектами права, каждый из которых реализует свою «стратегию выживания» [192, с. 237]. Юридическая формализация паттерна необходима в случаях разбалансировки, нарушения равновесия внутри правовой реальности, возникновения нормативных коллизий, когда происходит сбой в самостоятельной реализации правовых притязаний и нарушение выполнения соответствующих обязанностей.

Постпроектный этап правообразования детерминирован процессом правового сознания, направленного на восприятие текста правовой нормы и практику его интерпретации всеми: как субъектами реализации права, так и представителями инстанции (правоучреждающей и (или) правоприменяющей). Предмет интерпретации –

не только сам текст правовой нормы, но и область ее применения. Происходит проверка правовой нормы на предмет валидности, наличия у нее обязывающей силы. Практика интерпретации существенно отличается гетерономностью или автономностью правового сознания, обуславливающей частноправовой или публично-правовой тип юридической действительности.

Таким образом, правообразование охватывает как объективное (спонтанное, «жизненное») начало, так и начало рациональное (связанное с деятельностью субъекта правотворчества) [266, с. 52].

Предложенная схема процесса правообразования отражает его континуальность и нелинейность. Правообразование не является целенаправленно сформированным человеческим сознанием строго структурированным процессом, его этапы могут хаотично изменяться во времени и пространстве. Правообразование непрерывно настолько, насколько долго существует человеческая популяция, его стадии и этапы невозможно (и не нужно) воспроизвести заново с абсолютной точностью.

Правовая норма, сформированная в процессе правообразования, имеет «обычное», живое содержание, которое изменяется: наполняется или восполняется ценностным содержанием и нормативностью в соответствии с динамикой социальных потребностей и складывающейся общественной практикой. Правообразование изменяется с разной интенсивностью и содержанием на фоне трансформации социальных потребностей и ожиданий. Рациональность поведения в нем обусловлена жизненным опытом, житейской логикой. При этом правообразование казуально, протекает в контексте правовой реальности.

На основании изложенного проведем сравнительный анализ процессов правового сознания, типичных для субъекта правотворчества (представителя учреждающей или санкционирующей право инстанции) и участника правообразования.

В частности, для правотворчества характерны следующие особенности:

- субъектами являются те лица, которые действуют в качестве представителей учреждающей право инстанции, реализуя на профессиональной основе собственное правовое сознание в пределах установленной компетенции;

- сформированная данными субъектами норма приобретает признак гетерономности;

- интенциональность их правового сознания направлена на систематизацию законодательства, контроль за действительностью

правовых норм, наличием максимальной правовой определенности как характеристики юридической действительности;

- существование юридически обеспеченной когерентности правового сознания тех субъектов, которые задействованы на определенной стадии нормотворческого процесса;

- перцептивная деятельность субъектов направлена на систему права и систему законодательства (как объект восприятия), а также на социальные потребности (фон восприятия);

- выявление типичных признаков желаемого или допускаемого правового поведения, определение правовой субъектности и правового статуса в моделируемом правоотношении;

- выражение идеи о необходимости формирования новых правовых норм либо изменения (прекращения) старых.

Перечислим особенности процесса правового сознания в правообразовании:

- основные субъекты – акторы – носители правового притязания в интересующем взаимодействии, действующие автономно от инстанции. Факультативно субъектом правового сознания являются участники нормотворческого процесса (представители санкционирующей инстанции);

- интенциональность правового сознания акторов направлена на собственные правовые притязания и на возможности их реализации в условиях правовой реальности при отсутствии полной определенности;

- правовое сознание акторов обладает специфической когерентностью в каждом правоотношении;

- перцептивная деятельность акторов направлена на условия окружающей природной, техногенной и социальной реальности, которые способствуют или препятствуют реализации их правового притязания (как объект восприятия), и существующие в данной сфере императивы и нормы, в том числе правовые (фон восприятия);

- правовое сознание выявляет индивидуальные признаки правосубъектности контрагента и определяет его права и обязанности;

- выражение происходит в акте реализации правового притязания.

Процессы формирования и образования права протекают на различных уровнях онтологического бытия: правовой реальности и юридической действительности. Существенные отличия между этими двумя уровнями предопределяют глобальные признаки, диффе-

ренирующие правотворчество как государственно-юридический институт от правообразования как социального феномена институционализации.

Целью правотворчества является упорядочение общественных отношений и социального взаимодействия. Задачами правотворчества следует признать научно обоснованное выявление и соблюдение границ и объективный выбор методов правового регулирования. В свою очередь, правообразование является процессом институционализации правовых норм при адаптации человека к окружающей природной, техногенной и социальной среде.

Процедурность правотворчества направлена на познание и формализацию, выявление признаков сложившихся стереотипов поведения либо формирование принципиально новых моделей поведения. Одно правило поведения (либо совокупность правил, регулирующих один предмет) создается в рамках одной процедуры, в последующем идентично возобновляемой и для творчества других правовых норм. Данная процедура жестко предзадана в пространстве и времени путем юридической формализации. Полномочия и статус субъектов, занимающихся подготовкой и принятием правовых актов, заранее predeterminedены.

Процедурность правообразования заключается в повторяемости, типизации и массовизации вариантов поведения, первоначально являющегося инновационным. Одно правило поведения формируется множеством постоянно воспроизводимых практик, которые детерминированы социальными, биологическими и физическими законами. Субъекты, вовлеченные в образование правовой нормы, заранее не predeterminedены.

Результат правотворчества обеспечивается средствами внешнего нормативного воздействия, а результат правообразования поддерживается внутренними механизмами саморегуляции человека. Оба процесса интенционально направлены на различные предметы и обладают неодинаковыми методами воздействия, которые рассмотрены далее.

4.2. Границы правового регулирования и правового воздействия

Современные научные изыскания по вопросам предмета правового регулирования отличаются своей немногочисленностью, однообразием методологических подходов, контекстуально обусловленных

схожими типами правопонимания. Часто им свойственна узкая специализация, predeterminedенная изучением конкретных проблем в рамках прикладных вопросов определенной отрасли (института) права, либо отдельных аспектов общей теории или социологии права. В результате этого наличие специфического предмета правового регулирования, как и объекта правовой охраны, чаще постулируется, нежели обосновывается. По мнению Ю. Е. Пермякова, достаточно привести магическую формулу «общественные отношения в сфере...», как наука приобретает для теоретических спекуляций и законодательных инициатив предмет целой отрасли права [191, с. 22], что неприемлемо ни для правовой доктрины, ни для юридической практики. С одной стороны, право не только не предусматривает все действия и состояния людей, но и не должно стремиться к этому. Правовая матрица, как и всякая сеть, имеет пустые промежутки; она не сковывает человека по рукам и ногам [99, с. 32–33]. С другой стороны, государственная власть посредством правовой формы придает действиям людей качество юридически значимых поступков, доступных официальной оценке. Полное отсутствие правовых ограничений привело бы к децентрализации системы как целого.

Настоящий раздел посвящен определению социально-психологических и юридических детерминант пределов правового регулирования. Отметим, что классическая концепция правового регулирования и механизма его реализации сопровождается выявлением еще одного, смежного с ним, процесса, именуемого правовым воздействием. При этом отмечается, что «правового регулирования без правового воздействия нет и быть не может» [82, с. 115]. Правовое воздействие в юридической литературе рассматривается в качестве информационной, этической, психологической, социальной [174, с. 351; 183, с. 36], а также ценностно-ориентационной [7, с. 291] формы проявления.

Отметим, что в настоящее время уже встречаются идеи об ограничении правового регулирования, осуществляемого посредством «предоставления субъективных прав и юридических обязанностей», от правового воздействия «через сознание, интересы, мотивы». Однако в них исследовательский акцент делается лишь на предмет правового регулирования в целях характеристики системных параметров права и законодательства [234, с. 62].

Разграничивая феномены правового регулирования и правового воздействия, отметим, что они существенно отличаются и даже не всегда совпадают во времени и пространстве. Так, правовое воздействие может иметь место еще до начала правового регулирования,

когда, например, в публичной сфере обсуждается проект или концепция проектируемого нормативного правового акта. В свою очередь, правовое регулирование может наступить без соответствующего правового воздействия в случаях, если некоторая норма официального права так и не будет подвергнута непосредственному восприятию, отражению, осмыслению и интерпретации субъектами, которым она адресована. В связи с этим актуальна проблема юридически действительных, но вместе с тем «спящих», или «мертвых», правовых норм (формируются на уровне юридической действительности, но не реализуются в ней, либо не находят свои основания в правовой реальности). «Мертвые» нормы, по мнению специалистов отрасли уголовного права, «обеспечивая общепредупредительное воздействие», могут влиять на субъект, но при этом не регулировать общественные отношения: «Наличие нормы уголовного права с закреплением в ней модели “негативного поведения”, которое не должно совершаться, в той или иной степени принимается во внимание субъектом отношений при выборе модели его поведения» [128, с. 40]. Более того, сам факт существования правовой нормы в уголовном праве может воздействовать (но это еще не означает, что обязательно регулировать поведение) на субъект, символизируя определенную степень ценности некоторых социальных благ; легитимируя государственный упрек в отношении потенциальных правонарушителей [260, с. 34].

Правовое регулирование предполагает целенаправленную регламентацию общественных отношений для их упорядочения со стороны инстанции, в то время как правовое воздействие направлено на трансформацию правового сознания каждого человека, действующего в качестве субъекта права и одновременно реализующего себя как личность.

Выделяемые разными исследователями информационная, этическая, психологическая, социальная, а также ценностно-ориентационная формы воздействия права в реальности представляют собой информационно-коммуникационные процессы между людьми, взаимодействующими в основном на уровне правовой реальности. Правовое воздействие обладает параметрами постоянного информационного обмена в процессе интересубъективного взаимодействия. Его интенсивность обусловлена особенностями содержания, количеством и насыщенностью потока, запасом информации [198, с. 327], активностью лиц, участвующих в трансляции и усвоении данных. В результате правового воздействия информация влияет на психику и поведение человека в процессе его коммуникации и взаимо-

действия с другими. Потоки различных сигналов (информации) направлены на правовое сознание человека в условиях, в которых он живет и действует [82, с. 120].

В отношении правового воздействия методологически целесообразно определять его предмет, представляющий собой правовое сознание участников коммуникации. Учитывая изученные выше существенные признаки правового сознания, установить для всех отраслей права четкие и универсальные границы правового воздействия невозможно. Они детерминированы интенсивностью и количеством каналов коммуникации, наличием развитых социальных связей, их горизонтальной или вертикальной структурой.

Особенностью правового воздействия является то, что оно связано не только с рационализацией поведения, но и с психоэмоциональным влиянием на человека. В частности, «эмоции необходимы для того, чтобы подтолкнуть к любому решению, которое не является только лишь выводом из силлогистического или любого другого чисто формального рассуждения, с которым лучше справится компьютер, а не человек. Решение – это форма действия, а действия без эмоции не бывает» [198, с. 244–246]. Отдельный человек, «его уникальные действия, опыт и отношения с другими людьми никогда не могут быть вполне рационализированы» [198, с. 422], а «эмоции не подлежат аккуратной классификации, столь любимой наукой» [35, с. 40].

Например, Закон Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-З [170] в самой формулировке названия (слово «борьба» обозначает активное противодействие, открытое физическое противостояние) уже заранее предполагает правовое воздействие на эмоциональную составляющую правового сознания субъектов, которые могут быть еще незнакомы с содержанием данного нормативного правового акта, но его правовое воздействие на них уже осуществляется. Имеет место информационное воздействие, рассчитанное в том числе и на эмоциональную реакцию, которая связана с фактом принятия специального нормативного правового акта, направленного на предупреждение, выявление, пресечение правонарушений, устранение условий для коррупции и коррупционных правонарушений.

Такое воздействие направлено на формирование как эмоциональных оценок, так и рациональных суждений о необходимости и своевременности принятия данного нормативного правового акта, а также о его охранительном потенциале. Регулирование и воздействие правовых норм указанного закона могут различаться меха-

низмами реализации, а также не совпадать в пространственно-временном измерении.

Правовое регулирование заключается во внешне формализованном юридическом опосредовании общественных отношений на уровне юридической действительности, стимулирующем и предполагающем ответную реакцию на него. Оно дискретно, направлено на общественные отношения между субъектами права, обладает системностью [272, с. 92].

Что касается предмета правового регулирования, то доктринальное его определение в качестве совокупности общественных отношений [12, с. 212; 230, с. 335], регулируемых правом, получило широкое применение. Так, предмет правового регулирования традиционно трактуется как совокупность общественных отношений, которые необходимо упорядочить и можно урегулировать при помощи права. Отметим, что указанный концепт обнаруживает все большую свою несостоятельность в сфере юридической практики, направленной на упорядочение социального действия и юридического взаимодействия во многих областях человеческого поведения, «определяемого нормами» [111, с. 25].

Правовое регулирование действует не только в социальной, но и в природной, а также в техногенной сферах. Распространены случаи, когда предмет правового регулирования не представляет собой собственно общественное отношение как таковое. В реальности он не всегда оказывается общественным отношением в значении непосредственного, совпадающего в единой пространственно-временной точке, взаимодействия одного индивида (их групп) с другим (их группами). Например, существует проблема определения предмета регулирования технических нормативных правовых актов, который сложно признать в качестве непосредственно общественных отношений. Так, правовые нормы в технических нормативных правовых актах могут устанавливать количественные и (или) качественные параметры объектов материального мира, производственные, технологические и другие процессы, порядок (процедуру, методику, методы) проведения (выполнения) испытаний и лишь опосредованно направлены на социальное взаимодействие.

Нормативно закрепляемые в качестве догмы содержание и границы предмета правового регулирования традиционно тесно связываются с усмотрением законодателя. Предполагается, что «государство может в принципе урегулировать законом любое общественное отношение и тем самым сделать его юридически значимым,

правовым» [233, с. 22]. Причем человек в данных отношениях косвенно признается в качестве «стабильной величины», «рациональной системы» [157, с. 24]. Юриспруденция нивелирует значение эмоциональных переживаний и психических свойств человека, его социальных функций и ролей, физиологических параметров и другие детерминанты, предопределяющие регулятивные свойства права.

Следуя традиционным принципам догматического подхода, юристы стремятся установить прямую корреляционную связь между трансформацией правовой реальности и расширением предмета правового регулирования. Однако указанный подход не универсален – «регуляции кажутся панацеей лишь на бумаге, на деле они обостряют проблему, способствуя сокрытию рисков» [251, с. 45]. Доктринальное определение предмета правового регулирования все больше расходится с фактическими данными. Предмет правового регулирования настолько динамичен и изменчив, что его определение становится объективно возможным лишь при оценке уже действующих или действовавших ранее норм права для определения их эффективности при реализации права. В прогностных целях, способствующих научному обеспечению практики правотворчества, наиболее принципиален вопрос определения не предмета, а границ и пределов правового регулирования.

Первоначально определим общее лексическое значение термина «границы» и его соотношение со словом «пределы».

Словарно-справочное определение термина «граница» представляет собой реальную или воображаемую линию в пространстве или во времени, отделяющую один объект (тело, процесс или состояние) от другого, что дает основание акцентировать внимание на пространственно-временной характеристике границ правового регулирования, трансформирующейся в зависимости от темпов и направлений динамики общественных отношений.

Обратим внимание на то, что до настоящего времени предметное изучение пространственно-временных параметров границы правового регулирования в юриспруденции не осуществлялось вообще, либо происходило, но путем констатации проблемы на уровне дискуссии [233, с. 23]. Важно отметить, что Т. Л. Тенилова, обосновывая проблему времени в праве, четкость правового регулирования связывает с установлением предельных точек его отсчета (начала и окончания) [255, с. 36]. При этом юридические вопросы границ действия нормативного правового акта во времени, пространстве и по кругу лиц проработаны более глубоко как доктринально [32, с. 78–80; 129, с. 294–297], так и формально-юридически (в ст. 65–67 Закона

Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» [177]). Они решаются в контексте парадигмы пространственно-временной сетки классической механики [188, с. 74].

Полагаем, что пробельность в научном определении пространственно-временных границ правового регулирования, часто не совпадающих с границами действия нормативного правового акта, настоятельно требует доктринального решения. Соответствующая концепция, сформированная путем аналитического абстрагирования послужит фундаментальной базой для формирования эффективных инструментов измерения различных сторон и качеств [188, с. 27] реальности и действительности права, а также объективного определения их соотношения, ведь *if there are borderlines, there must first be lines* [312, с. 195].

Важно учитывать постоянную трансформацию границ правового регулирования, часто темпорально не совпадающую с динамикой границ действия нормативных правовых актов. Государство путем юридического регулирования способно обеспечивать лишь временную стабильность [157, с. 26]. Институционализация правовой реальности более динамична, несмотря на тот факт, что сформированные институты (с соответствующими границами) имеют тенденцию к сохранению. Однако в некоторых случаях границы институционализации могут сужаться, иногда в отдельных областях социальной жизни может иметь место так называемая деинституционализация [19, с. 135].

На уровне правовой реальности границы правового регулирования детерминированы социальными, психологическими, природными и техническими факторами – гранями объективно необходимого нормирования при помощи права.

На уровне юридической действительности границы правового регулирования обусловлены возможностями юридического нормирования и обеспечения внешнего контроля за соблюдением правовых норм. Такие возможности появляются в условиях предсказуемости динамики социального взаимодействия на основе знания закономерностей развития природы и общества и типичных вариантов правового поведения.

Информация о косвенном различии границ правовой реальности и юридической действительности содержится в рамках философско-правовой концепции Н. Н. Алексева. По его мнению, несмотря на то что фактически для регламентирующих сил государства в области быта нет никаких границ, с точки зрения практической поли-

тики регулирование в данной сфере далеко не всегда является целесообразным. Быт есть явление органическое и не поддающееся целиком искусственному переустройству [5, с. 504].

За границами правового регулирования находятся нетипичные, не подлежащие внешнему контролю акты взаимодействия. Это область так называемой «саморегуляции», в которой государственное юридическое нормирование и рационализация поведения субъектов не только не требуется, но и вредна, а действия (деятельность) людей автономны, не связаны со специальной юридической регламентацией и не нуждаются в ней.

Саморегулирование обладает специфическими социально-психологическими детерминантами – границы в мозге и границы, накладываемые средой, существуют вместе [61, с. 118]. Граница проявлений природно-стихийной и рационально-организационной сфер лежит в человеке, но внешне «этот процесс отражается в коллективе» [156, с. 104–113]. В общественной жизни плановость и спонтанность приобретают сложную, но все-таки аналитически выявляемую причинно-следственную связь [276, с. 474].

Что касается пределов правового регулирования, то термин «предел», преимущественно генерируемый и раскрываемый в контексте математического анализа, считаем также необходимым применять в научных исследованиях, но не в качестве синонима слова «граница». Математический термин «предел» эвристически обосновано использовать по отношению к такому сложному феномену, как неопределенность, который в настоящее время изучается в контексте не только естественно-научного и технического, но также гуманитарного знания. При этом методологически целесообразно разграничивать феномен неопределенности пределов правового воздействия и неопределенности пределов правового регулирования.

Применительно к пределам правового регулирования неопределенность может быть изучена в целях дальнейшего ее *снятия* как неопределенности в практике правотворчества и правоприменения, проявляющейся на уровне юридической действительности. В этом контексте неопределенность – субстанция, не стоящая на месте; она движется в сторону либо определенности, либо большей неопределенности, что имеет свои пределы [50, с. 56]. Так, устранение (снятие) неопределенности в законодательстве требуется объективно как обеспечение неотъемлемого признака нормативного правового акта, имманентно предполагающего его внешнюю и внутреннюю формализацию. Неопределенность в законодательстве должна стремиться

в экстремуме (максимальном или минимальном значении функции на заданном множестве) к точке минимума.

Неопределенность пределов правового воздействия может быть выявлена и *раскрыта* с установлением детерминированности указанного воздействия различными, в том числе неюридическими (социальными, природными и техногенными), факторами правовой реальности. Полностью элиминировать неопределенность в праве как сложодинамической системе нет необходимости и возможности – человек способен только ее частично познать, раскрыть с уяснением объективно возможных и необходимых пределов вмешательства, допуская факт постоянного изменения пределов неопределенности. В таком случае предел неопределенности стремится в экстремуме к точке максимума.

Следует отметить, что феномен неопределенности, проявляемой в физическом мире, был подвергнут детальному анализу в контексте квантовой механики. В. Гейзенберг сформулировал и эмпирически верифицировал так называемый «принцип неопределенности». В литературе признается, что именно с него начинается четко вырисовываться неклассический идеал объективного знания. Согласно В. Гейзенбергу, при увеличении точности измерений импульса соответственно уменьшается точность измерений координаты, и наоборот. Аналогичным образом им были выведены соотношения неточности для второй пары некоммутирующих динамических переменных, поэтому наглядность объектов в классическом понимании, которая подразумевает то, что объект «сам по себе» находится в трехмерном пространстве и одномерном потоке времени, не допускается «соответствием неопределенности», т. е. отсутствует в квантовой теории [138, с. 145].

В соответствии с принципом неопределенности В. Гейзенберга, имплементированным в правовую сферу в адаптированном виде, увеличение точности (преодоление неопределенности) по одному параметру нормативного правового акта (формы, структуры) может уменьшать точность (порождать неопределенность) других параметров нормативного правового акта (содержания). Интенсивное формально-юридическое закрепление и глубокая детализация правовой нормы может снижать точность фактического содержания правового регулирования в ней: чем больше норм права, регламентирующих один и тот же предмет правового регулирования, тем больше риск правовой неопределенности в его фактическом содержании.

Кроме того, в математическом анализе на понятии предела базируется определение производной функции, что по аналогии с ма-

тематическими выводами позволяет обосновать идею о том, что динамика правового регулирования (юридической действительности) должна быть производной от изменений в правовой реальности, но не наоборот. Если производная представляет собой скорость изменения функции в определенной точке, то правовое регулирование, будучи производным от правовой реальности, должно отражать скорость изменения этой правовой реальности. Например, образование новой отрасли права (в правовой реальности) может способствовать формированию с такой же интенсивностью новой отрасли законодательства (в юридической действительности), но принятие нового кодифицированного акта еще не свидетельствует о действительном появлении соответствующей отрасли права.

Таким образом, с одной стороны, общество как сложная социальная система реально обладает важным потенциалом самосохранения и саморегуляции, поэтому некоторые авторы приписывают правовой системе особенные свойства саморегулирования [238, с. 20–31]. Данный факт предопределяет ограниченную необходимость юридического вмешательства в правовую реальность. В связи с этим в юридической литературе поднимается проблема «полезного вмешательства государства» [6, с. 327]. В отличие от противоположного – «неполезного» – такое вмешательство допускается, если имеется «отход от условий взаимной власти, готовых возможностей наложения санкций (мер неюридической ответственности. – *Авт.*) и отсутствие адекватной информации», и если появляются препятствия для использования людьми возможностей корпоративного поведения [304, с. 327].

Измерение границ правовой реальности возможно не количественно (в метрической системе измерения), а качественно, т. е. насколько внутри них поддерживается гомеостаз, сбалансированное социальное взаимодействие, отсутствуют массовые типичные конфликтные ситуации. В частности, выявление или измерение границы правовой реальности в конкретной сфере возможно посредством анализа обращений граждан, особенно такой важной их разновидности, как предложения – рекомендации граждан по совершенствованию правового регулирования [229, с. 46].

Характеристика границ правового регулирования в юридической действительности может быть осуществлена посредством изучения количественных параметров: с учетом хронологии принятия, изменения или дополнения правовых актов в данной сфере. Причем измерение таких границ целесообразно как во временной, так и пространственной системе координат (пространственные признаки, как

и в теории социального действия Т. Парсонса, можно признавать не основными, а имеющими второстепенное, вспомогательное значение [188, с. 96]). Это своеобразная метрическая система измерения: вычисляется количество или периодичность изменений, а если есть необходимость, то и территория (сфера) действия правовой нормы и (или) ее субъектный состав.

Например, одно из направлений характеристики границ правового регулирования в сфере образования может заключаться в оценке количества и качества изменений, внесенных в Кодекс Республики Беларусь об образовании от 13 января 2011 г. [172]. Учитывая, что общественные отношения в сфере обучения и воспитания, организованные в целях освоения обучающимися содержания образовательных программ, представляют собой долгосрочные и направленные в перспективу процессы, оценка результативности (качества) которых измеряется не одним-двумя годами, каждое изменение в указанный кодифицированный акт может быть объективно изучено лишь через существенный промежуток времени. Однако тот факт, что в Кодекс изменения и дополнения вносятся практически ежегодно, а иногда и несколько раз в год, свидетельствует о динамике и расширении границ правового регулирования в указанной сфере (в новую редакцию рассматриваемого Кодекса внесено около десятка новых статей). Отсутствие стабильности в правовом регулировании общественных отношений в сфере обучения и воспитания отражает несовпадение границ юридической действительности с динамикой границ правовой реальности в соответствующей сфере.

Правовое воздействие сводится к сложным разно-уровневым процессам трансляции информации при взаимодействии между людьми: это непрерывное информационное влияние на эмоциональное, психическое состояние человека, его когнитивную деятельность в процессе коммуникации и взаимодействия с другими участниками правовой реальности. Для правового воздействия необходимо учитывать его предмет – правовое сознание участников правового взаимодействия.

Правовое регулирование заключается во внешне формализованном юридическом опосредовании общественных отношений, связанном с созданием стимула и предполагающем наличие ответной реакции на него. Оно дискретно и направлено на субъектов, предполагает их рациональное поведение в юридической действительности. Наиболее целесообразным для эффективного правового регулиро-

вания следует признать характеристику не предмета, а границ правового регулирования с их дальнейшей дифференциацией применительно к правовой реальности и юридической действительности.

В правовой реальности границы правового регулирования детерминированы социально психологическими, природными и техническими факторами. Это грани объективно необходимого правового опосредования социального взаимодействия.

В юридической действительности границы правового регулирования детерминированы возможностями юридического нормирования и обеспечения внешнего контроля за соблюдением правовых норм.

За границами правового регулирования находятся нетипичные, не подлежащие внешнему контролю акты взаимодействия: это область так называемой саморегуляции, в которой государственное юридическое нормирование и рационализация поведения субъектов не только не требуется, но и вредна, а действия (деятельность) людей автономны, не связаны со специальной юридической регламентацией и не нуждаются в ней.

Возможна не количественная, а качественная оценка границ правовой реальности (в метрической системе измерения), т. е. насколько внутри них поддерживается гомеостаз, сбалансированное социальное взаимодействие и не появляются массовые, становящиеся типичными, конфликтные ситуации. Характеристика границ регулирования в юридической действительности может быть осуществлена в динамике – с учетом хронологии и интенсивности принятия, изменения или дополнения нормативных правовых актов в конкретной сфере. Причем измерение таких границ целесообразно как во временной, так и пространственной системе координат (пространственные признаки можно признавать не как основные, а как второстепенные, вспомогательные).

Осуществленная характеристика границ правового регулирования предполагает соответствующий пересмотр методов правового регулирования.

4.3. Методы правового регулирования и правового воздействия

Классически предмет и метод правового регулирования берутся за основу доктринального изучения системы права и классификации ее компонентов, т. е. исследуются в контексте проблематики,

связанной с глобальными вопросами соотношения системы права, правовой системы, а также методологическими аспектами юридической систематизации и классификации.

Если ранее некоторые авторы метод правового регулирования признавали в качестве дополнительного критерия деления системы права на частное и публичное по сравнению с его предметом [205, с. 88], то в настоящее время метод имеет гораздо большее значение. С. Г. Дробязко уделил особое внимание научному анализу его проблем, осуществляемому в различных фокусах внимания: проявления генетических закономерностей права [83, с. 104], формирования социального правового государства [83, с. 110], а также вопросов обеспечения системности в праве [80, с. 135]. Однако социально-психологические проблемы реализации метода правового регулирования еще специально не изучались.

В настоящее время метод правового регулирования не только лежит в основе классификации отраслей системы права, но и используется как показатель интенсивности государственного воздействия на общественные отношения, а также определяет динамику и жесткость юридической связи между субъектами правоотношения. В таком случае право, с которым методы «субстанциональны, неотделимы от правовой материи» [7, с. 294], в данной интерпретации признается инструментом упорядочения общественных отношений [8, с. 12] либо сохранения деятельности системы в заданном режиме [280, с. 81].

Для субъектов правоотношений метод определяется как положение между ними, опосредованное их правами и обязанностями [31, с. 54], что отражается прежде всего на правовом статусе, расстановке субъектов общественных отношений в те или иные исходные юридические позиции [7, с. 246, 295]. Тем не менее остается открытым вопрос о субъектах, осуществляющих выбор и реализующих метод правового регулирования, поскольку право как таковое само по себе ничего не упорядочивает, не применяет и не расставляет.

В юридической доктрине традиционно использовалась классификация основных методов правового регулирования на императивный и диспозитивный, а также дополнительная характеристика рекомендации и поощрения [119, с. 632], выступающих в качестве методов. Классическое определение императивного метода правового регулирования подразумевало властный, директивный или авторитарный способ субординации путем «монолога» [203, с. 613], предполагая правовое регулирование технико-юридического свой-

ства, что полностью исключало ответную реакцию, обусловленную психическими параметрами человека.

Концепции, выделяющие императивный и диспозитивный методы правового регулирования в качестве первичных [222, с. 221], были нацелены на практическую апробацию их диалектического противопоставления, однако при этом подчеркивалось, что в каждой отрасли права метод неповторим и подчеркивает ее специфику [16, с. 91]. На практике ни одна отрасль права не использует императивный или диспозитивный метод в чистом виде. Они лишь по-разному сочетаются друг с другом [297, с. 224], что приводит к нивелированию границ между отраслями права и делает труднозаметными различия между отдельными отраслями права и (или) законодательства. Создается иллюзия формирования новых самостоятельных институциональных образований в системе права и (или) законодательства со специфическим и свойственным только им методом правового регулирования, который на самом деле состоит в сочетании императивно-диспозитивных (или диспозитивно-императивных) правовых начал. Это наталкивает некоторых исследователей на обоснование появления новых отраслей права и (или) законодательства и необходимость принятия новых кодифицированных правовых актов (экологического [194, с. 3–11], информационного [96, с. 153] и молодежного кодекса [217, с. 36], кодекса о финансовых услугах [112, с. 88–103] и др.).

В целях преодоления указанных проблем пересматривается сложившаяся парадигма о диспозитивном и императивном методах правового регулирования, а также признается наличие иных методов правового регулирования. М. И. Байтин и Д. Е. Петров наряду с общеправовым (общеправовым) методом отмечали метод регулирования определенного вида или комплекса отношений правового института, а также метод регулирования, присущий отдельной юридической норме [16, с. 84].

Стремясь компенсировать недостатки классического узкоюридического (инструментального) определения метода правового регулирования, некоторые авторы дополнительно выделяют типы и способы правового регулирования [265, с. 262–264], что имеет определенный эвристический потенциал, но не раскрывает суть реального влияния права на правовое сознание субъектов, которым адресована та или иная норма.

В литературе обосновывается еще один параметр правового регулирования – его напряженность, жесткость или насыщенность. С. С. Алексеев указывал, что правовое регулирование имеет особенно-

сти, связанные не только с тем, к какой отрасли права оно относится и выражаются ли в нем централизованные или децентрализованные начала, а также каково состояние социальной среды, «массовидно-го поведения», но и с тем, охватываются ли правом данные отношения, а если да, то какова его детализированность, императивность, жесткость и насыщенность. Все это, по его мнению, заключается в напряженности или интенсивности правового регулирования, вытекающего из физических параметров «правовой материи» [10, с. 24–27] как системы частиц, выстроенных определенным образом.

В соответствии с указанным признаком в общественных отношениях выделены зоны интенсивного и неинтенсивного правового регулирования, а также чрезвычайно интенсивное или недостаточно интенсивное правовое регулирование [9, с. 214]. Примечательно, что данная концепция получила свое дальнейшее развитие в изучении действия права как проявления социальной энергии [208, с. 62].

По нашему мнению, идея ввести новый критерий правового регулирования – интенсивность – имеет под собой объективные основания, однако на самом деле отражает факт реального существования различной напряженности правового сознания правоучреждающих или правореализующих субъектов, а не правового регулирования как абстрактной теоретической конструкции. Правовая норма как инструмент правового регулирования имеет смысл при наличии субъекта, реализующего ее посредством интенциональности собственного правового сознания; без него норма не будет действовать ни более, ни менее напряженно или интенсивно.

Еще одной спорной стороной анализируемой концепции является отсутствие объективного оценочного критерия степени напряженности правового регулирования в конкретной сфере. Напряженность как физическая величина имманентно предполагает определенные количественные параметры измерения в пространственно-временной матрице, однако ее невозможно точно выявить и оценить в отношении правового регулирования как абстрактной теоретической юридической конструкции.

Отметим, что общераспространенной является характеристика методов правового регулирования как способов регламентации общественных отношений, которые обычно определяются характером предписания, зафиксированного в норме права [258, с. 261–262]. Иными словами, императивный или диспозитивный метод правового регулирования рассматривается преимущественно по своему отношению к правовым нормам, закрепленным в тексте норматив-

ного правового акта. Однако правовое регулирование представляет собой термин, охватывающий гораздо более широкий круг процессов, нежели только фиксацию правовых норм. Соответственно, и метод правового регулирования связан не только с указанной фиксацией. В связи с этим абсолютно обоснованной является позиция С. Г. Дробязко: правовое регулирование нельзя полностью отождествлять с законодательной регламентацией, которая в силу многих обстоятельств может быть несправедливой или не соответствовать объективно обусловленным потребностям [82, с. 117], тем более что императивность права не синонимична императивности правовой нормы, как диспозитивность не равна диспозитивной норме [16, с. 86–87].

На практике императивность или диспозитивность правового регулирования предопределена не только волей законодателя, так как в рамках даже одной правовой нормы можно выявить различные способы правового регулирования [223, с. 218]. Необходимо учитывать специфику метода правового регулирования на разных стадиях последнего, в том числе на стадии реализации субъективных прав и юридических обязанностей. Более того, метод как способ достижения определенной цели должен быть свойственен не праву, а адресован субъектам, его формирующим (или образующим) и реализующим.

Правовое регулирование не статично, оно не ограничивается лишь рамками формальной фиксации правовой нормы в тексте нормативного правового акта. Соответственно, метод правового регулирования существенно зависит от динамики правового сознания субъектов правовых отношений, реализующих свои субъективные права и юридические обязанности. Согласимся с присутствием субъективного и объективного начал в методе правового регулирования [16, с. 90] и рассмотрением так называемых «психологических механизмов права» [30, с. 203].

Важно учитывать, что уже Л. И. Петражицкий изучал императивность в отношении не метода правового регулирования и даже не норм права. Он охарактеризовал императивность эмоций, трансформация которых существенно предопределяет динамику правового регулирования. По мнению Л. И. Петражицкого, императивность осознания долга в правовых эмоциях коррелирует с атрибутивным осознанием правомочия: она является рефлексом атрибутивной природы импульсий [193, с. 73–74].

Отметим и существенное лексическое несоответствие, связанное с попыткой признать императивность и диспозитивность в качестве слов с противоположным значением. Так, термины «императивный»

и «диспозитивный» не образуют смысловую пару, т. е. не являются парными категориями, их сложно соотнести по единому признаку. Противоположность императивности состоит в необязательности как отсутствии необходимости исполнения, а антонимом диспозитивности (по аналогии с антонимами комфорт – дискомфорт, квалификация – дисквалификация, пропорция – диспропорция) является позитивность как способ эмоционального восприятия окружающего мира.

Полагаем, что правовое регулирование хоть и проявляется в различной степени интенсивности, но имманентно всегда обладает императивностью, связанной с признаком общеобязательности правовых норм, а также обеспечением их реализации со стороны государства. Г.-Л. Харт справедливо отмечал, что «разновидности социальной ситуации, в которой характерным, хоть и неизменным, является использование императивных форм языка, – не только многочисленны, но и сливаются друг с другом» [281, с. 27], а Ж.-Л. Бержель по данному вопросу указывает на то, что качеством правового принуждения наделены все правовые нормы, и закон с его императивностью противопоставляет обычаю [22, с. 78–79, 147].

По мнению Ю. Е. Пермякова, сущность юридической силы всех правовых норм, обращенных к адресатам предписаний легитимной власти и созданных на законной основе утвердительных суждений о должном, заключается в принуждении к такому дискурсу, где суждение приобретает императивный характер. Нормативность таких императивных предписаний обеспечивается соблюдением процедуры, в которой происходит «становление инстанции как высшей институциональной формы авторитетного суждения» [191, с. 11]. Таким образом, императивность приписывается юридической силе всех норм права, прошедших соответствующую процедуру подготовки, принятия и реализации [191, с. 110].

Императивный метод подходит для регулирования всех социальных взаимодействий, входящих в предмет правового регулирования. Логичным представляется определение признака общеобязательности и императивности для метода правового регулирования, называемого общеправовым [16, с. 84–95], наличие которого отличает право от других нормативных систем. Обратим внимание на то, что О. И. Чуприс в сфере регулирования государственной службы рассматривает такую разновидность диспозитивности, как «ограниченная диспозитивность», которая подчиняется императивности [297, с. 226].

Фактически императивность может быть обусловлена различными параметрами правового сознания, когда «чувствовать себя

обязанным и быть обязанным – это разные, хотя и сопутствующие вещи» [193, с. 36]. К сожалению, в юридической доктрине факт наличия иной, внутренней, императивности, обусловленной не внешне юридическим принуждением (гетерономией), а социально-психическим самообязыванием (автономией), обычно не учитывается. В такой ситуации не происходит доктринальное разграничение внешне императивного правового регулирования и самоконтроля, что существенно отрывает теоретические выводы от эмпирических фактов: человек часто выполняет признаваемые императивными правовые нормы вследствие не внешнего принуждения, а собственного усмотрения, выработанного в результате динамики его правового сознания.

Что касается диспозитивного метода правового регулирования, то его эссенциалистское определение заключается в признании наличия свободного выбора участниками правоотношений определенного поведения по своему усмотрению или «диалогично» [202, с. 613], но в границах и (или) по процедуре, установленной законом. При этом сам механизм свободного усмотрения не изучается. Применяя номиналистский подход к определению данного метода, необходимо дать функциональную характеристику и установить причинно-следственную связь правового поведения с психическим и когнитивным механизмами собственного усмотрения или самоконтроля, который, по мнению ученых-антропологов, «встроен в нас» [35, с. 10]. Причем необходимо учитывать и биологические факторы, детерминирующие процессы саморегулирования – биологическая реакция может останавливать человека от того, чтобы причинять вред другим людям [250, с. 144].

Усмотрение признается одним из существенных системообразующих элементов структуры правового сознания субъектов [39, с. 31], оно вариативно и избирательно [39, с. 28]. Признавая связь усмотрения с правовым сознанием, отметим, что усмотрение – результат процесса правового сознания, связанного с восприятием, отражением, осмыслением и интерпретацией социально-правовой или юридической информации. Например, выбор вида договорных отношений на основании принципа свободы договора происходит под влиянием экономического анализа выгод и издержек. Заключение мирового соглашения (процессуальная диспозитивность) зависит не только от прагматических соображений сторон, но и этических норм, соблюдение которых может поспособствовать или препятствовать достижению компромисса в юридическом конфликте.

Ж.-Л. Бертель, признавая разную силу юридического предписания, выделяет императивные и вспомогательные предписания (но не диспозитивные. – *Авт.*), от которых можно отступать и выполнение которых теми, кого они затрагивают, не считается обязательным. Важно, что в данной классификации признается еще один вид правовых предписаний, при применении которых допускается большая свобода «толкования» и интерпретации [22, с. 80–81]. Автор связывает это с более сложными процессами правового сознания субъекта, формирующего усмотрение на фоне имеющихся стандартов рациональности, справедливости и эффективности, т. е. в зависимости от контекста (когда приходится принимать решение, подчиняясь авторитетно установленным стандартам [72, с. 57, 59]).

Само усмотрение обусловлено интенциональностью и видом правового сознания субъекта, внешними факторами среды его адаптации в конкретном пространственно-временном промежутке (ситуацией).

В качестве правовых инструментов, обеспечивающих направленность формирования собственного усмотрения, следует признать поощрение в праве и правовое подталкивание.

В литературе поощрение анализируют в качестве самостоятельного метода правового регулирования [173, с. 336–337] либо вида социальных санкций [151, с. 75–85], причем доктринальные исследования по данному предмету наиболее распространены на отраслевом уровне. Поощрение имеет ряд преимуществ благодаря тому, что ни принуждение, ни ограничение, широко распространенные в правовом регулировании, не предполагают состязательности [282, с. 116] и в полном или ограниченном объеме лишают субъект свободы усмотрения, что часто негативно сказывается на развитии частноправовой сферы, развивающейся на принципах инициативного поведения. Причем поощрение, признаваемое традиционно в качестве метода правового регулирования, связывается в основном с мерами экономического либо иного материального стимулирования субъектов права, применяемыми за осуществление ими социально активного, ответственного поведения. Реже поощрение рассматривается в качестве снятия ограничений в правовом статусе, ранее наложенных на субъект права в соответствии с нормами гражданского, гражданско-процессуального, уголовного, уголовно-исполнительного законодательства. Таким образом, поощрение переносится из правовой в экономическую или собственно узкоюридическую плоскость.

Поощрение как специфический вид стимулирования представляет собой правовое воздействие, которое может существенно влиять

на правовое сознание людей, но при этом не регулирует общественные отношения. Оно сочетает в себе организационные, психологические, материальные и юридические аспекты, представляет собой не столько информационный сигнал для поощряемого, предполагающий связь «стимул – реакция», сколько фактор, существенно изменяющий репутационный статус субъекта права, к которому применяется. Поощрение влияет на трансформацию правового сознания окружающих (группа оценки), это отношение взаимной ответственности (не столько юридической, сколько социальной), вытекающей из социального взаимодействия между группой оценки, субъектом поощрения, поощряемым, а также реагирующей группами.

Что касается механизма «подталкивания» в правовом воздействии, то его концепция была разработана в контексте поведенческой экономики, которая постепенно приобретает междисциплинарный статус. «Подталкивание» подразумевает влияние на решение человека, оказавшегося в ситуации выбора. Его цель – не принимать решение за человека, предписывая ему модель необходимого поведения по принципу «стимул – реакция», а снизить количество решений, называемых ошибками. Эффективная стратегия инстанции, применяющей такое правовое воздействие, состоит в информировании людей о том, что большинство субъектов придерживается аналогичного поведения [252, с. 334] в обеспечении реализации модели правомерного поведения, не ограничивая, а делая такую модель наиболее удобной, привлекательной и массовой. В качестве примера можно привести введение упрощенных систем налогообложения в финансовой сфере, сокращение и цифровизацию административных процедур, введение оплаты проезда в общественном транспорте через приложения, установленные на смартфоне, и др.

Таким образом, правовому регулированию имманентно присуща императивность. В его процессе осуществляется внешнее (гетерономное) возложение на субъектов юридических обязанностей и предоставления им субъективных прав в юридически очерченных границах. Правовое сознание субъектов, которым адресованы правовые нормы, выражается преимущественно в рефлексивных процессах восприятия и отражения норм правового акта. Интенциональность правового сознания направлена на реализацию правовой нормы с соответствующими юридическими последствиями. Например, введение запрета на посещение лесов или предоставление собственнику правомочий владения, пользования и распоряжения в ограниченных законом пределах рассчитаны на разную степень обязательности и де-

тализованности правил, а также предполагают реакцию субъекта на юридическую информацию в виде соблюдения или несоблюдения запрета, превышения или непревышения правомочий собственника.

Для правового регулирования имманентно присущи гетерономно устанавливаемые гарантии осуществления права как результат правового сознания представителей правоучреждающей и правоприменяющей инстанции. В правовом регулировании первична правовая норма, а не правоотношение. Качество так называемой императивности в правовом регулировании зависит от точности и детализированности модели правового поведения, предусмотренной в правотворчестве и правоприменении. Императивность, а точнее интенсивность правового регулирования, обусловлена действенностью, юридической силой правового акта, наличием и содержанием актов официального толкования, стабильностью правового регулирования в определенной сфере, количеством и объемом правовых норм в ней.

При правовом воздействии в правовом сознании субъектов правового взаимодействия происходит образование усмотрения. В результате человек признает за собой определенный объем обязательств, формируя их для себя в процессе восприятия, отражения, осмысления и интерпретации различной социально-правовой информации.

Каждый человек, включенный в правовое взаимодействие, должен анализировать прогнозируемые последствия собственных правовых решений. Интенциональность его правового сознания в таком случае направлена на неюридический результат – экономическое благополучие, социальный статус, безопасность, обладание полной и достоверной информацией и т. д. Кроме ответной реакции на раздражение для правового воздействия характерны процессы правового сознания, связанные не столько с восприятием и отражением, сколько с осмыслением и интерпретацией правовых норм и правовых притязаний, с выбором. В правовом воздействии первичен человек как носитель правового сознания и участник правового взаимодействия.

В юридической доктрине императивный и диспозитивный методы правового регулирования рассматриваются преимущественно по отношению к правовым нормам, закрепленным в тексте нормативного правового акта. Однако правовое регулирование представляет собой феномен, охватывающий более широкий круг процессов, нежели только фиксацию правовых норм. Соответственно, и метод правового регулирования необходимо трактовать гораздо шире, учитывая его специфику на разных стадиях правового регулирования,

в частности на стадии реализации субъективных прав и юридических обязанностей.

Правовое регулирование не статично и не ограничивается рамками формальной фиксации правовой нормы в тексте нормативного правового акта. Метод правового регулирования зависит от динамики правового сознания субъектов правовых отношений, реализующих свои субъективные права и юридические обязанности. Более того, метод как способ достижения определенной цели должен быть признан в отношении не к праву, а к субъектам, его формирующим или образующим и реализующим.

Правовое регулирование, хоть и проявляется с различной степенью интенсивности, но имманентно обладает императивностью, связанной с признаком общеобязательности правовых норм, а также обеспечением их реализации со стороны государства. Императивность может быть обусловлена различными параметрами правового сознания. Разграничение внешне императивного правового регулирования и самоконтроля (самообязывания) основано на том, что человек часто выполняет признаваемые императивными правовые нормы вследствие не внешнего принуждения, а собственного усмотрения в результате рефлексивных процессов его правового сознания.

Внутренняя императивность в значительной степени формируется под влиянием правового воздействия. Она состоит в осознании личной ответственности, обязательства субъекта перед самим собой и окружающими и выражается в наиболее полном процессе правового сознания субъекта, не только воспринимающего и отражающего, но и интенсивно осмысливающего и интерпретирующего юридическую и социально-правовую информацию.

Поощрение является специфическим способом правового воздействия, но не регулирования. Оно сочетает в себе психологические, экономические и правовые аспекты; представляет собой не только информационный сигнал, предполагающий наличие связи «стимул – реакция», но и фактор, существенно изменяющий репутационный статус субъекта права, которому адресовано поощрение. Последнее влияет на трансформацию правового сознания окружающих (группа оценки), в связи с чем его справедливо рассматривать не как одностороннее регулирование, а как отношение взаимной ответственности, вытекающей из взаимодействия между группой оценки, субъектом поощрения, поощряемым, а также реагирующей группой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющиеся коллизии в доктринальном определении правового сознания в значительной степени связаны с семантической многозначностью термина, изучаемого феномена. Неточность интерпретации и последующая смысловая девальвация слова «правосознание» при массовом его использовании повлекли отсутствие четкого разграничения правосознания как объекта философско-мировоззренческого значения и правового сознания, выступающего в качестве предмета научного анализа.

Доктринальные разработки по проблемам правового сознания целесообразно осуществлять на двух уровнях: категориальном и понятийном.

На категориальном уровне научного обобщения теория права должна сформировать предельно общее понятие, охватывающее сущностный признак, свойственный всем типологическим проявлениям правового сознания. Социально-психологическая адаптация человека к меняющимся условиям правовой реальности путем реализации им собственных правовых притязаний в условиях социального взаимодействия в рамках определенной социальной группы или коллектива составляет основную функциональную характеристику категории правосознания. Научная категория правосознания должна заключаться в рамки определенного контекста: конкретного типа правопонимания, фактов исторического изменения форм государства или элементов правовой системы.

В иных случаях обоснованы научный анализ правового сознания на уровне формирования понятия и выявление важнейших отличительных признаков феномена правового сознания в пределах определенного физического пространства и времени.

Правовое сознание представляет собой сложный многоуровневый процесс, направленный на восприятие, отражение, осмысление

и дальнейшую интерпретацию информации юридического и (или) социально-правового содержания и протекающий в условиях правового взаимодействия при адаптации субъектов к изменениям окружающей среды.

Правовое сознание представляет собой многоуровневый информационный процесс усвоения (интериоризации) и выражения (экстериоризации) социально-правовой и юридической информации. Интериоризация внешних сведений у каждого человека протекает по-разному. Она обусловлена количественно-качественными параметрами поступающей извне информации, а также детерминирована психическими и физиологическими параметрами восприятия и усвоения.

Процессы экстериоризации социально-правовой и юридической информации у субъектов, взаимодействующих между собой в коллективе, наоборот, имеют типичные проявления, что позволяет далее исследовать правовое сознание не только на категориальном, но и на понятийном уровне научного анализа.

Правовое сознание, в отличие от правового знания, обладает свойством индивидуализации его носителей – субъектов права. Это обусловлено континуальностью их правового сознания и индивидуальной темпоральностью процессов восприятия, отражения, осмысления и интерпретации правовой информации.

Определение структуры правового сознания зависит от его характеристики в качестве процесса или состояния. Указанный концепт служит отправной точкой при решении методологических вопросов изучения и прикладных проблем совершенствования структуры правового сознания в качестве феномена правовой реальности.

Правовое сознание как состояние существенно детерминировано физиологическими процессами, происходящими в организме человека, а также когнитивными параметрами и социальными процессами его взаимодействия с окружающей средой.

В качестве сложного процесса индивидуальной мыслительной деятельности схема структурных компонентов правового сознания следующая: восприятие, отражение, осмысление и интерпретация социально-правовой и юридической информации.

Вопросы динамики правового сознания методологически оправдано изучать на онтологическом уровне осмысления права. С этой целью в рамках предметно-научного анализа обоснована концепция разграничения нормативности правовой реальности (реальности права) и юридической действительности (действительности права).

Правовая реальность конструируется в процессе повседневной жизни человека (осмысленной деятельности в интересубъективном

взаимодействии). Правовое сознание не связано с четкой рационализацией и формализацией правового поведения. Постепенный процесс седиментации определенных паттернов поведения и дальнейшая их габитуализация приводят к спонтанной типизации и соответствующей кристаллизации реальной правовой нормы в правоотношении. Интенциональность правового сознания направлена на неюридические последствия для его носителя: реализацию присущих человеку потребностей и интересов во взаимодействии с другими субъектами.

Трансформация правовой реальности обусловлена потребностями и интересами человека, качественными изменениями природной, социальной и техногенной среды его жизнедеятельности (первичная нормативность).

Юридическая действительность конструируется и воспроизводится в процессе правового сознания субъектов права. Их поведение рационализировано (в стремлении контролировать внешние обстоятельства) и формализовано посредством актов правотворчества и правоприменения. Интенциональность правового сознания субъекта нацелена на юридические последствия.

Динамика юридической действительности зависит также от агента типизации, представителя инстанции (субъекта правотворчества и правоприменения), которые конструируют нормативность вторичного плана. Вторичная нормативность формируется путем рационализации, правового регулирования общественных отношений.

В настоящее время усиливается расхождение реальности права и юридической действительности, что обусловлено нарастающей тенденцией к усложнению интерсубъективного взаимодействия на различных уровнях правовой реальности и стремлением инстанции к максимально предельной типизации и рационализации соответствующего правового поведения на уровне юридической действительности.

В правовой реальности в большинстве случаев оценка параметров правового сознания человека и нормативности конструируемых им норм факультативна, так как изначально презюмируются ее рациональность, естественность, нормальность. Правовые нормы в ней априори валидны. Для юридической действительности верификация валидности юридических норм и адекватности конструирующего их правового сознания (компетентности, наличия полномочий, беспристрастности при принятии юридически значимого решения) юридически обязательна.

Процессы формирования и образования права протекают на различных уровнях онтологического бытия: правовой реальности и юри-

дической действительности. Существенные отличия между этими уровнями предопределяют глобальные признаки, дифференцирующие правотворчество как государственно-юридический институт и правообразование как социальный феномен институционализации.

Правовое воздействие и правовое регулирование по-разному проявляются в правовой реальности и юридической действительности. Правовое воздействие сводится к сложным разноуровневым процессам трансляции информации при взаимодействии людей: это непрерывное информационное влияние на эмоциональное, психическое состояние человека, его когнитивную деятельность в процессе коммуникации и взаимодействия с другими участниками правовой реальности. Для правового воздействия необходимо учитывать его предмет – правовое сознание участников правового взаимодействия.

Правовое регулирование заключается во внешне формализованном юридическом опосредовании общественных отношений, связанном с созданием стимула и предполагающем ответную реакцию на него. Оно дискретно и направлено на субъектов, предполагает их рациональное поведение в юридической действительности. Наиболее целесообразным для эффективного правового регулирования следует признать характеристику не предмета, а границ правового регулирования с их дальнейшей дифференциацией применительно к правовой реальности и юридической действительности.

В юридической доктрине императивный и диспозитивный методы правового регулирования рассматриваются преимущественно по отношению к правовым нормам, закрепленным в тексте нормативного правового акта. Однако метод правового регулирования зависит от динамики правового сознания субъектов правовых отношений, реализующих свои субъективные права и юридические обязанности. Более того, как способ достижения определенной цели он должен быть признан в отношении не к праву, а к субъектам, его формирующим (или) образующим и реализующим.

Правовое регулирование, хоть и проявляется в различной степени интенсивности, имманентно обладает императивностью, связанной с признаком общеобязательности правовых норм, а также обеспечением их реализации со стороны государства. Императивность может быть обусловлена различными параметрами правового сознания. Разграничение внешне императивного правового регулирования и самоконтроля (самообязывания) основано на том, что человек часто выполняет признаваемые императивными правовые нормы вследствие не внешнего принуждения, а собственного усмотрения, выработанного в результате рефлексивных процессов его правового сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамов, А. И.* Функции правосознания и их роль в реализации функции права / А. И. Абрамов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2006. – № 5 (268). – С. 23–35.
2. *Азнагулова, Г. М.* О проблемах выбора критериев типологии правовых систем в современных условиях / Г. М. Азнагулова // Право и государство: теория и практика. – 2012. – № 12 (96). – С. 133–138.
3. *Алексеев, А. И.* Взаимодействие права и искусства / А. И. Алексеев // Вестн. Моск. гос. академии дел. администрирования. Сер.: Философские, социальные и естественные науки. – 2011. – № 1 (7). – С. 23–31.
4. *Алексеев, К. В.* Правовые идеи в творчестве русских поэтов XIX в. А. С. Пушкина и Я. П. Полонского / К. В. Алексеев // Юрид. наука. – 2017. – № 3. – С. 10–17.
5. *Алексеев, Н. Н.* Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
6. *Алексеев, Н. Н.* Основы философии права / Н. Н. Алексеев // Теория государства и права : хрестоматия : в 2 т. / сост. М. Н. Марченко. – М. : Городец, 2004. – Т. 2. Право. – 800 с.
7. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. I. – 360 с.
8. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. II. – 360 с.
9. *Алексеев, С. С.* Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
10. *Алексеев, С. С.* Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы / С. С. Алексеев. – М. : Норма, 1998. – 336 с.
11. *Алексеева, Л. В.* Юридическая психология : учеб. пособие / Л. В. Алексеева. – М. : Проспект, 2010. – 312 с.
12. *Бабаев, В. К.* Понятие права / В. К. Бабаев // Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юрист, 2004. – С. 196–222.
13. *Бабаков, В. Г.* Национальное сознание и национальная культура (методологические проблемы) / В. Г. Бабаков, В. М. Семенов. – М. : ИФ РАН, 1996. – 70 с.

14. *Байниязов, Р. С.* Философия правосознания: постановка проблемы / Р. С. Байниязов // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 12–23.
15. *Байниязов, Р. С.* Правосознание: Психологические аспекты / Р. С. Байниязов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1998. – № 3 (222). – С. 16–21.
16. *Байтин, М. И.* Метод регулирования в системе права: виды и структура / М. И. Байтин, Д. Е. Петров // Журн. рос. права. – 2006. – № 2 (110). – С. 84–95.
17. *Баранов, П. П.* Концептуальные приоритеты теории правосознания / П. П. Баранов, А. И. Овчинников // Юристъ-Правоведъ. – 2007. – № 5 (24). – С. 5–11.
18. *Белканов, Е. А.* Структура и функция правосознания : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. А. Белканов ; Урал. юрид. академия. – Екатеринбург, 1996. – 25 с.
19. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
20. *Бердяев, Н.* Творчество и объективация / Н. Бердяев ; сост. А. Г. Шиманский, Ю. О. Шиманская. – Минск : Экономпресс, 2000. – 304 с.
21. *Бережнов, А. Г.* Теоретические проблемы правопонимания и формирования содержания права / А. Г. Бережнов // Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Юристъ, 2002. – С. 342–354.
22. *Бержель, Ж.-Л.* Общая теория права / Ж.-Л. Бержель ; под. общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. Г. В. Чурушкова. – М. : NOTA BENE, 2000. – 576 с.
23. *Бескова, И. А.* Феномен сознания / И. А. Бескова, И. А. Герасимова, И. П. Меркулов. – М. : Прогресс-Традиция, 2010. – 367 с.
24. *Бескова, И. А.* Эволюция и сознание (когнитивно-символический анализ) / И. А. Бескова. – М. : Ин-т философии, 2001. – 268 с.
25. *Бибило, В. Н.* Система органов судейского сообщества в Республике Беларусь / В. Н. Бибило // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 103–110.
26. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Изд. Моск. патриархии, 1993. – 1372 с.
27. *Боголюбов, С. А.* Некоторые проблемы экологического кодекса / С. А. Боголюбов // Журн. рос. права. – 2006. – № 5 (113). – С. 3–11.
28. Большой энциклопедический словарь : в 2 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1991. – Т. 1. – 862 с.
29. *Бондарь, Н. С.* Конституционная модель современного юриста: соответствует ли ей нынешняя система юридического образования? / Н. С. Бондарь // Учен. зап. С.-Петерб. ун-та управления и экономики. – 2011. – № 3 (33). – С. 48–55.
30. *Боруленков, Ю. П.* Методология юридического познания: психологический подход / Ю. П. Боруленков // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201–210.

31. Бошно, С. В. Способы и методы правового регулирования / С. В. Бошно // Право и современное государство. – 2014. – № 3. – С. 52–60.

32. Бродецкая, Н. О. Действие нормативно-правового акта во времени, в пространстве и по кругу лиц / Н. О. Бродецкая // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2014. – № 10. – С. 78–80.

33. Буайе, П. Анатомия человеческих обществ. Как сознание определяет наше бытие / П. Буайе ; пер. с англ. П. Дейниченко. – М. : АНФ, 2019. – 436 с.

34. Булаевский, Б. А. Функции правовых презумпций / Б. А. Булаевский // Журн. рос. права. – 2011. – № 3. – С. 33–41.

35. Вааль де, Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов / Ф. де Вааль ; пер. с англ. Н. Лисова. – М. : АНФ, 2016. – 376 с.

36. Вавилова, А. А. Презумпция знания закона / А. А. Вавилова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. – 2006. – № 1. – С. 84–93.

37. Валиев, Р. Г. Практика правового регулирования: актуализация и категоризация общетеоретического знания / Р. Г. Валиев // Теория государства и права. – 2021. – № 4 (25). – С. 54–66.

38. Валиев, Р. Г. Судейская этика и судебное правоприменение: о нравственной оценке правосудности судебного акта / Р. Г. Валиев // Вопр. рос. и междунар. права. – 2019. – Т. 9. – № 10-1. – С. 15–21.

39. Валиев, Р. Г. Усмотрение как элемент правосознания и диалектика его развития в механизме принятия дискреционного решения субъектами правового регулирования / Р. Г. Валиев // Учен. зап. Каз. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. – 2021. – Т. 163, № 2. – С. 25–34.

40. Васильев, В. В. Теоретические проблемы субъективной стороны состава правонарушений / В. В. Васильев // Вектор науки Тольят. гос. ун-та. Сер.: Юрид. науки. – 2011. – № 1 (4). – С. 28–32.

41. Васильев, В. Л. Юридическая психология : учебник / В. Л. Васильев. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2009. – 608 с.

42. Васильев, И. А. Проблема отражения и порождения смыслов в мышлении человека / И. А. Васильев // Сибир. психол. журн. – 2018. – № 67. – С. 27–43.

43. Васюков, В. Л. Проблема сознания с точки зрения логического функционализма [Электронный ресурс] / В. Л. Васюков // Ин-т философии РАН. – Режим доступа: https://iphras.ru/elib/Ph_sc12_8.html. – Дата доступа: 15.01.2022.

44. Веденеев, Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями / Ю. А. Веденеев // Lex russica (Русский закон). – 2016. – № 9 (118). – С. 9–23.

45. Великода, Т. Н. Лексическое значение общеупотребительного слова и термина / Т. Н. Великода // Вестн. Северо-Восточ. гос. ун-та. – 2010. – № 14. – С. 6–10.

46. Венгеров, А. Б. Теория государства и права : учебник / А. Б. Венгеров. – М. : Омега-Л, 2004. – 608 с.

47. Верховный суд Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://court.gov.by>. – Дата доступа: 16.05.2022.

48. *Вершок, И. Л.* Коммуникативный подход к изучению сущности и содержания правосознания: теоретический и прикладной аспекты / И. Л. Вершок, А. Б. Лепешко // *Вестн. Грод. дзярж. ўн-та імя Янкі Купалы. Сер. 4: Праваўнаўства.* – № 3 (176). – 2014. – С. 6–14.
49. *Вершок, И. Л.* Экологическое правосознание в доктрине правового сознания / И. Л. Вершок. – Минск : *Право и жизнь*, 2006. – 134 с.
50. *Власенко, Н. А.* Проблемы правовой неопределенности / Н. А. Власенко. – М. : *ИНФРА-М*, 2016. – 176 с.
51. Встреча с судьями Конституционного суда [Электронный ресурс] // Президент Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-sudjami-konstitutsionnogo-suda-18334>. – Дата доступа: 30.11.2022.
52. *Гаврилов, В. В.* Взаимодействие международной и национальных правовых систем и правосознание / В. В. Гаврилов // *Журн. рос. права.* – 2006. – № 2 (110). – С. 131–138.
53. *Гавриш, Е. М.* Правовая функциональная грамотность и правовая культура учащейся молодежи: корреляционный аспект / Е. М. Гавриш // *Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств.* – 2010. – № 5 (37). – С. 189–191.
54. *Гаген, С. Я.* Византийское правосознание IV–XV вв. / С. Я. Гаген ; отв. ред. Н. П. Медведев. – М. : *Юрлитинформ*, 2012. – 304 с.
55. *Гаджиев, Г. А.* Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности) / Г. А. Гаджиев. – М. : *Норма : ИНФРА-М*, 2013. – 320 с.
56. *Гаджиев, К. С.* Политическая идеология: концептуальный аспект / Г. А. Гаджиев // *Вопр. философии.* – 1998. – №12. – С. 3–20.
57. *Гаджиева, П. Д.* Возможности правовой информации в формировании правосознания студентов / Г. А. Гаджиев // *Символ науки: междунар. науч. журн.* – 2016. – № 3–2 (15). – С. 46–48.
58. *Гаджиева, П. Д.* Правовое просвещение и правовое воспитание как необходимое условие формирования правосознания у подрастающего поколения / П. Д. Гаджиева, М А. Курбанов // *Мир науки, культуры, образования.* – 2019. – № 1 (74). – С. 264–265.
59. Генеральная прокуратура Республики Беларусь [Электронный ресурс] // 100 шагов к профессии прокурора. – Режим доступа: prokuratura.gov.by. – Дата доступа: 16.05.2022.
60. *Герцог, Т. Ю.* Правовое воспитание как основа правовой функциональной грамотности / Т. Ю. Герцог // *Рос. правовой журн.* – 2021. – № 2 (7). – С. 42–46.
61. *Гигиренцер, Г.* Умная эвристика / Г. Гигиренцер // *Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее / под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова.* – М. : *АСТ*, 2018. – 480 с.
62. Государство как платформа. (Кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация [Электронный ресурс] / М. Петров [и др.] / Центр стратегических разработок. – Режим доступа: <https://www.csr.ru/>

upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf. – Дата доступа: 22.07.2019.

63. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 3 янв. 2023 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218ю>. – Дата доступа: 29.04.2022.

64. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-З : принят Палатой представителей 10 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900238>. – Дата доступа: 21.07.2022.

65. *Гребеньков, Г. В.* Правовое сознание: понятие, структура, феноменология / Г. В. Гребеньков, А. А. Попов // *Вопр. рос. и междунар. права.* – 2017. – Т. 7, № 3А. – С. 7–32.

66. *Грунтов, И. О.* Понятие реализации уголовно-правового принципа субъективного вменения в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции.* – 2009. – № 2. – С. 231–239.

67. *Грунтов, И. О.* Психический и социально-психический аспекты вины – основа содержания принципа личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов // *Право.by.* – 2014. – № 5 (31). – С. 52–58.

68. *Гунибский, М. Ш.* Юридическая конфликтология / М. Ш. Гунибский ; отв. ред. Л. А. Демина. – М. : Норма, 2015. – 176 с.

69. *Гуревич, П. С.* Психология / П. С. Гуревич. – М. : Старик Ватулинг, 2005. – 720 с.

70. *Гусарова, М. А.* Понятие правосознания в современных интегративных теориях (на примере концепций А. В. Полякова и И. Л. Честнова) / М. А. Гусарова // *Общество: философия, история, культура.* – 2017. – № 1. – С. 28–31.

71. *Гырдеев, Д.* Актуальные проблемы общественного сознания / Д. Гырдеев. – М. : Прогресс, 1982. – 312 с.

72. *Дворкин, Р.* О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. – М. : РОССПЭН, 2004. – 392 с.

73. *Деан, С.* Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / С. Деан ; пер. с англ. И. Ющенко. – М. : Карьера Пресс, 2018. – 416 с.

74. *Демидова, И. А.* Должностные лица представительных органов власти как особая категория государственных должностных лиц / И. А. Демидова // *Законность и правопорядок.* – № 2 (38). – 2016. – С. 49–54.

75. *Демидова, И. А.* Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования / И. А. Демидова ; Мин-во внутренних дел Респ. Беларусь, Могилев. ин-т МВД. – Могилев : Могилев. ин-т МВД, 2021. – 396 с.

76. *Демидова, И. А.* Профессиональные кодексы поведения: постановка проблемы и особенности нормативного закрепления / И. А. Демидова //

Вестн. МДУ імя А. А. Куляшова. Эканоміка, сацыялогія, права. – 2014. – № 1 (43). – С. 59–67.

77. Демин, А. В. «Мягкое право» и «жесткое право»: общие признаки и критерии разграничения / А. В. Демин // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. : в 4 т., Тольятти, 16–17 апр. 2015 г. – Тольятти : Волж. ун-т им. В. Н. Татищева, 2015. – С. 98–102.

78. Демченко, Т. И. Научная и философская мысль о понятии и понимании правосознания / Т. И. Демченко // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 12(133). – С. 9–37.

79. Демченко, Т. И. О целостном понимании правосознания / Т. И. Демченко // Право и образование. – 2011. – № 9. – С. 70–79.

80. Дробязко, С. Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С. Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения / редкол. С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 135–147.

81. Дробязко, С. Г. Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы / С. Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения / редкол. С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 43–60.

82. Дробязко, С. Г. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества / С. Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения / редкол.: С.А. Балашенко [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 114–135.

83. Дробязко, С. Г. Проблемы системности в праве / С. Г. Дробязко // Степан Григорьевич Дробязко: к 90-летию со дня рождения / редкол. С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – С. 104–110.

84. Дубровский, Д. И. Биологическая основа познания и антропо-технологическая эволюция / Д. И. Дубровский // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2014. – 221 с.

85. Жигулин, А. А. Психологические аспекты правосознания / А. А. Жигулин // Науч.-исслед. публикации. – 2014. – № 2 (6). – С. 29–37.

86. Жужгов, И. В. Мониторинг правового пространства в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. В. Жужгов ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2006. – 24 с.

87. Жуков, В. Н. Правосознание: философский анализ / В. Н. Жуков // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 18–32.

88. Жукова, Н. С. Правовая идеология как неотъемлемый структурный элемент правосознания / Н. С. Жукова // Философия права. – 2011. – № 2 (45). – С. 73–77.

89. Захарцев, С. И. Правосознание: понятие и уровни / С. И. Захарцев // Прав. поле соврем. экономики. – 2012. – № 2. – С. 11–29.

90. Защита персональных данных глазами граждан. Результаты опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси [Электронный ресурс] // Ин-т социологии НАН Беларуси. – Режим доступа: <https://socio.bas-net.by/zashhita-personalnyh-dannyh-glazami-grazhdan-rezultaty-oprosa-provedennogo-institutom-sotsiologii-nan-belarusi/>. – Дата доступа: 03.07.2023.

91. *Здрок, О. Н.* Примирительная функция судебной власти / О. Н. Здрок // Развитие судебной власти в Республике Беларусь : материалы междунар. круглого стола, Минск, 20 апр. 2017 г. – Минск : БГУ, 2017. – С. 23–28.

92. *Здрок, О. Н.* Примирительные процедуры в гражданском судопроизводстве: понятие, классификация, тенденции развития (на примере Республики Беларусь) / О. Н. Здрок // Вестн. гражд. процесса. – 2012. – № 1. – С. 180–223.

93. *Иванова, Т. К.* Функциональные особенности словообразования сложных имен существительных [Электронный ресурс] / Т. К. Иванова // Совер. проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1266. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15717>. – Дата доступа: 15.05.2023.

94. *Иванский, В. П.* К вопросу о правовой природе «я» (часть I) / В. П. Иванский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2013. – № 7. – С. 193–198.

95. *Иванский, В. П.* К вопросу о правовой природе «я» (часть II) / В. П. Иванский // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2013. – № 8. – С. 169–173.

96. *Иванцова, Ю. Г.* О механизме совершенствования национального информационного законодательства / Ю. Г. Иванцова // Информ. технологии и право: Правовая информатизация – 2018 : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г., Бел. гос. ун-т / под общ. ред. Е. И. Коваленко. – Минск : Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь, 2018. – С. 149–153.

97. *Иконникова, Г. И.* Основы философии права / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – М. : ИНФРА-М : Весь мир, 2001. – 251 с.

98. *Ильин, И. А.* Об органическом понимании государства и демократии / И. А. Ильин // О грядущей России : избр. ст. / под ред. Н. П. Полторацкого. – М. : Воениздат, 1993. – 368 с.

99. *Ильин, И. А.* О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Рарогъ, 1993. – 235 с.

100. *Кабальский, Р. О.* Нормативність права як предмет філософського аналізу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Р. О. Кабальский ; Нац. юрид. академія України ім. Ярослава Мудрого. – Харків, 2008. – 19 с.

101. *Калинин, А. Ю.* Дефекты правообразования и соотношение внутреннего источника права с понятиями «правосознание», «правовая культура» / А. Ю. Калинин // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 6 (54). – С. 124–129.

102. *Калужский, М. Л.* Общая теория систем / М. Л. Калужский. – М. : Директ-Медиа, 2013. – 177 с.

103. Каминская, В. И. Правосознание как элемент правовой культуры / В. И. Каминская, А. Р. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания. – М. : Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1974. – С. 39–67.

104. *Канеман, Д.* Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман ; пер. с англ. А. Андреева, Ю. Делигиной, Н. Парфеновой. – М. : АСТ, 2019. – 653 с.

105. *Канеман, Д.* Шум: несовершенство человеческих суждений / Д. Канеман, О. Сибони, К. Р. Санстейн ; пер. с англ. А. Котовой, С. Селифоновой, В. Тулаева. – М. : АСТ, 2021. – 544 с.

106. *Карманов, К.* Логика идеального. Введение в проблематику / К. Карманов. – СПб. : Коло : Летний сад, 2001. – 256 с.

107. *Касаткин, С. Н.* Словоупотребление и правовая теория. Язык юридической догматики / С. Н. Касаткин // Вопр. экономики и права. – 2009. – № 4. – С. 44–49.

108. *Касаткин, С. Н.* От схоластики к догматике права : курс «Проблемы теории права и государства» как проект проблематизации, методологизации и юридизации языка / С. Н. Касаткин // Вестн. Самар. гос. академии. Сер.: Право. – 2012. – № 2 (12). – С. 3–18.

109. *Касаткин, С. Н.* Юспозитивистская интерпретация правосознания в современной российской юриспруденции / С. Н. Касаткин // Актуальные проблемы правоведения. – 2005. – № 3 (12). С. 32–36.

110. *Касьянов, В.* Социология права / В. Касьянов, В. Нечипуренко. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – 480 с.

111. *Кельзен, Г.* Чистое учение о праве / Г. Кельзен ; пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. – СПб. : АЛЕФ-Пресс, 2015. – 542 с.

112. Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. – Дата доступа: 09.12.2021.

113. *Князева, Е. Н.* Эпистемологический конструктивизм / Е. Н. Князева // Философия науки. Вып. 12: Феномен сознания. – М. : ИФ РАН, 2006. – С. 133–135.

114. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.03.2023 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. – Дата доступа: 13.10.2023.

115. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-З принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 г. // ЭталонONLINE. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900278>. – Дата доступа: 24.02.2023.

116. *Кодин, М. И.* Россия в «сумерках» трансформации. Эволюция, революция или контрреволюция? Политика. Идеология. Нравственность / М. И. Кодин. – М. : Молодая гвардия, 2001. – 192 с.

117. *Кожевников, В. В.* Государственно-правовая действительность как предмет отражения правосознания / В. В. Кожевников // Правоприменение в публичном и частном праве : материалы Междунар. науч. конф., Омск, 27 марта 2020 г. – Омск : Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2020. – С. 86–89.

118. *Кожевников, В. В.* Теория государства и права : в 2 ч. / В. В. Кожевников. – М. : Проспект, 2021. – Ч. 2. – 912 с.

119. *Кожевников, В. В.* К проблеме предмета отражения правосознания и его структуры / В. В. Кожевников // Государство и право. – 2020. – № 12. – С. 45–56.

120. *Комаров, С. А.* Проблемы типологии государства и права / С. А. Комаров // Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Юристъ, 2002. – С. 89–120.

121. *Комлев, Н. Г.* Границы точности термина в разных науках / Н. Г. Комлев // Проблемы взаимосвязи общественных и естественных наук / под ред. Э. В. Гирусова [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 103–117.

122. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> – Дата доступа: 04.08.2023.

123. *Красножон, О. В.* Профессиональное правосознание как форма общественного сознания / О. В. Красножон // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 64–68.

124. *Кудрявцев, Ю. В.* Нормы права как социальная информация / Ю. В. Кудрявцев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 144 с.

125. *Куликов, Е. А.* Категория меры в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты / Е. А. Куликов. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 340 с.

126. *Кун, Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1977. – 300 с.

127. *Купцов, В. И.* Философия и научное познание / В. И. Купцов // Проблемы взаимосвязи обществ. и гуманитар. наук. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 12–28.

128. *Курсаев, А. В.* Причины наличия «мертвых норм» в уголовном кодексе Российской Федерации / А. В. Курсаев // Право: история и современность. – 2021. – № 1 (14). – С. 37–44.

129. *Лагун, Д. А.* Закон: понятие, виды. Декрет Президента Республики Беларусь / Д. А. Лагун // Общая теория права / под ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ, 2013. – С. 294–297.

130. *Лапаева, В. В.* Социология права / В. В. Лапаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2008. – 336 с.

131. *Лаптева, Л. Е.* Принцип формального равенства как основа правового мышления / Л. Е. Лаптева // Принцип формального равенства и взаимное признание права / под общ. ред. В. В. Лапаевой, А. В. Полякова, В. В. Денисенко. – М. : Проспект, 2016. – С. 163–176.

132. *Леанович, Е. Б.* Проблемы правового регулирования интернет-отношений с иностранным элементом / Е. Б. Леанович // Бел. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2000. – № 4. – С. 39–44.

133. *Лебон, Г.* Психология народов и масс / Г. Лебон. – СПб. : Макет, 1995. – 316 с.

134. *Левшин, С. В.* Формирование профессионального самосознания студентов как фактора успешной адаптации в профессии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / С. В. Левшин ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2011. – 24 с.

135. *Лекторский, В. А.* Что есть знание? / В. А. Лекторский // Знание как предмет эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2011. – С. 4–25.

136. *Лукашева, Е. А.* Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – М. : Юрид. лит., 1973. – 344 с.

137. *Лурия, А. Р.* Экспериментальное развитие конструктивной деятельности. Дифференциальное обучение однойцевых близнецов / А. Р. Лурия, А. Н. Миренова // Тр. мед.-биол. ин-та. – М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. – С. 18–32.

138. *Лященко, М. Н.* Трансформация идеала объективного знания в представлениях В. Гейзенберга / М. Н. Лященко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2010. – № 1(3). – С. 142–148.

139. *Маклаков, А. Г.* Общая психология / А. Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2003. – 592 с.

140. *Маклюэн, М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / М. Маклюэн ; пер. с англ. А. Юдина. – Киев : Ника-Центр : Эльга, 2004. – 432 с.

141. *Максимов, С. И.* Идея политики права Л.И. Петражицкого и ее современное значение / С. И. Максимов // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 15–17 нояб. 2007 г. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2007. – С. 69–72.

142. *Максимов, С. И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления / С. И. Максимов. – Харьков : Право, 2002. – 328 с.

143. *Малараева, Ю. М.* Этнопсихологические основы национального правосознания: сравнительный анализ российских и зарубежных ментальных традиций / Ю. М. Малараева // Вестн. Ун-та Рос. академии образования. – 2019. – № 1. – С. 14–19.

144. *Малахов, В. П.* Концепция философии права / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана, 2007. – 751 с.

145. *Малахов, В. П.* Мифы современной общеправовой теории / В. П. Малахов. – М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2013. – 151 с.

146. *Малахов, В. П.* Правовое сознание и сознание права: единство противоположностей / В. П. Малахов // История государства и права. – 2020. – № 10. – С. 11–16.

147. Малахов, В. П. Природа, содержание и логика правосознания : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. П. Малахов ; Моск. академия МВД России. – М., 2007. – 54 с.

148. Малахов, В. П. Формирование профессионального правосознания сотрудников правоохранительных органов / В. П. Малахов // Право и образование. – 2002. – № 6. – С. 95–100.

149. Малько, А. В. Правовая жизнь, правопорядок и правовая реальность: проблемы соотношения / А. В. Малько, С. Л. Слободнюк // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 11–15.

150. Малько, А. В. Теоретико-методологическое значение концепции «правовой жизни» / А. В. Малько, В. В. Трофимов // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 5–13.

151. Малько, А. В. Юридические поощрения как разновидность социальных санкций / А. В. Малько // Обществ. науки и современность. – 1998. – № 4. – С. 75–85.

152. Мальцев, Г. В. Культурные традиции права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.

153. Мамардашвили, М. К. Три беседы о метатеории сознания (краткое введение в учение виджнянавады). Труды по знаковым системам. Т. V [Электронный ресурс] / М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/library/basis/3278/3281>. – Дата доступа: 10.01.2022.

154. Мамчур, Е. А. Социология познания, эпистемология и социальная эпистемология / Е. А. Мамчур // Философ. науки. – 2009. – № 10. – С. 113–126.

155. Маркова, Л. А. Наука на грани с ненаукой / Л. А. Маркова. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2013. – 335 с.

156. Матарас, В. Н. Методы исследования форм государства в историческом времени и пространстве / В. Н. Матарас // Вестн. БГУ. Сер. 3. – № 1. – 2016. – С. 104–113.

157. Матарас, В. Н. Синтез наук и масштаб объекта в исследовании социогенеза государства / В. Н. Матарас // Право.by. – 2017. – № 5 (49). – С. 24–29.

158. Матарас, В. Н. Предмет и объект теории государства / В. Н. Матарас // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D: Экономич. и юрид. науки. – 2017. – № 5. – С. 119–122.

159. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни / Н. И. Матузов // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. – 2012. – № 4 (87). – С. 17–33.

160. Матузов, Н. И. Теория государства и права : учеб. пособие / Н. И. Матузов, В. Н. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.

161. Мельников, И. Н. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации как важный элемент формирования профессионального правосознания современного российского нотариата / И. Н. Мельников // Вестн. Костром. гос. технолог. ун-та. Государство и право: вопросы теории и практики. Сер.: Юрид. науки. – 2016. – № 1 (6). – С. 33–36.

162. Меркулов, И. П. Как возможна рациональная эпистемология? / И. П. Меркулов // Философия науки. – 2004. – Т. 10. – № 1. – С. 172–178.

163. Меркулов, И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) : в 2 т. / И. П. Меркулов. – СПб. : Изд-во РХГА, 2006. – Т. 2. – 416 с.
164. Михайлов, В. В. Социальные ограничения: содержание, структура, функции / В. В. Михайлов. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.
165. Москалькова, Т. Н. Нормотворчество : науч.-практ. пособие / Т. Н. Москалькова, В. В. Черников. – М. : Проспект, 2013. – 384 с.
166. Незнание закона никого не оправдывает: незнание закона не защищает [Электронный ресурс] // Merriam-Webster. – Режим доступа: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/ignorantia%20juris%20neminem%20excusat>. – Дата доступа: 10.08.2022.
167. Нейстат, А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг. : Уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Нейстат. – М., 2000. – 310 с.
168. Нерсисянц, В. С. Общая теория права и государства : учебник / В. С. Нерсисянц. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2002. – 552 с.
169. Носов, П. В. Социальные роли как фактор организации общественных отношений : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.11 / П. В. Носов ; Мок. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 25 с.
170. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-3 : с изм. и доп. от 30 дек. 2022 г., № 232-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://pravov.by/upload/docs/op/H11500305_1437598800.pdf. – Дата доступа: 23.07.2023.
171. Об обеспечении права на судебную защиту и культуре судебной деятельности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верхов. суда Респ. Беларусь, 22 дек. 2016 г., № 9 // Верховный суд Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/jurisprudence/post_plen/general/8a940f1d2c954d84.html. – Дата доступа: 14.02.2023.
172. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2014 г., № 122-3 : с изм. и доп. : в ред. от 9 янв. 2018 г. № 91-3 // Мир права. – Режим доступа: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=h11400122. – Дата доступа: 08.02.23.
173. Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / С. Н. Бабурин [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 2. – 528 с.
174. Общая теория права / В. А. Абрамович [и др.] ; под общ. ред. С. Г. Дробязко, С. А. Калинина. – Минск : БГУ : Четыре четверти, 2017. – 416 с.
175. Овчинников, А. И. Духовный смысл права в юридической герменевтике / А. И. Овчинников // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2014. – № 6 (317). – С. 101–109.
176. Оксфордский словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Дата доступа: 09.12.2021.
177. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г., № 130-3 : с изм. и доп.

от 17 июля 2023 г. № 292-3 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11800130>. – Дата доступа: 01.08.2023.

178. О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о защите прав потребителей [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 июня 2010 г., № 4 // Верховный суд Респ. Беларусь. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/civil/prop/42451de5fbaf48dc.html. – Дата доступа: 14.02.2023.

179. Организация и эффективность правового воспитания / под ред. Д. А. Керимова [и др.] ; редкол.: Д. А. Керимов [и др.]. – М. : Мысль, 1983. – 285 с.

180. Орлова, А. А. К вопросу о понятии и функциях правосознания / А. А. Орлова, Т. П. Бутенко // Теория государства и права. – 2020. – № 4 (20). – С. 183–190.

181. Орлова, А. А. Некоторые аспекты формирования профессионального правосознания и профессиональной правовой культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы / А. А. Орлова // Вестн. Моск. ун-та МВД Росии. – 2010. – № 2. – С. 124–126.

182. Осипов, М. Ю. Понятие и особенности формирования правосознания / М. Ю. Осипов // Соврем. право. – 2013. – № 6. – С. 7–11.

183. Осипов, М. Ю. Теория социально-правовых процессов / М. Ю. Осипов. – М. : NOTA BENE, 2011. – 300 с.

184. Осипов, Р. А. Государственная политика в сфере повышения уровня правовой грамотности граждан Российской Федерации / Р. А. Осипов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2020. – № 1. – С. 34–39.

185. Основы марксистско-ленинской философии : учебник / Ф. В. Константинов [и др.]. – 4-е изд., перераб. – М. : Политиздат, 1976. – 453 с.

186. Павлов, В. И. Конструкция нормы права в контексте антропологического типа правопонимания / В. И. Павлов // Юрид. техника. – 2013. – № 7 (Ч. 2). – С. 556–563.

187. Палеха, Р. Р. Правосознание как элемент содержания правового воздействия / Р. Р. Палеха // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4 (184). – С. 82–84.

188. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – 2-е изд. – М. : Академ. Проект, 2002. – 880 с.

189. Пашенцев, Д. А. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений / Д. А. Пашенцев, Д. Р. Алимова // Государство и право. – 2019. – № 6. – С. 102–106.

190. Пермяков, Ю. Е. Инстанция: там, где ты слышен / Ю. Е. Пермяков // Вестн. Самар. гуманитар. академии. Сер.: Философия. Филология. – 2008. – № 2(4). – С. 77–84.

191. Пермяков, Ю. Е. Философские основания юриспруденции / Ю. Е. Пермяков. – Самара : Самар. гуманитар. академия, 2006. – 248 с.

192. *Пермяков, Ю. Е.* Юридические доктрины естественного права / Ю. Е. Пермяков. – М. : Юрлитинформ, 2022. – 256 с.
193. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 608 с.
194. *Петрова, Т. В.* О проекте экологического кодекса Российской Федерации / Т. В. Петрова // Россия в окружающем мире. – 2009. – № 12. – С. 76–90.
195. *Петрочко, Ж. В.* Обеспечение субъектности личности в процессе правовой социализации как доминанта социальной работы / Ж. В. Петрочко // Изв. Кыргыз. академии образования. – 2019. – № 2 (48). – С. 128–132.
196. *Пиаже, Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже. – М. : Промышленность, 1969. – 659 с.
197. *Погребная, Ю. К.* Кризис современного российского правосознания / Ю. К. Погребная. – М. : Альфа-М, 2013. – 192 с.
198. *Познер, Р.* Рубежи теории права / Р. Познер ; под ред. М. И. Одинцова ; пер. с англ. И. В. Кушнаревой. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2017. – 480 с.
199. *Полани, М.* Личностное знание / М. Полани ; пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. – М. : Прогресс, 1985. – 344 с.
200. *Поленина, С. В.* Социальные аспекты законодательной деятельности / С. В. Поленина // Совет. государство и право. – 1981. – № 11. – С. 4–11.
201. *Поликарпова, Е. В.* Сознание человека и обработка социальной информации / Е. В. Поликарпова // Изв. ЮФУ. Техн. науки. – 2012. – № 7 (132). – С. 253–258.
202. *Поляков, А. В.* Общая теория права. Общая теория права : учебник / А. В. Поляков, Е. В. Тимошина. – 2-е изд. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2015. – 472 с.
203. *Поляков, А. В.* Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход / А. В. Поляков. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. – 845 с.
204. *Поляков, А. В.* Постклассическое правоведение и идея коммуникации / А. В. Поляков // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2006. – № 2 (265). – С. 26–43.
205. *Попондопуло, В. Ф.* Система общественных отношений и их правовые формы (к вопросу о системе права) / В. Ф. Попондопуло // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2002. – № 4 (243). – С. 78–101.
206. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги / К. Поппер ; пер. с англ. В. Н. Садовского. – Киев : Ника-Центр, 2005. – 800 с.
207. *Поппер, К. Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / К. Р. Поппер ; пер. с англ. Д. Г. Лахути. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 384 с.
208. *Пригон, М. Н.* Действие права как проявление социальной энергии / М. Н. Пригон // Ленинград. юрид. журн. – 2021. – № 4 (66). – С. 58–69.
209. *Придворов Н. А.* Презумпции в римском и современном праве: историко-теоретический аспект / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов // Юрид. техника. – 2010. – № 4. – С. 463–469.

210. Проблемы общей теории права и государства / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2002. – 832 с.
211. *Протасовицкий, С. П.* Понятие и система финансового частного права и законодательства / С. П. Протасовицкий // Актуал. проблемы гражд. права. – 2018. – № 1 (11). – С. 88–103.
212. *Прохоров, М. М.* Процессуальность бытия / М. М. Прохоров // Философия и культура. – 2016. – № 3. – С. 320–336.
213. *Проць, О. Є.* До питання про функції правосвідомості / О. Є. Проць // Час. Київ. ун-ту права. – 2014. – № 1. – С. 36–41.
214. *Пружинин, Б. И.* Какие ожидания связывает эпистемология с «социальной эпистемологией»? / Б. И. Пружинин // Эпистемология и философия науки. – 2007. – Т. 14, № 4. – С. 50–55.
215. Психология / под ред. Е. И. Егорова. – М. : МарТ ; Ростов н/Д : МарТ, 2005. – 560 с.
216. *Ратинов, А. Р.* Избранные труды / А. Р. Ратинов ; сост. М. В. Кроз, Н. А. Ратинова. – М. : Академия Генерал. прокуратуры РФ, 2016. – 212 с.
217. *Рахманина, Т. Н.* Актуальные вопросы кодификации российского законодательства / Т. Н. Рахманина // Журн. рос. права. – 2008. – № 4 (136). – С. 30–39.
218. *Рейхенбах, Г.* Философия пространства и времени / Г. Рейхенбах ; пер. с англ. Л. В. Яковенко. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 320 с.
219. *Реуф, В. М.* Правосознание как функция и функции правосознания / В. М. Реуф, С. П. Сальников // Вестн. Академии экон. безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 50–57.
220. *Решетников, С. В.* Теория принятия политических решений: функциональный подход : пособие / С. В. Решетников, Т. С. Решетникова. – Минск : ТетраСистемс, 2012. – 240 с.
221. *Росс, Л.* Человек и ситуация: Уроки социальной психологии / Л. Росс, Р. Нисбетт ; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна ; пер. с англ. В. В. Румынского. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 429 с.
222. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2008. – 713 с.
223. *Рукавишников, И. В.* Метод в системе правового регулирования общественных отношений / И. В. Рукавишников // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2003. – № 1 (246). – С. 217–222.
224. *Рыбаков, В. А.* Правосознание: к вопросу о понятии / В. А. Рыбаков // Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Право. – 2015. – № 3 (44). – С. 23–28.
225. *Саидов, А. Х.* Юридическая глобалистика: глобальный подход к правовой карте мира / А. Х. Саидов // Право и государство. – 2013. – № 4 (61). – С. 14–17.
226. *Сапольски, Р.* Гены, наше тело, общество / Р. Сапольски ; пер. А. Петровой. – М. : АНФ, 2020. – 280 с.
227. Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея [Электронный ресурс] // Толкования стиха Мф. 5:25. Новый Завет. Синодальный

перевод Библии. – Режим доступа: [https:// azbyka.ru /biblia/in/?Mt.5:25](https://azbyka.ru/biblia/in/?Mt.5:25). – Дата доступа: 13.03.2022.

228. Святитель Иоанн Златоуст. О творении мира [Электронный ресурс] // Толкования Священного Писания. Толкования на Быт. 1:1. – Режим доступа: [https:// bible.optina.ru/old:gen:01:01#svt_ioann_zlatoust](https://bible.optina.ru/old:gen:01:01#svt_ioann_zlatoust). – Дата доступа: 13.03.2022.

229. Семашко, Е. В. Обращение как форма непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления в Республике Беларусь / Е. В. Семашко, А. А. Шишкин // Право и государство. – 2021. – № 4 (93). – С. 39–52.

230. Сенякин, И. Н. Система права / И. Н. Сенякин // Общая теория государства и права. Академический курс в 3 томах / С. Н. Бабурин [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. – М. : Зерцало-М, 2002. – Т. 2. – С. 332–349.

231. Сильченко, Н. В. Вопросы понимания сущности, содержания и формы права / Н. В. Сильченко // Юстиция Беларуси. – 2021. – № 12. – С. 21–25.

232. Сильченко, Н. В. Может ли конституция быть свободна от идеологии? / Н. В. Сильченко // Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. : в 2 т., Минск, 27–28 февр. 1991 г. / редкол.: А. А. Головки (отв. ред.) [и др.] ; Президиум Верхов. Совета БССР и Бел. гос. ун-т. – Минск : БГУ им. В. И. Ленина, 1991. – Т. I. – С. 65–67.

233. Сильченко, Н. В. Пределы деятельности законодателя / Н. В. Сильченко // Право и демократия. Вып. 4. – Минск : Университетское, 1991. – С. 17–24.

234. Сильченко, Н. В. Проблемы предмета правового регулирования / Н. В. Сильченко // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 61–64.

235. Синюков, В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации Российской правовой системы / В. Н. Синюков // *Lex russica* (Русский закон). – 2019. – № 9 (154). – С. 9–18.

236. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – М. : Юрайт, 2020. – 1016 с.

237. Скоробогатов, А. В. Правовой миф как ценностная основа правовой реальности России / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // Рос. журн. прав. исследований. – 2019. – Т. 6, № 4 (21). – С. 75–87.

238. Скоробогатов, В. Ю. Пределы права и парадоксы правового регулирования / В. Ю. Скоробогатов // Государство и право. – 2020. – № 1. – С. 20–31.

239. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы / Т. Г. Скребцова. – М. : ЯСК, 2018. – 392 с.

240. Слободнюк, С. Л. Информационная реальность и правовая реальность: перспективы деструкции / С. Л. Слободнюк // Сборники Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина (Санкт-Петербург). Сер.: Электронное законодательство. Вып. 2: Право на доступ к информации: возможности и ограничения в электронной среде : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. ; науч. ред. Н. А. Шевелева. – СПб. : ФГБУ «Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина», 2012. – С. 244–248.

241. *Слободнюк, С. Л.* Правовая реальность и кризис правосознания: историко-теоретический аспект / С. Л. Слободнюк. – СПб. : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.

242. *Словарь Макмиллан* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://macmillan.ru>. – Дата доступа: 09.12.2021.

243. *Соколова, А. А.* Социализация объективного права и динамический процесс правообразования: социально-интерактивная среда осуществления / А. А. Соколова, В. В. Трофимов // Право и политика. – 2017. – № 12. – С. 27–38.

244. *Соколова, А. А.* Социальные аспекты правообразования / А. А. Соколова. – Минск : ЕГУ, 2003. – 160 с.

245. *Социология. Основы общей теории* : учебник / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев. – М. : Норма, 2005. – 912 с.

246. *Социология права* : учеб. пособие / В. В. Глазырин [и др.] ; под ред. В. М. Сырых. – М. : Юстицинформ, 2001. – 480 с.

247. *Спиридонов, Л. И.* Теория государства и права : курс лекций / Л. И. Спиридонов. – СПб. : С.-Петербург. высш. шк. МВД России, 1995. – 301 с.

248. *Спиркин, А. Г.* Происхождение сознания / А. Г. Спиркин. – М. : Изд-во политич. литературы, 1960. – 472 с.

249. *Сырых, В. М.* История и методология юридической науки : учебник / В. М. Сырых. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. – 464 с.

250. *Талев, Н. Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талев ; пер. с англ. Н. Караева. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. – 768 с.

251. *Талев, Н. Н.* Рисквая собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни / Н. Н. Талев ; пер. с англ. Н. Караева. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. – 384 с.

252. *Талер, Р.* Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер ; пер. с англ. А. Прохоровой. – М. : Эксмо, 2018. – 384 с.

253. *Тарасов, Н. Н.* Методологические проблемы юридической науки / Н. Н. Тарасов. – Екатеринбург : УрГЮА, 2001. – 264 с.

254. *Темнов, Е. И.* Интерпретации правосознания / Е. И. Темнов. – М. : РУСАЙНС, 2020. – 142 с.

255. *Тенилова, Т. Л.* Время в праве / Т. Л. Тенилова. – Н. Новгород : Нижегород. правовая академия, 2001. – 119 с.

256. *Тенилова, Т. Л.* Время и правосознание. Лекция / Т. Л. Тенилова. – Н. Новгород : Нижегород. правовая академия, 2003. – 40 с.

257. *Теория государства и права. Курс лекций* / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М. : Юристъ, 1997. – 672 с.

258. *Теория государства и права* : учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – М. : Норма : ИНФРА-М, 1997. – 570 с.

259. *Тённис, Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Тённис ; пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2002 – 456 с.

260. *Титов, С. Н.* Предмет рационального и символического действия уголовного права / С. Н. Титов // Науч. мнение. Экономич., юрид. и соц. науки. – 2017. – № 1. – С. 32–36.

261. *Тихомиров, Ю. А.* Циклы правового развития / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2008. – № 10. – С. 15–22.

262. *Тихомирова, Л. В.* Юридическая энциклопедия / Л. В. Тихомирова, М. Ю. Тихомиров ; под ред. М. Ю. Тихомирова. – 6-е изд., доп. и перераб. – М. : Юринформцентр, 2012. – 1077 с.

263. *Тихонов, А. Н.* Морфемно-орфографический словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М. : Астрель : АСТ, 2007. – 700 с.

264. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – Т. 2. – 941 с.

265. *Толкачев, К. Б.* Правовая идеология в структуре профессионального правосознания государственных служащих Российской Федерации / К. Б. Толкачев // Государство и право. – 2007. – № 11. – С. 101–103.

266. *Трофимов, В. В.* Логико-теоретические аспекты построения дефиниции понятия правообразования / В. В. Трофимов // Юрид. техника. – 2008. – № 2. – С. 49–56.

267. *Трубецкой, Е. Н.* Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой // Теория государства и права. Общая теория права. Хрестоматия. – М. : Городец, 2004. – Т. 2. Право. – 800 с.

268. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 29 июня 2023 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=НК9900296>. – Дата доступа: 01.08.2023.

269. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 17 июля 2023 г. // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295>. – Дата доступа: 01.08.2023.

270. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. от 9 марта 2023 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>. – Дата доступа: 14.05.2023.

271. *Уилсон, Д. Т.* Социопсихологический нарратив, или Что вообще такое эта социальная психология? / Д. Т. Уилсон // Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее / под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова. – М. : АСТ, 2018. – С. 179–198.

272. *Урманцев, Ю. А.* О формах постижения бытия / Ю. А. Урманцев // Вопр. философии. – 1993. – № 4. – С. 89–106.

273. *Фарбер, И. Е.* Правосознание как форма общественного сознания / И. Е. Фарбер. – М. : Юрид. лит., 1963. – 206 с.

274. *Фарман, И. П.* Нормативное знание (социо-культурный аспект) / И. П. Фарман // Знание и сознание в междисциплинарной перспективе / отв. ред. В. А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2014. – 221 с.

275. *Философия* / В. Г. Кузнецов [и др.]. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 519 с.
276. *Франк, С. Л. Избранные труды* / С. Л. Франк. – М. : РОССПЭН, 2010. – 663 с.
277. *Фуллер, Л. Л. Мораль права* / Л. Л. Фуллер ; под ред. А. Куряева ; пер. с англ. Т. Даниловой. – М. : ИРИСЭН, 2007. – 308 с.
278. *Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности* / Т. Я. Хабриева // *Журн. рос. права.* – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16.
279. *Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении* / Р. О. Халфина. – М. : Юрид. лит., 1974. – 352 с.
280. *Халфина, Р. О. Право как средство социального управления* / Р. О. Халфина. – М. : Наука, 1988. – 256 с.
281. *Харт, Г. Л. А. Понятие права* / Г. Л. А. Харт ; пер. под общ. ред. Е. Афонасина [и др.]. – СПб. : Изд. С.-Петербург. ун-та, 2007. – 302 с.
282. *Харт, Г. Л. А. Философия и язык права* / Г. Л. А. Харт ; пер. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева. – М. : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2017. – 384 с.
283. *Хомич, В. М. Уголовная ответственность как объективная правовая реальность: содержание и дифференциация* / В. М. Хомич // *Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции.* – 2016. – Т. 2, № 9. – С. 8–18.
284. *Хропанюк, В. Н. Теория государства и права* / В. Н. Хропанюк. – М. : Отечество, 1993. – 342 с.
285. *Худ, Б. Эссенциализм* / Б. Худ // *Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее* / под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова. – М. : АСТ, 2018. – С. 218–246.
286. *Цимбалюк, М. М. Онтологічні основи теорії правосвідомості* : автореф. дис. ... доктора юрид. наук : 12.00.12 / М. М. Цимбалюк ; Київ. Нац. ун-т внутріш. справ. – Київ, 2009. – 34 с.
287. *Цифровая трансформация. Термины и определения* : СТБ 2583-2020. – Введ. 01.03.2021 [Электронный ресурс] // Нац. академия наук Беларуси. – Режим доступа: <https://nasb.gov.by/rus/activity/nauchno-metodicheskoe-obespechenie-razvitiya-informatizatsii/>. – Дата доступа: 13.09.2023.
288. *Черчленд, П. Совесть. Происхождение нравственной интуиции* / П. Черчленд ; пер. с англ. М. Десятова. – М. : АНФ, 2021. – 278 с.
289. *Честнов, И. Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права* / И. Л. Честнов // *Платон.* – 2012. – № 1. – С. 45–51.
290. *Честнов, И. Л. Перспективы либертарного правопонимания. Polemические размышления* / И. Л. Честнов // *Ежегод. либертарно-юрид. теории* / под ред. В. А. Четвернина. – М. : Изд. дом ВШЭ, 2007. – Вып. 1. – С. 91–101.
291. *Честнов, И. Л. Постклассическая диалогическая онтология права* / И. Л. Честнов. – СПб. : Алетейя, 2016. – 688 с.
292. *Честнов, И. Л. Постклассическая теория права* / И. Л. Честнов. – СПб. : Алеф-Пресс, 2012. – 650 с.

293. *Честнов, И. Л.* Теория государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. / И. Л. Честнов. – СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генерал. прокуратуры РФ, 2017. – Ч. 2. Теория права. – 116 с.

294. *Честнов, И. Л.* Универсальны ли права человека? (полемиические размышления о всеобщей декларации прав человека) / И. Л. Честнов // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 1999. – № 1 (224). – С. 73–82.

295. *Чефранов, В. А.* Правовое сознание как разновидность социального отражения / В. А. Чефранов. – Киев : Вища школа, 1976. – 210 с.

296. *Чикалов, О. В.* Профессиональное правосознание: понятие, уровни, структурные элементы / О. В. Чикалов // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2020. – № 1. – С. 23–26.

297. *Чуприс, О. И.* Особенности метода правового регулирования отношений государственной службы / О. И. Чуприс // Проблемы управления. – 2009. – № 1 (30). – С. 223–231.

298. *Шереги, Ф. Э.* Социология права: прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. – СПб. : Алетей, 2002. – 447 с.

299. *Ширшов, И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования / И. А. Ширшов. – М. : АСТ : Астрель : Русские словари : Ермак, 2004. – 1022 с.

300. *Шклярник, Е. Н.* Этические основания информационного права в России. Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания / Е. Н. Шклярник // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания : материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 15–17 нояб. 2007 г. – СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 2007. – С. 198–201.

301. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.

302. *Щербик, Д. В.* Политическая и правовая мысль населения Беларуси в дохристианский период / Д. В. Щербик // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д: Экономич. и юрид. науки. – 2021. – № 14. – С. 131–135.

303. *Эверетт, Д.* Рекурсия и человеческое мышление, почему у пираха нет чисел / Д. Эверетт // Мышление. Ведущие ученые о том, как мы делаем выбор, решаем задачи и прогнозируем будущее / под ред. Дж. Брокмана ; пер. с англ. А. Курышевой, Д. Литвинова. – М. : АСТ, 2018. – С. 60–87.

304. *Элликсон, Р. Ч.* Порядок без права. Как соседи улаживают споры / Р. Ч. Элликсон ; пер. с англ. М. Марков, А. Лащев. – М. : Изд-во Ин-та Гайдыра. – 2017. – 520 с.

305. Энциклопедия Британника [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.britannica.com>. – Дата доступа: 09.12.2021.

306. *Юрашевич, Н. М.* Эволюция понятия правового сознания / Н. М. Юрашевич // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. – 2004. – № 2 (253). – С. 165–181.

307. Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. – М. : Юрист, 2001. – 1272 с.

308. American Heritage Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: American Heritage Dictionary Entry: nation (ahdictionary.com). – Date of access: 15.05.2021.

309. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: Collins English Dictionary (collinsdictionary.com). – Date of access: 15.05.2021.

310. *Cowan, D.* Legal Consciousness: Some Observations [Electronic resource] / D. Cowan // The Modern Law Review Limited, 2004, Blackwell Publishing. – 2004. – Mode of access: <https://lawforlife.org.uk/wp-content/uploads/2013/05/legal-consciousness-some-observations-97.pdf>. – Date of access: 10.10.2019.

311. *Dyrda, A.* The Limits of Theoretical Disagreements in Jurisprudence [Electronic resource] / A. Dyrda, T. Gizbert-Studnicki // Int J Semiot Law. – Mode of access: <https://doi.org/10.1007/s11196-020-09795-6>. – Date of access: 15.05.2021.

312. *Hart, H. L. A.* Essays in jurisprudence and philosophy Clarendon press. Oxford / H. L. A. Hart. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1983. – 396 p.

313. *Matsukawa, A.* Crime prevention through community empowerment: An empirical study of social capital in Kyoto, Japan / A. Matsukawa, Sh. Tatsuki // Int. J. of Law, Crime and Justice. – 2018. – Vol. 54. – P. 89–101.

314. Oxford learner's dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. – Date of access: 16.05.2021.

315. *Sidorenko, E. L.* Transformation of Law in the Context of Digitalization: defining the correct priorities [Electronic resource] / E. L. Sidorenko, P. von Arx // Digital law journal. – 2020. – Vol. 1, № 1. – P. 24–38.

316. *Smith, A.* The Bunk House Rules: A Materialist Approach to Legal Consciousness in the Context of Migrant Workers' Housing in Ontario [Electronic source] / A. Smith // Osgoode Hall Law Journal. – Vol. 52, Iss. 3. – Mode of access: <https://digitalcommons.osgoode.yorku.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2958&context=ohlj>. – Date of access: 10.10.2019.

317. *Szczucki, K.* Ethical legitimacy of criminal law / K. Szczucki // Int. J. of Law, Crime and Justice. – 2018. – Vol. 53. – P. 67–76.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Методологические основы изучения правового сознания	6
1.1. Правовое сознание как категория философии и юридической науки	6
1.2. Сущностные признаки феномена правового сознания	24
1.3. Правовое сознание и правовое знание: вопросы дифференциации.....	43
Глава 2. Структурная и классификационная характеристика правового сознания	56
2.1. Структурные особенности правового сознания	56
2.2. Классификационная характеристика правового сознания	76
Глава 3. Динамика правового сознания в правовой реальности и юридической действительности	94
3.1. Концептуальные вопросы разграничения нормативности правовой реальности и юридической действительности.....	94
3.2. Правовое сознание как критерий структурной дифференциации юридической действительности.....	107
3.3. Цифровая реальность и юридическая действительность: вопросы соотношения	113
Глава 4. Актуальные проблемы правового регулирования и правового воздействия	122
4.1. Социально-психологические и юридические аспекты правотворчества и правообразования	122
4.2. Границы правового регулирования и правового воздействия.....	136
4.3. Методы правового регулирования и правового воздействия	147
Заключение	158
Библиографический список	162

Научное издание

Вершок Ирина Леонидовна

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОНЯТИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ**

Редактор *Е. Н. Кравченко*

Художник обложки *М. А. Сарасек*

Технический редактор *В. П. Явуз*

Компьютерная верстка *Е. В. Севрук, С. Н. Егоровой*

Корректор *И. В. Сазонова*

Подписано в печать 12.02.2024. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 11,00.

Тираж 60 экз. Заказ 35.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.